

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

НАЙО

МАРШ

.....

ПОСЛЕДНИЙ
РУБЕЖ

.....

РОКОВАЯ ОШИБКА

Золотой век английского детектива

Найо Марш

Последний рубеж. Роковая ошибка

«Издательство АСТ»

1977, 1978

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Последний рубеж. Роковая ошибка / Н. Марш — «Издательство АСТ», 1977, 1978 — (Золотой век английского детектива)

ISBN 978-5-17-116178-1

Молодой Рики Аллейн приехал в живописную рыбацкую деревушку Дип-Коув, чтобы написать свою первую книгу. Отсутствие развлечений в этом тихом местечке компенсируют местные жители, которые ведут себя более чем странно: художник чересчур ревностно оберегает свой этюдник с красками, а водопроводчик под прикрытием ночной рыбалки явно проворачивает какие-то темные дела. Когда в деревне происходит несчастный случай – во время прыжка на лошади через овраг погибает мисс Харкнесс, о чьей скандальной репутации знали все в округе, – Рики начинает собственное расследование. Он не верит, что опытная наездница, которая держала школу верховой езды и конюшню, могла погибнуть таким странным образом. И внезапно исчезает сам... Сибил Фостер, владелица одного из самых элегантных поместий в Верхнем Квинтерне, отправляется в роскошный отель «Ренклюд» отдохнуть и поправить здоровье под наблюдением врача, где... умирает при невыясненных обстоятельствах. Эксперты единодушны: смерть наступила от передозировки лекарств. Неужели эксцентричная дамочка специально уехала от друзей и родственников за город, чтобы покончить с собой? Тем более, как выясняется, мотивов для самоубийства у нее было предостаточно – ее мучила изнурительная болезнь, а дочь отказалась выходить замуж за подходящую партию. Однако старший суперинтендант Родерик Аллейн сомневается, что в этом деле все так однозначно, и чувствует, что нужно копать глубже.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116178-1

© Марш Н., 1977, 1978

© Издательство АСТ, 1977, 1978

Содержание

Последний рубеж	7
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	42
Глава 5	58
Глава 6	80
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Найо Марш Последний рубеж Роковая ошибка

Ngaio Marsh
LAST DITCH
GRAVE MISTAKE

Серия «Золотой век английского детектива»

Перевод с английского Е. Матвеевой («Последний рубеж»), И. Дорониной («Роковая ошибка»)

Серийное оформление и компьютерный дизайн В. Половцева

Печатается с разрешения литературных агентств Aitken Alexander Associates Ltd. и The Van Lear Agency LLC.

© Ngaio Marsh Ltd, 1977, 1978

© Перевод. И. Дорониной, 2019 Школа В. Баканова, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

 НАЙО
МАРШ

Найо Марш (1895–1982) – ярчайшая звезда «золотого века» английского детектива, автор 32 романов и множества пьес.

Ее имя стоит в одном ряду с такими признанными классиками жанра, как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.

За свои литературные достижения она была удостоена звания дамы-командора ордена Британской империи.

Последний рубеж

Посвящается семейству с фермы «Грецкий орех»

Глава 1

Дип-Коув

Хотя супруги Фарамонд слыли простыми в общении людьми, Рики Аллейн сразу почувствовал, что им присущ некий аристократизм.

Эта мысль посетила его еще до того, как хозяева дома появились в гостиной – большой привлекательно обставленной комнате с лимонно-желтыми стенами, натертым до блеска паркетом и изысканными, небрежно брошенными на пол китайскими ковриками. С противоположных стен друг на друга смотрели два портрета: сердитого джентльмена в военной форме и чем-то недовольной полногрудой женщины с веером. А еще по стенам были равномерно распределены необрамленные рисунки, пришпиленные кнопками; один из них вообще имел фривольный, если не сказать неприличный характер.

Рики повернулся к окнам, за которыми море сливалось с небом, и тут в комнату быстрым шагом вошел Джаспер Фарамонд.

– Рики Аллейн! Очень рад. Мы все рады. – Он весело встряхнул гостю руку и жестом пригласил его сесть в кресло. – Вы похожи на обоих родителей. Вдвойне повезло!

Рики смущенно пробормотал, что родители передают самый теплый привет и что они много рассказывали ему о путешествии, которое когда-то совершили вместе с четой Фарамонд.

– Они были ужасно добры к нам, – сказал Джаспер. – Просто не представляете. Хотя сами – знаменитости.

– Они не чувствуют себя знаменитостями.

– Поэтому с ними так приятно общаться. Скажите же, что привело вас на остров и как вам жилье, которое подыскала Джулия?

Чувствуя, что краснеет, Рики ответил, что надеется проработать все летние каникулы, и что комнаты, которые предоставило в его распоряжение одно из семейств в деревне – как раз то что нужно, и он в большом долгу перед миссис Фарамонд.

– О, она обожает заниматься подобными делами. Итак, вы с честью и со всевозможными отличиями преодолели все трудности учебы и теперь в столь юном возрасте можете сами зваться преподавателем?

Рики что-то пробормотал. Джаспер улыбнулся, отчего его небольшой, чуть загнутый книзу нос опустился, а уголки губ приподнялись. Улыбка придавала ему сходство с фавном, а копна густых волос довершала образ.

– Знаю, – сказал он. – Вы пишете книгу.

– Только начал.

– И не хотите пока о ней говорить. Что ж, разумно. А вот и остальные, вернее, некоторые из них.

В комнату вошли двое: молодая женщина и подросток лет тринадцати, чье внешнее сходство с хозяином дома не оставляло сомнений в том, что он тоже носит фамилию Фарамонд.

– Джулия, – объявил Джаспер. – И Бруно. Мои жена и брат.

Джулия была прекрасна. Она поприветствовала с чрезвычайной учтивостью Рики, сияя улыбкой, расспросила его о том, как он устроился, а потом обратилась к мужу:

– Дорогой, у нас тут сюрприз. К нам пришла девушка.

– Какая девушка? Где она?

– С детьми в саду. И у нее будет ребенок.

– Прямо сейчас?

– Разумеется, нет, – рассмеялась Джулия.

Она издавала звуки, похожие на шипение сифона для газированной воды, которое перемежалось неразборчивыми словами. Муж посмотрел на нее с опаской. Бруно захихикал.

– Да что это за девушка? – спросил Джаспер. – И обратился к Рики: – Простите Джулию. У нее что ни день, то очередная драма.

– Просто мы без конца попадаем в какие-то пикантные ситуации, – весело пояснила Джулия. – Если Джаспер прекратит меня перебивать, я все объясню.

– Уже прекратил.

– Мы с Бруно и детьми, – начала Джулия, – поехали на конюшню под названием «Лезерс», хотели узнать, можно ли взять у них лошадей покататься. Конюшню держат Харнессы¹.

– Харнессы, – поправил ее Джаспер.

– Харнессы. Мистер и мисс Харкнесс. Дядя с племянницей. Ну, так вот, их не было в конторе и в конюшне. Мы собирались посмотреть на выгоне и тут услышали вой. Вот прямо настоящий вой. А в ответ кто-то ругался грозным голосом. Звуки доносились из закрытого сарая. Можно было разобрать, что мистер Харкнесс угрожает пристрелить кого-то по имени Мунго, потому что тот лягнул рыжую кобылу. Наверное, Мунго – конь. И пока мы там стояли в растерянности, мистер Харкнесс назвал мисс Харкнесс вавилонской блудницей. Ужасно было неудобно. Вот вы бы что сделали?

– Убрался бы оттуда подальше, – ответил Джаспер.

– Из вежливости или из страха?

– Из страха.

Джулия посмотрела на Рики огромными глазами.

– Я тоже, – торопливо сказал тот.

– Ну, возможно, я поступила бы так же из-за детей, но тут вдруг раздался звук пощечины, дверь распахнулась, и из сарая выбежала мисс Харкнесс.

– Харкнесс.

– Ну да, в общем, она вылетела оттуда, промчалась мимо нас и скрылась за домом. А мистер Харкнесс с ремнем в руке стоял в дверях сарая и выкрикивал ей вслед ветхозаветные проклятия.

– И что ты сделала?

– Сказала тоном полицейского: «В чем дело, мистер Харкнесс?», и он ушел.

– А потом?

– Мы уехали. Не бежать же мне было за мистером Харкнессом, раз он явно не в духе.

– Он же мог и нас ударить, – вставил Бруно по-мальчишески срывающимся голосом.

– А теперь поподробнее о девушке, которая сейчас с детьми в саду. Что-то мне подсказывает, что это мисс Харкнесс.

– Она самая. Мы встретили ее по пути домой. Несчастная стояла на краю утеса, и у нее было такое странное выражение лица... Я остановила машину и заговорила с ней. Оказывается, она на девятой неделе беременности. Думаю, она не признается, кто отец ребенка, потому-то мистер Харкнесс и взялся за ремень.

– А тебе она сказала, кто отец?

– Так сразу? Да и вообще, лучше на нее не давить. Всему свое время. Пойдите поздоровайтесь с ней.

Едва Джулия договорила, как в комнату вошли еще двое Фарамондов: мужчина чуть старше Рики и молодая женщина, очень похожие на Бруно и Джаспера. Их представили как «наши кузены, Луи и Карлотта». Рики сначала подумал, что они брат и сестра, но потом Луи обнял Карлотту и поцеловал в шею. Тогда Рики заметил обручальное кольцо у нее на пальце.

– Что за девушка там в саду с детьми? – спросила Карлотта Джулию. – Она ведь из конюшни?

---

¹ Harness (англ. «запрягать лошадей»). – Здесь и далее прим. переводчика.

– Да, но я не буду пересказывать всю историю заново, ладно, дорогая? Мы собираемся с ней поздороваться, пойдем с нами.

– А мы с ней только что разошлись на узенькой тропинке, так что избежать приветствия не было никакой возможности, – ответила Карлотта.

– Наверное, лучше пригласить ее в дом, – заявила Джулия. – Бруно, дорогой, будь добр, позови сюда мисс Харкнесс. – И добавила ему вслед: – И детей приведи познакомиться с Рики. – Она одарила последнего очаровательной улыбкой. – Видите, какой непростой нас ожидает ланч?

– Ничего, я справлюсь, – ответил тот.

Фарамонды посмотрели на него одобрительно.

– У тебя ведь были вещи примерно такого размера? – обратилась Джулия к Карлотте.

– Как у кого?

– Ну, дорогуша, как у мисс Харкнесс. Разумеется, я имею в виду *нынешний* ее размер. Ограничимся заботами дня сегодняшнего и не будем забегать вперед.

– К чему все это? – требовательно спросила Карлотта. – Что Джулия задумала?

– Да уж поверь, ничего хорошего, – пробормотал Джаспер и обратился к жене: – Ты предложила мисс Харкнесс остаться у нас? Не побоялась?

– Ей ведь больше некуда пойти. Не к мистеру же Харкнессу, чтобы он ее побил. В ее состоянии нечего туда и соваться. Ну, сам-то подумай!

– Идут, – сообщил Луи, который все это время смотрел в окно. – Так, я ничего не понял. Она остается на обед?

– Очевидно, и после тоже, – сказала Карлотта. – Джулия вон хочет, чтобы я ей отдала свою одежду.

– Не отдала, а одолжила, – поправила ее Джулия. – Завтра что-нибудь придумаем.

В холле раздались детские голоса. Дверь открыл Бруно, и в гостиную с шумом вбежали две маленькие девочки лет пяти и семи. Обе были в джинсовых комбинезончиках. Они подбежали к матери, которая нежно их обняла и воскликнула с умилением:

– Дорогие мои!

И тут в комнату вошла мисс Харкнесс – девушка с внушительными формами, заглубленным от солнца лицом и такими мозолистыми руками, что Рики тут же подумал о лошадиных копытах. Слегка припухшие глаза гостыи свидетельствовали о недавних переживаниях, связанных с возникшими в ее жизни осложнениями. На ней были бриджи для верховой езды и клетчатая рубашка.

Пока Джулия представляла ее присутствующим, она переминалась с ноги на ногу, кивала и иногда произносила неопределенное «мм». Фарамонды поддерживали ничего не значащий разговор, Джаспер поставил на стол поднос с напитками. Рики и Бруно выбрали пиво, хозяева – шерри и белое вино. Мисс Харкнесс низким хриплым голосом сказала, что пригубит виски, и тремя шумными глотками осушила стакан. Луи Фарамонд завел с ней разговор о лошадях – Рики слышал, как он сказал, что пробовал играть в поло, когда был в Перу, но у него плохо получалось.

Рики смотрел на Фарамондов и поражался, какие они все бледные. Будто им, как овощам в парнике, долго не хватало солнечного света. Даже у Джулии – Фарамонд только по мужу – лицо было лишено красок. Однако бледность ей шла – она театрально оттеняла дерзкий взгляд и изгиб рта, делая Джулию похожей на героиню картин Обри Бердсли².

За обедом Рики сидел справа от Джулии; с другой стороны его соседкой оказалась Карлотта. Наискосок от него, рядом с Джаспером и слева от Луи, расположилась мисс Харкнесс с

---

² Обри Бердсли – английский художник-график, иллюстратор, поэт (1872–1898), один из виднейших представителей английского эстетизма и модерна.

новым стаканом виски с содовой в руке, а напротив нее, по левую руку от своего отца, сидели девочки, Селина и Джульетта. От остальных Фарамондов Луи отличали смугловатый цвет лица и светский лоск – тонкие черные усики, гладко зачесанные назад волосы, шелковистый джемпер. Полуобернувшись к мисс Харкнесс, он вел односторонний разговор, игриво посмеиваясь, в то время как ответом ему было лишь угрюмое выражение лица. Карлотта – жена Луи – время от времени бросала на него удивленные взгляды.

– Вы видели «нашу Трой»? – обратилась Джулия к Рики, указывая на картину над головой Джаспера.

Рики видел, но не осмеливался заговорить о ней. Картина изображала беседующих мужчину и женщину – они сидели на фоне прогуливающих на сильном ветру людей, чьи яркие фигурки резко вырисовывались на фоне безмятежного неба.

– Мы с Джаспером на борту «Орианы», – пояснила Джулия. – Обожаем эту картину. А вы рисуете?

– К счастью, даже не пытаюсь.

– Может, у вас склонности к работе в полиции?

– И этого тоже нет. Боюсь, я пошел совершенно не в родителей.

– Джаспер у нас – математик, – продолжала его супруга. – Пишет книгу о биноме Ньютона, только не говорите никому, он не хочет, чтоб об этом знали. Селина, дорогая, еще одна такая гримаса, и ты выйдешь из-за стола без клубники со сливками.

Селина растянула пальчиками уголки губ и, хитро прищурившись, уставилась на мисс Харкнесс. После слов матери лицо ее мгновенно приняло нормальное выражение, но потом она откинулась на стуле и сделала вид, что смотрит на всех исподлобья. Ее сестру Джульетту разбирал смех.

– Дети безобразничают и думают, что всем от этого ужасно весело, – пожаловалась Джулия. – Вчера за ланчем Джульетта заладила: «Пудинг из грязи, пудинг из грязи», и они обе хохотали до слез. Нам с Джаспером было очень стыдно.

– Подрастут и станут серьезнее, – заверил ее Рики.

– Надеюсь. – Джулия наклонилась к нему ближе. На Рики, уловившего исходивший от нее аромат, внезапно нашло странное оцепенение. – Пока все идет неплохо, – шепнула она. – Гостя ведет себя тихо.

– И ест с аппетитом, – пробормотал Рики.

Джулия просияла ему в ответ. У Рики резко поднялось настроение.

«Да что со мной такое?!» – удивленно подумал он.

Рики ушел от Фарамондов, чувствуя себя кораблем, который только что отправили в плавание по неизвестным водам.

«Удивительная дама, – думал он по дороге к своему временному пристанищу в деревне. – Очень милая и совершенно удивительная».

II

Рыбацкая деревушка под названием Дип-Коув располагалась в северной оконечности острова и представляла собой кучку домов, рассыпанных по берегу ничем не примечательной бухты. В деревне имелись магазин, почта, паб «Треска и бутылка» и церковь. Когда случался хороший улов, его увозили на фургоне в Маунтджой на южном побережье. Маунтджой – единственный город на острове – был туристическим центром с тремя маленькими гостиницами. Деревня Дип-Коув (или просто Коув) находилась от него в восьми милях, но туристы из Маунтджоя туда, как правило, не доезжали, поскольку в деревне не было достопримечательностей, да и лежала она в стороне от главной дороги. Наведывались приезжие разве что в «Лезерс» – школу верховой езды, которую держали Харкнессы. Она располагалась в миле от Дип-Коува, а

точнее, на полпути между деревней и имением Фарамондов, которое носило название Л'Эсперанс³ и, по словам Джаспера, принадлежало семейству с середины восемнадцатого века. Дом стоял на высоком утесе и в ясную погоду был виден за много миль.

Рики сел на взятый напрокат велосипед, который дожидался его во внутреннем дворе, спустился с холма по тряской тропе, какое-то время смело катил по шоссе, чувствуя, как соленый ветер щекочет ноздри, а затем по резко уходящей вниз дороге направился в Коув.

Дом мистера и миссис Феррант стоял на территории порта; в распоряжении Рики были спальня на втором этаже и крошечная гостиная. Он предпочитал работать в спальне у окна, из которого открывался вид на гавань, узкую песчаную полосу берега и причал с маленькой флотилией рыбацких лодок. Чайки с характерной для этих пернатых настырностью наполняли воздух криками – звуковой фон, типичный для морского побережья.

Подъезжая к дому, Рики почувствовал запах пропаренного белья. Во двор вышла миссис Феррант – привлекательная дородная женщина лет тридцати пяти с черными волосами, тщательно собранными в узел, черными глазами и смугловатой кожей. Как и у большинства жителей острова, в ее внешности отчетливо угадывались черты галльских предков.

– А, вы вернулись, – констатировала она. – Чаю хотите?

– Большое спасибо, миссис Феррант, пока нет, – ответил Рики. – Я очень поздно обедал.

– В Л'Эсперанс?

– Верно.

– Наверное, богатый был стол и сервирован прекрасно?

Ее манера речи не поддавалась точному определению. Говорила миссис Феррант почти так же, как жители западных графств, но в словах слышался призывок французского «р».

– Они там хорошо живут, – пояснила она.

– Да, все было очень хорошо, – пробормотал Рики.

– И все были в сборе? Все семейство?

– Наверное. Я точно не знаю, сколько в нем человек.

– Мистер и миссис Джаспер и дети. Еще Бруно, когда он не на учебе.

– Верно, – согласился Рики. – Бруно тоже был.

– И больше никого?

Рики почувствовал себя загнанным в угол.

– Были, – ответил он. – Мистер и миссис Луи Фарамонд.

– А-а, – протянула миссис Феррант, помолчав. – Они.

Рики уже повернулся, чтобы уйти, но она снова спросила:

– И все?

Рики начинала раздражать такая настойчивость.

– Еще была одна гостья, – ответил он и направился к дому.

– Какая? – не сдавалась миссис Феррант.

– Мисс Харкнесс.

– А *она-то* что там делала?

– Обедала, – очень холодно ответил Рики и взбежал по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Внизу миссис Феррант хлопнула кухонной дверью.

Рики пытался поработать, но так и не смог – кто же начинает работу далеко за полдень. Так что он выпил два бокала пива. Ему вспоминалось, как Джулия с нежным, как цветок магнолии, лицом говорила о молодой беременной женщине, словно это была лошадь, как Луи Фарамонд флиртовал с гостьей, а Селина строила всем гримасы. Потом вдруг откуда-то возникла миссис Феррант в образе фурии.

---

³ «Надежда» (фр.)

– А, вы вернулись, – проговорила она одними губами.

«Сейчас как завопит», – подумал Рики и проснулся.

Полуденное солнце золотило гавань, придавая яркости лодкам и одежде жителей деревни. В группке мужчин у пристани Рики узнал хозяина дома, мистера Ферранта.

Мистер Феррант был местным водопроводчиком и на все руки мастером. Ему принадлежали довольно новая машина и небольшая лодка, которая, помимо паруса, была оснащена мотором. На ней он рыбачил в гавани, а иногда и довольно далеко в море. В целом, Ферранты казались весьма обеспеченной семьей. Глава семьи – крупный мужчина с масляным и, пожалуй, хитроватым взглядом – выглядел довольно привлекательно, благодаря румянному лицу и густым кудрям. Рики подумалось, что он моложе жены, и ей, наверное, приходится за ним приглядывать.

Мистер Феррант что-то живо рассказывал своим собеседникам. Когда он добрался до сути рассказа, слушатели уже складывались пополам от хохота, держа руки в карманах. Постепенно «собрание» стало расходиться. Мистер Феррант повернул к своему дому и, увидев в окно Рики, слегка дернул головой – в Коуве это движение служило приветствием. Рики махнул ему рукой в ответ. Хозяин подошел к дому, хлопнула входная дверь, в коридоре раздались шаги.

Рики решил доставить себе удовольствие и написать благодарственное письмо Джулии Фарамонд. Он сделал несколько попыток, однако письмо выходило то чересчур восторженным, то сухим. В итоге он написал:

«Дорогая миссис Фарамонд!

С Вашей стороны было очень любезно пригласить меня на обед. Мне *все* очень понравилось.

С огромной благодарностью,

Рики.

Р. S. Надеюсь, Ваша гостыя удобно устроилась».

Теперь следовало найти в деревне почту и отправить письмо. Рики приехал только вчера вечером и не успел толком осмотреться.

Собственно, осматривать было и нечего. Вдоль берега пролежала центральная улица, а от нее довольно круто вниз по склону расходились маленькие улочки с рядами домов. На углу, по соседству с коттеджем Феррантов, стоял полицейский участок. Единственный магазин под названием «Ткани и предметы обихода» сочетал в себе функции почты, бакалейной и москательной лавок; здесь же продавалась одежда, канцелярские принадлежности и игрушки. Снаружи висели на натянутых веревках бушлаты, матросские куртки, дождевики и свитеры; в темных недрах магазина угадывался остальной ассортимент товаров. Рики неожиданно захотелось что-нибудь купить. Он распахнул дверь и тут же получил удар под дых.

Крутанувшись на месте, он оказался лицом к лицу с пышной копной волос, темными очками, рубашкой в цветочек, бусами и бахромой.

– Ой! – воскликнул Рики, схватившись за живот. – Что это было?

Голос из-под копны сказал нечто неразборчивое, потом его обладатель махнул рукой на свое плечо, с которого на ремне свисал ящичек, странным образом знакомый Рики.

– Я просто выходил, – пробормотал голос.

– Ладно, – произнес Рики. – Ребра вроде целы.

Голос зловеще хохотнул, а его хозяин протиснулся мимо Рики и с этюдником на плече поковылял прочь.

– Как неаккуратно, – заметил вынырнувший откуда-то из темноты мистер Мерсер – владелец магазина и по совместительству единственный продавец. – Не одобряю я такое поведение. Что вас интересует?

Рики, которому все еще было больно, интересовал синий джемпер-поло с ярлычком «Товары местного производства. Специальное предложение!»

– Хороший свитер, – сказал Рики.

– Да, прекрасная ручная работа, сэр. Миссис Феррант – непревзойденная мастерица.

– Миссис Феррант?

– Ну да, сэр. Вы же у них остановились, верно? Джемпер будет вам точно впору. Примерите?

Рики примерил и купил не только джемпер, но и синюю матросскую куртку, которая превосходно с ним сочеталась, и решил сразу же надеть обновки.

Главная улица заканчивалась у ступенек, ведущих к берегу. Там, перед мольбертом, спиной к Рики стоял тот самый человек из магазина. В руке у него была палитра, у ног лежал раскрытый этюдник.

Сначала художник покрыл холст широкими мазками, которые, казалось, не имели никакого отношения к простиравшемуся перед ним пейзажу. Потом в ход пошла яркая черная краска – на холсте появилась обнаженная женская фигура с несоразмерно маленькими ногами, внушительной задней частью и без головы. Художник отступил на пару шагов, присмотрелся, затем кинулся к мольберту и набросал гигантскую длинношеюю птицу, вознамерившуюся клюнуть обнаженную фигуру. «Леда, – решил Рики. – А птица, соответственно – лебедь»⁴.

Изображение сразу же напомнило ему эскизы из гостиной в Л'Эсперанс. Интересно, что бы сказала об этой картине мать, чья живописная манера была очень далека от академической. По мнению Рики, эскизу не хватало цельности.

Художник, по всей видимости, решил, что картина закончена. Он почистил палитру и сложил ее вместе с кистями в этюдник. Затем выудил откуда-то пачку сигарет и спички, отвернулся от ветра и увидел Рики.

Сначала он вроде бы угрожающе нахмурился – из-за обильной растительности на лице определить его выражение не представлялось возможным. Темные очки придавали ему сходство с какой-нибудь сомнительной личностью с Лазурного берега.

– Здравствуйте еще раз, – сказал Рики. – Надеюсь, вы не против, что я немного понаблюдал за вашей работой.

Борода и бакенбарды шевельнулись, послышался какой-то глухой звук. Художник открыл спичечный коробок, который оказался пустым.

– Огонька не найдется? – скорее угадал, чем услышал Рики.

Он спустился по ступенькам и протянул художнику свою зажигалку. Воспользовавшись ею, тот снова принялся складывать принадлежности.

– Как вам здешние места? – спросил Рики, пытаясь найти какую-то тему, которая не вызвала бы в собеседнике враждебности. – Тут так и хочется творить, например, пейзажи писать, да?

– Только не какие-нибудь дурацкие картинки, – ответил голос. – Здесь чувствуется мощь, меня такое больше вдохновляет.

– А не мог ли я видеть ваши работы в Л'Эсперанс – у Фарамондов?

Художник вновь остановил на Рики долгий взгляд, потом сказал:

– На днях я продал несколько работ одной женщине. На уличной выставке в Маунтджое. Бледная такая женщина с черными волосами. Болтала много, конечно, да они все такие. Но, вообще говоря, ничего так дамочка, я бы за ней приударил.

Рики захотелось пнуть художника.

– Ладно, – сказал он. – Я пойду.

---

⁴ Популярный в живописи сюжет из древнегреческого мифа, изображающий Леду, супругу царя Спарты Тиндарея, соблазненную Зевсом в образе лебедя.

– Вы тут остановились?

– Да.

– Надолго?

– Не знаю, – ответил Рики, собираясь уходить.

Похоже, художник был из тех людей, чья потребность выказать собеседнику свое расположение возрастает пропорционально снижению заинтересованности со стороны последнего.

– А куда торопитесь-то?

– Поработать надо.

– *Поработать?*

– Именно. Доброго вечера.

– Вы ведь пишете, да?

– Пытаюсь, – сказал Рики, не оборачиваясь.

– Гил Феррант так и сказал. Что пишете.

Рики ничего не ответил. Всю обратную дорогу он размышлял о том, что, по всей видимости, уже вся деревня знает и где он остановился, и что пытается писать.

Так что он пошел в коттедж и в очередной раз сел за работу.

Персонажи у него уже были. И отношения между ними он продумал, а вот куда их поместить – не знал: они то топтались на месте, то слонялись без дела. Рики захотелось добавить еще одного персонажа – женщину с нежной, как цветок магнолии кожей, черными волосами и глазами и заразительным смехом.

Миссис Феррант принесла ужин на подносе в гостиную наверху. Рики спросил ее про художника, и она небрежно и резковато ответила, что его зовут Сидни Джонс, и у него «ужасная старая конура» у Рыбачьей лестницы.

– Так он местный?

– Иностранец. Но в Коуве уже давно околачивается.

– Вам нравятся его картины?

– Да мой Луи лучше намалюет, – фыркнула она.

Луи был ее десятилетним сыном-сорванцом.

Уже выходя с пустым подносом из комнаты, миссис Феррант заметила:

– Какой у вас странный старомодный джемпер.

– А мне кажется – отличный, – громко сказал Рики ей вслед.

В ответ ему хмыкнули и сказали что-то по-французски.

Сытый и довольный, Рики зажег трубку и отправился в «Треску и бутылку». Никто и никогда не пытался добавить лоска этому заведению – старый паб пребывал в своем первоизданном виде. Единственным украшением служили пожелтевшие фотографии местных знаменитостей и карта острова. На стене висела утыканная дротиками мишень для игры в дартс, а на столе в глубине бара лежала доска для игры в «Толкни монетку»⁵. В огромном камине полыхала охапка плавника, отчего в пабе приятно пахло дымком.

Бар был полон посетителей, табачный дым смешивался с пивными парами. Спиной к барной стойке стоял Феррант, вальяжно опершись об нее локтем и явно красуясь перед приятелями. Увидев Рики, он поднял пивную кружку и, как обычно, слегка кивнул.

Бармена и по совместительству хозяина «Трески и бутылки» звали Боб Мэйстр. Он эффектно подал Рики заказанную пинту.

Рики направился к свободному стулу в углу. Сидя там, можно было сохранять позицию наблюдателя. Заслонявшие обзор игроки в дартс закончили партию и перешли в бар. Рики, к

---

⁵ Shove-ha'penny – традиционная для британских пабов настольная игра, в которой используются монеты достоинством в полпенса или металлические диски. Разновидность шафлборда.

своему неудовольствию, увидел за дальним столиком в углу Сидни Джонса – художника – с кружкой пива и поспешил отвернуться, пока тот его не заметил.

Между ними встали новые посетители: рыбаки, судя по разговору. Феррант отделился от стойки бара и вразвалочку приблизился к ним. Завязался разговор, по большей части неразборчивый; к тому же в речи старших жителей острова по-прежнему слышались отголоски давно исчезнувшего нормандского диалекта.

Наконец Феррант оставил своих собеседников и подошел к Рики.

– Добрый вечер, мистер Аллейн, – сказал он. – Знакомьтесь с жизнью острова?

– Надеюсь познакомиться, мистер Феррант.

– Не слишком ли у нас тут тихо?

– Мне это и нравится.

– Нравится? Надо же.

Говорил Феррант одновременно шутливо и безразлично. Он постоял с Рики минуту или чуть больше и раза два картинно приложился к пиву.

– Ну, ладно, хорошего тогда вечера, – сказал он наконец, повернулся и очутился лицом к лицу с мистером Сидни Джонсом.

– Глядите-ка, кто к нам пожаловал! – От души хлопнув Джонса по спине, Феррант вернулся к своим приятелям.

Мистер Джонс, по всей видимости, не признавал никаких условностей этикета. Он уселся за столик Рики, вытянул ноги и уставился куда-то в пустоту. Возвращение Ферранта к стойке бара было встречено громким хохотом, заглушившим какие-то слова, которые произнес Джонс.

– Извините, – сказал Рики. – Не расслышал, что вы сказали, – он подался вперед.

– В конуру мою заглянуть не хотите? – пробился сквозь шум голос.

Этого Рики сейчас хотелось меньше всего.

– Очень любезно с вашей стороны, – ответил он. – Я бы хотел взглянуть на ваши работы как-нибудь в один из дней, если позволите.

– Не «в один из дней», а прямо сейчас, – произнес Джонс, подражая акценту Рики.

– Сейчас? – сказал Рики, пытаясь потянуть время. – Ну...

– У меня не заразно, – ухмыльнулся тот. – Если вас это пугает.

«Ну вот, – подумал Рики. – Теперь еще и обиделся. Ну что за надоедливый тип».

– Что вы, приятель, я ни о чем таком и не думал.

Джонс допил свою пинту и поднялся с места.

– Вот и правильно. Тогда пошли? – сказал он и, даже не взглянув на Рики, вышел из бара.

На улице было темно и зябко – с моря дул резкий ветер; вокруг фонарей на пристани стоял туманный ореол. В мол ударили высокие волны.

В полном молчании Джонс и Рики дошагали до того места на берегу, где художник писал днем. Потом свернули налево в темноту и начали подниматься по нескончаемым мокрым, разбитым ступеням между коттеджей, которые постепенно редели, а потом исчезли.

Поскользнувшись, Рики едва не упал, но успел схватиться за мокрую грязную траву.

– Что, крутовато для вас? – сказал мистер Джонс, кажется ухмыльнувшись при этом.

– Нисколько, – бодро ответил Рики.

– Осторожно. Я пойду первым.

Они вышли на очень мокрую и очень неровную тропу. Теперь Рики видел перед собой только фигуру Джонса в тусклом отсвете грязных окон.

Неожиданно совсем рядом кто-то всхрипнул и затопал.

– Это еще что такое?! – воскликнул Рики.

– Лошадь.

Невидимая лошадь шумно вздохнула.

Впереди показались окна и дверь. Джонс пнул дверь, и та со скрипом отворилась. Сзади она была завешена какой-то грязной тряпкой, изображающей портьеру.

Не пригласив Рики войти, да и вообще ничего не сказав, Джонс исчез внутри. Рики шагнул за ним и, к своему немалому удивлению, оказался лицом к лицу с мисс Харкнесс.

Глава 2

Конура Сидни Джонса и Маунтджой

Голосом, который показался ему совершенно чужим, Рики промямлил:

– О, здравствуйте! Добрый вечер. Снова встретились.

Мисс Харкнесс посмотрела на него с презрением.

– Мы встречались за обедом в Л’Эсперанс сегодня.

– Надо же, – произнес Джонс с крайним отвращением, потом обратился к мисс Харкнесс: – Какого черта ты там делала?

– Никакого, – пробубнила та. – Зашла и почти сразу ушла.

– Да уж, надеюсь. У них там что, мои картины висят?

– Ага.

Джонс хмыкнул и исчез за дверью в противоположной стороне комнаты. Рики попытался завязать разговор с мисс Харкнесс, но безуспешно. Она буркнула что-то еле слышно и отошла к проигрывателю, поставив какую-то какофонию.

Вернувшись, Джонс плюхнулся на некое подобие тахты, накрытой чем-то вроде лошадиной попоны. Вид у него был необъяснимо взволнованный.

– Садитесь! – рявкнул он Рики.

Рики попытался сесть на стул, однако не рассчитал и сел слишком близко к краю, отчего стул с глухим стуком опрокинулся, а Рики очутился в нелепой позе – колени около ушей. Джонс и мисс Харкнесс расхохотались. Рики вынужденно к ним присоединился, и они тут же замолкли. Тогда он вытянул ноги и огляделся.

Насколько можно было рассмотреть в тусклом свете двух грязных ламп, они сидели в гостиной ветхого коттеджа. Угол, где распластался Рики, почти полностью занимала скамейка, загроможденная художественными принадлежностями. Вдоль стен были расставлены картины; для одной из них, очевидно, послужила музой мисс Харкнесс или ее биджи, выписанные с неожиданной реалистичностью. Остальное пространство комнаты занимали диван-кровать, стулья, грязный умывальник, цветной телевизор и стереопроектор. Знакомый резкий запах скипидара, масляных красок и свинцовых белил перебивал вонь канализации.

Рики начал задавать себе вопросы, на которые не было ответа. Почему мисс Харкнесс не осталась в Л’Эсперанс? Не Джонс ли отец ее будущего ребенка? Откуда в донельзя запущенном доме цветной телевизор и стереопроектор? Хорошие у Джонса картины или плохие?

Как будто в ответ на последний вопрос, Джонс встал и начал выставлять на мольберт одну за другой картины, очевидно желая продемонстрировать их гостю.

Рики была хорошо знакома эта процедура. Сколько он себя помнил, к матери всегда приходили, заручившись чьей-то рекомендацией или же просто набравшись наглости, начинающие художники, желающие представить свои работы на ее суд. Рики хотелось думать, что он умеет правильно оценивать картины, однако он так и не научился легко и непринужденно рассуждать о живописи, а встречавшиеся ему художники – как хорошие, так и плохие – были на редкость косноязычны. Так что странное молчание мистера Джонса, возможно, объяснялось характерной особенностью профессии.

Но что обычно говорила Трой, мать Рики, о картинах? Похоже, Джонс не ограничивал себя рамками какого-то одного стиля. Изображение с натуры переходило в абстракцию, абстракция в коллаж, коллаж в сюрреализм. Рики буквально слышал сухие слова матери: «Боюсь, работы так себе, бедняга».

Выставка и концерт популярной музыки подошли к концу, а с ними закончилось и воодушевление Джонса. Наступила полная тишина, и Рики почувствовал, что должен хоть что-то сказать.

– Большое спасибо, что показали мне свои работы.
– Да уж не за что. – Джонс подавил зевок. – Ясно же, что вы их не поняли.
– Мне жаль.
– Да мне плевать на самом деле. Курите?
– То, что вы, похоже, имеете в виду, не курю.
– А я ничего не имел в виду.
– Значит, я ошибся, – сказал Рики.
– И что, никогда таким не баловались?
– Нет.
– Воспитание, что ли, не позволяет?
– Да хоть бы и так. – Не без труда Рики поднялся на ноги.
Мисс Харкнесс лежала на тахте, возможно, даже спала.
– И что, кусам своим никогда не изменяете?
– А зачем? Лучше проверенное старое...
– Вы хоть видели что-нибудь, что лежит за пределами вашего мирка?
– Что вы имеете в виду?
– Ну, не знаю, – протянул Джонс. – Да хоть работы Трой, например. Вы вообще знаете, кто это такая?

– Послушайте, – сказал Рики. – Хотя вы все равно подумаете, что я не признался раньше из вредности, но да, я очень хорошо знаю, кто такая Трой. Она, нет... придется все же сказать... она – моя мать.

У Джонса отвисла челюсть. Об этом можно было судить по резкому движению бороды вниз. Еще у него непроизвольно дернулись ноги и руки. Он взял большой тюбик краски и принялся делать вид, что тщательно изучает надпись на нем, потом сказал неестественно звонким голосом:

– Откуда я мог знать.
– Конечно, не могли.
– Вообще-то, у меня уже прошел период восхищения ее работами. Вы, конечно, со мной не согласитесь, но, пожалуй, она исписалась.

– Неужели?
Джонс бросил тюбик на пол, и Рики тут же его поднял.
– «Джером и К°», – прочел он. – Новая фирма? Кажется, они присылали матери образцы. Вы их из Франции выписываете?

Джонс забрал у него краску.
– Я в основном пишу акриловыми.
– Что ж, – сказал Рики. – Отправлюсь-ка я спать, пожалуй. Спасибо еще раз, что пригласили в гости.

Они поглядели друг на друга, словно два совершенно разных представителя фауны в зверинце.

– Так или иначе, – подытожил Рики, – в одном мы точно сходимся: оба говорим по-английски.

– Вы уверены? – произнес Джонс и, помолчав, добавил: – А, к черту разногласия, давайте по пивку.

– Не откажусь, пожалуй, – согласился Рики.

II

Если сказать, что общение в конуре Джонса проходило гладко, то такая характеристика тех странных ночных «посиделок» не вполне соответствовала бы действительности, но по

крайней мере тон разговора стал менее враждебным. Джонс пришел в приподнятое расположение духа и сообщил Рики, что тот может называть его Сид. Художника обуревало желание узнать больше о матери Рики, ее методах работы и прозондировать щекотливый вопрос – берет ли она учеников. Рики такая перемена в поведении хозяина одновременно и радовала, и раздражала.

Мисс Харкнесс не принимала участия в разговоре, а мрачно подносила банки с пивом, да и сама употребила изрядное его количество. Лошадь, от которой Рики шархнулся в темноте, принадлежала ей. Значит, она не собиралась ночевать у Сиды, а планировала впопыхах преодолеть путь до конюшен и даже (неужели она на такое решится?) до Л'Эсперанс, хотя, по видимому, не очень-то нуждалась в покровительстве Фарамондов.

К полуночи Рики узнал, что Сид родился в Новой Зеландии – это отчасти объясняло специфическую манеру речи. Родные пенаты он оставил, когда ему было семнадцать лет, в этой дыре живет уже год и подрабатывает разнорабочим в «Лезерс» – конюшне, которую держало семейство мисс Харкнесс, и откуда ее саму, похоже, выдворили.

– Навоз выгребает, – заметила мисс Харкнесс в единственном за все время порыве словоохотливости. А затем почему-то разразилась громким смехом, похожим на лошадиное ржание.

Еще выяснилось, что Сид периодически навещается в Сен-Пьер-де-Рош – ближайший порт на нормандском побережье, куда еженедельно ходит паром.

В четверть первого Рики покинул «конуру», сделал шагов шесть в темноте и плюхнулся лицом в грязь. Где-то рядом заржала – очевидно, от испуга – лошадь мисс Харкнесс.

Деревня крепко спала под звездным небом, шумел прибой, не заглушаемый гулким стуком резиновых подошв по мощеной набережной. Где-то в гавани подскакивал на волнах одинокий фонарь – наверное, мистер Феррант предается своему хобби: ночной рыбалке. Рики остановился посмотреть и понял, что фонарь горит ближе, чем ему казалось, и постепенно приближается к берегу. Слышался ритмичный плеск весел.

На берегу стояла старая скамья. Рики решил сесть и подождать мистера Ферранта, если это и вправду он. Фонарь исчез за дальним концом пирса. Борт лодки глухо стукнул о причал, затем кто-то стал убирать весла и переставлять какие-то предметы. Потом на берегу, привязав лодку, возник человек с фонарем и вещевым мешком на спине. Он зашагал вдоль причала. Разглядеть, кто это, не получалось из-за расстояния.

Рики уже хотел пойти навстречу, но тут, будто по мановению волшебной палочки, рядом с незнакомцем возник еще один человек. Рики остался сидеть на скамье в темноте.

Человек поднял фонарь повыше, и Рики увидел его лицо. Это и в самом деле был Феррант, освещенный светом фонаря, словно персонаж с картины Рембрандта – золотым ореолом. Рики сидел очень тихо, чувствуя, что обнаруживать свое присутствие не стоит. Феррант со спутником направились в его сторону. Феррант произнес что-то неразборчивое, а его собеседник ответил с неместным выговором:

– Ладно, только осторожно. Спокойной ночи.

На этом они расстались. Незнакомец быстро пошагал к повороту, ведущему к шоссе, а Феррант перешел дорогу и направился к своему дому.

Рики неслышно шмыгнул за ним. Феррант стоял к нему спиной – вставлял ключ в замок.

– Доброе утро, мистер Феррант, – сказал Рики.

Мистер Феррант резко обернулся, выставив вперед весло.

– Простите, – пробормотал Рики, не ожидавший столь резкой реакции. – Не хотел вас напугать.

Феррант буркнул что-то по-французски и еле слышно рассмеялся.

– Искали ночных развлечений? В Коуве с этим туго.

– Я был у Сиды Джонса.

– Надо же, – удивился Феррант. – Подумать только. – Он открыл дверь и пропустил Рики вперед. – Что ж, спокойной ночи, мистер Аллейн.

Войдя в дом, Рики услышал где-то вдалеке звук мотора. Автомобиль взбирался по крутому склону на выезде из Дип-Коува. И только тут Рики сообразил, что второй человек с пристани – Луи Фарамонд.

Дом погрузился в темноту. Рики тихонько поднялся к себе. Еще не успев захлопнуть дверь в спальню, он услышал, как где-то совсем рядом закрылась другая дверь.

Какое-то время Рики лежал, слушая шум прибоя, потом задремал, и ему приснилось, что персонажи его будущей книги обрели черты Фарамондов, Сидни Джонса, мисс Харкнесс и Феррантов, так что было не разобрать: какие из них выдуманные, а какие настоящие.

Утро выдалось холодным и ясным; дул мартовский ветер. Миссис Феррант подала к завтраку кефаль – видимо, ночной улов мужа.

В десять утра Рики решительно принялся за работу. Он писал от руки; каждое слово давалось мучительно. И почему у него никак не получается заранее продумать, о чем писать? Раз или два показалось, что в голове забрезжил какой-то сюжет. Один из персонажей, женщина, выделялась из всех, о ней так и хотелось написать. По прошествии значительного времени он понял, что имеет дело с Джулией Фарамонд.

К удивлению Рики, прошло два часа. Он размял руку и набил трубку.

В окно ударила россыпь мелких камешков. Рики выглянул на улицу – внизу, задрав голову, стоял Джаспер Фарамонд.

– Доброе утро, – проголосил он альтом. – К вам можно? Или я нагло нарушил творческое уединение?

– Конечно, можно. Заходите.

– Я на минутку.

Слышно было, как миссис Феррант прошла по коридору и открыла дверь, а потом на лестнице раздался голос Джаспера:

– Спасибо, Мари. Я знаю, куда идти.

Рики вышел к лестнице и смотрел, как Джаспер поднимается к нему. Тот делал вид, что подниматься ужасно тяжело: раскачивался из стороны в сторону, топал ногами.

– О, антураж соответствующий! – сказал он, запыхавшись. – Лестница на чердак и писатель, затворившийся от мира. Главное, голодом себя не заморите. Можно войти?

Уверенно, словно он уже не раз тут бывал, Джаспер уселся на кровать и махнул рукой в сторону стола со стопкой бумаги.

– Что ж, вид многообещающий.

– Само место многообещающее, – дружелюбно отозвался Рики. – Я очень вам благодарен за то, что вы мне его подыскали. Ходили по деревне и инспектировали лестницы?

– Нет-нет, Джулия предложила сразу заглянуть к миссис Феррант.

– Вы с ней знакомы?

– Она работала в Л'Эсперанс до того, как вышла замуж. Так что мы давние друзья, – пояснил Джаспер.

Рики подумал, что, пожалуй, этим объясняется любопытство миссис Феррант.

– А я с приглашением, – продолжал Джаспер. – Надумали съездить в Маунтджой в субботу – поужинать и прогуляться, и вот не знаем, удастся ли уломать вас поехать с нами.

– Поеду с удовольствием, – сразу ответил Рики.

– Мы вам симпатичную спутницу подберем.

– Не мисс Харкнесс, надеюсь?

– А кстати, о мисс Харкнесс! – взволнованно воскликнул Джаспер. – Тут такое случилось, прямо трагедия. Она исчезла!

– Когда?

– Вчера вечером. Перед ужином. Проскользнула к выходу и больше не появлялась. Бруно волнуется, как бы с утеса не прыгнула – даже подумать страшно о таком!

– Можете не волноваться, не прыгнула, – заверил его Рики и подробно рассказал про вечер с Сидом Джонсом и мисс Харкнесс.

– Ну надо же! – удивился Джаспер. – До чего нелюдима девушка! Не сомневаюсь, что художник и есть причина ее позора и отец ребенка. А что он собой представляет? Что вы можете сказать о его работах, например?

– Вам лучше судить. Некоторые из них висят у вас в гостиной.

– Я так и знал! – театрально вскричал Джаспер. – Еще одна находка Джулии! Она купила эти картины на уличной ярмарке в Маунтджое. Сейчас я ей расскажу... – Джаспер энергично поднялся с кресла. – Вот умора! Нет, лучше вместе расскажем.

– А где она?

– Внизу, в машине. Пойдемте, повидаетесь с ней.

Теперь Рики не мог думать ни о чем другом, кроме как о том, что Джулия совсем рядом. Он последовал за Джаспером вниз по лестнице, и сердце его при этом колотилось, как от быстрого бега.

Внизу стоял роскошный спортивный автомобиль, и Джулия выглядела под стать ему – сногшибательно и экстравагантно. Она сидела на водительском месте, положив руки на руль – края перчаток загнулись, обнажив изящные запястья. Джаспер тут же принялся рассказывать ей о мисс Харкнесс, призывая Рики в свидетели. А тот поражался тому, как заинтересованно Джулия слушает, и тому, насколько Фарамондам присущ этот всепонимающий вид. Интересно, теряют энтузиазм они так же быстро?

Выслушав ответы Рики на интересующие ее вопросы, Джулия заметила:

– Как раз тот случай, когда подобное притягивает подобное. Они оба постоянно молчат, будто воды в рот набрали. Не сомневаюсь, что она у него и поселилась.

– А я бы не был в этом так уверен, – возразил Рики. – У нее там лошадь расхаживала в темноте.

– Вряд ли она бы так на ночь лошадь оставила, так что, пожалуй, это был краткий визит, – сказал Джаспер.

– Странно даже представить, что мисс Харкнесс под утро разъезжала по Коуву, – сказала Джулия. – Надеюсь, она вас не разбудила.

– Наверное, мимо моего окна она не проезжала.

– Ну ладно, – подытожила Джулия. – Мне что-то надоело обсуждать мисс Харкнесс. Плохо, что она так невежливо поступила с нами – просто ушла, ничего не сказав.

– Было бы хуже, если бы она осталась, – заметил Джаспер.

Раздался стук ботинок по мощеной улочке – сын Ферранта Луи бежал домой из школы. Увидев автомобиль, он замедлил шаг и пошел задом наперед.

– Привет, Луи, – поздоровался с ним Рики.

Мальчик не ответил. Темные миндалевидные глаза зыркнули на Рики с бледного лица под копной темных волос. Он медленно попятился, повернулся и неожиданно припустил по улице.

– Это юный Феррант, – сказал Рики.

Секунды две они смотрели вслед мальчику, потом Джаспер заметил вскользь:

– Надо же! Будто только вчера его мать была у нас то ли кухаркой, то ли горничной.

– Я ее уже не застала, – промолвила Джулия. – А вообще, она прекрасная прачка и до сих пор нас обстирывает. Дорогой, мы задерживаем Рики. Может, мы ему помешали написать какую-нибудь гениальную фразу. Здорово, что вы сможете поехать с нами в субботу, Рики!

– Заедем за вами ближе к восьми! – прокричал ему Джаспер, торопливо садясь в машину.

Они уехали, а Рики поднялся к себе в комнату. Но к работе вернулся не сразу. Казалось, он привел с собой Фарамондов, а с ними малыша Луи Ферранта, так что комнату заполнили люди с бледными лицами, черными волосами и умными смоляными глазами.

III

Маунтджой составлял такой контраст с Коувом, словно находился на другом острове и вообще в другом море. Бывшая французская рыбацкая деревушка со временем превратилась в модный курорт со стоянкой для яхт, яхтенным клубом, серфингом, полосатыми зонтиками и, самое главное, – знаменитым отелем «Маунтджой» с бальным залом, стеклянный купол и многочисленные окна которого сверкали на солнце и были видны издалека. Здесь заказывали дорогие ужины и танцевали под знаменитый оркестр, и именно здесь субботним вечером за столиком у окна сидели Фарамонды, Рики и девушка по имени Сьюзи де Уэйт.

Ели лобстера и салат, пили шампанское. Рики разговаривал и танцевал со Сьюзи, как от него и ожидалось, стараясь не слишком часто смотреть на Джулию Фарамонд.

Джулия выглядела обворожительно и то и дело рассыпалась искристым смехом. Еще в Л'Эсперанс Рики заметил, что за столом она ведет себя весьма свободно и ест очень торопливо. Иногда она облизывала пальцы. Однажды, глядя на нее за этим занятием, Рики поймал на себе веселый взгляд Джаспера.

– За столом Джулия ведет себя чуть лучше дрессированной мартышки, – пошутил он.

– Дорогой, – отозвалась Джулия, махая рукой, пальцы которой она только что облизала, – я люблю тебя больше жизни.

«Вот бы она на меня так смотрела», – подумал Рики.

И она тут же посмотрела, из-за чего его неопытное сердце заколотилось в груди, и он покраснел до кончиков волос.

Рики считал, что вполне освоился в этом действе под названием жизнь, однако сейчас ему казалось, что все события, которые происходили прежде, были чем-то вроде реплик, призванных заполнять паузы перед появлением на сцене настоящей звезды. И такой звездой, без сомнения, была Джулия.

Сейчас она вальсировала с кузеном Луи. Танцором тот был умелым, и Джулия следовала за ним безо всяких усилий. Они не разговаривали во время танца, а просто красиво кружились, словно плыли над залом.

Рики подумал, что, пожалуй, не так-то уж ему и нравится Луи Фарамонд. Весь какой-то прилизанный. Да и вообще, что он делал в Коуве в час ночи?

Свет почти полностью выключили. Сверху опустились сотни воздушных шаров, светящихся в ультрафиолете, и теперь они покачивались под куполом, как сверкающие мыльные пузыри. Оркестр играл так тихо, что музыка походила на шепот волн за окнами. Танцевавшие под музыку пары напоминали серые тени на экране ненастроенного телевизора.

– Потанцуем? – обратился Рики к Сьюзи де Уэйт.

Однажды мать сказала ему, что успех отца в качестве следователя во многом обусловлен его умением вызвать человека на откровенность.

– Поразительно, – говорила она. – Почти никто не может ему сопротивляться.

– А ты?

– Сопротивлялась, – ответила Трой. – Но недолго.

Итак, Рики попросил Сьюзи де Уэйт рассказать о себе и удивился тому, с какой готовностью она отозвалась на его просьбу. Не менее удивительно было то, какими неинтересными оказались ее откровения.

А потом вечер вдруг заиграл новыми красками. К ним подошли Джулия и Луи.

– Рики, если вы сейчас же не потанцуете со мной, я обижусь, – сказала Джулия.

И вот она в объятиях Рики. Над головой будто бы кружились звезды, в ушах пел прибор, и весь вальс Рики пребывал в состоянии блаженства.

Уезжали они в два ночи в большом автомобиле, принадлежащем, по всей видимости, Луи Фарамонду. Вел он сам, рядом с ним сидели Сюзи де Уэйт и Бруно. Рики оказался на заднем сиденье, между Джулией и Карлоттой, а Джаспер сидел на откидном сиденье лицом к ним.

Когда выехали на дорогу в Коув, Луи спросил Сюзи, не хочет ли она порулить, и когда она с восторгом согласилась, обнял ее за плечи. Она пересела за руль.

– А это безопасно? – спросила Карлотта. – Она сможет?

– Ой, как здорово! – затараторила Сюзи. – Безопаснее некуда. Клянусь! Ой! Простите!

«Ну что за дурочка», – подумал Рики.

Джулия взяла Рики и Карлотту за руки.

– Прекрасный вечер, да? – она легонько постучала костяшками их пальцев друг об друга. – Вам понравилось?

Рики ответил, что очень. Рука Джулии по-прежнему покоилась в его руке. Рики хотел галантно поцеловать ей руку прямо на глазах у мужа, но не решился. Джулия легонько сжала его руку, отпустила, потом подалась к мужу и поцеловала его.

– Милый, – протянула она. – Ты у меня просто чудо! Посмотрите, Рики, вон там конюшня «Лезерс», где работает мисс Харкнесс. Надо будет нам съездить с ней на конную прогулку, пока не поздно.

– Что значит «пока не поздно»? – спросил ее муж.

– Потом мисс Харкнесс не сможет предаваться таким упражнениям, разумеется. А вдруг она специально их продолжит? Нет, это было бы так глупо с ее стороны, даже слов нет, как глупо, – сказала Джулия, посерьезнев.

Сюзи взвизгнула, потом захихикала – автомобиль дернулся вперед, выдвинувшись на середину дороги.

– Луи, твои выходы сейчас неуместны, – резко сказала Карлотта.

Луи пошловато хохотнул, покрепче обнял Сюзи и накрыл своей ладонью ее руку, лежащую на руле.

– Аккуратнее. Будь хорошей девочкой и больше не шали.

Они подъехали к крутому спуску, за которым начинался Коув. Луи повел сам, на скорости съехал вниз и подрулил к коттеджу Феррантов.

– Вот и обитель прекрасной смуглянки Мари, – сказал он. – Она все так же смугла и прекрасна, кстати?

Никто не ответил.

– А дети у нее есть? О, конечно, я и забыл.

– Заткнись, – осадил его Джаспер таким тоном, какого Рики раньше не слышал.

Все пожелали Рики доброй ночи. Он закрыл дверцу так тихо, как только мог, и отступил в темноту. Луи развернулся очень резко и быстро и выкрикнул: «Передай, что я ее люблю!» Автомобиль, натужно рыча, пополз вверх по склону.

Стоя на верху темной лестницы, Рики услышал громкий храп Ферранта и представил, как тот – румяный и рыжеволосый – спит с широко открытым ртом. Очевидно, этой ночью он на рыбалку не ходил.

IV

В своей студии в Челси Трой сунула письмо сына в карман рабочей блузы и сообщила:

– Он увлекся Джулией Фарамонд.

– Теперь ею, значит, – отозвался Аллейн. – Прямо так и пишет?

– Нет, но умудрился вставить ее имя чуть ли не в каждое предложение. Сам посмотри.

- Аллейн читал письмо сына, приподняв бровь.
- Да, вижу, – сказал он спустя некоторое время.
  - Что ж, – пробормотала Трой. – Одна девушка, другая, а потом, если повезет, та самая, единственная и очень хорошая. А эта Джулия очень привлекательна, да?
  - Ну, хотя бы не как те, с грязными ногами, в джинсах и с браслетами, окунающимися в суп.
  - Значит, красивая, – заключила Трой.
  - Ему может надоест ее очаровательная импульсивность.
  - Думаешь?
  - На мой взгляд, да. Похоже, они с ним довольно много носятся. Мило с их стороны. – Аллейн усмехнулся и продолжил читать в тишине.
  - Как думаешь, почему они живут на этом острове? – спросила Трой.
  - Налоговая уловка. Да и жить предпочитают своим кланом, обособленно. Те двое тоже там.
  - Кузены, которые подсели к нам в Акапулько?
  - Ага.
  - Луи и его жена живут с семьей Джаспера?
  - Похоже на то. – Аллейн перевернул страницу. – Даже если парню и вскружили голову, на манере письма это не отразилось.
  - Рори, хорошо ли у него получается? Тебе любопытно?
  - Конечно, любопытно, – сказал он, подходя к ней.
  - Бывает, поначалу туго идет.
  - А ты сама разве через такое не проходила?
  - Ну, если подумать, – заметила Трой, выдавливая на палитру белила, – то да. Я не рассказывала родителям о моих поклонниках и картины свои не показывала. Понятия не имею, почему.
  - Зато мне все рассказала, когда я впервые тебя увидел. Ну, о картинах.
  - Неужели? Да нет же. Брось! – рассмеялась Трой и принялась за работу.
  - Новые краски? «Джером и К°»? – спросил Аллейн, беря в руки тубик.
  - Прислали бесплатно. Наверное, надеются, что буду всем расхваливать. Белила и земляная палитра еще ничего, но основные цвета так себе. Странно, что Рик про них пишет, да?
  - Рик? Где?
  - Ты еще не прочитал про его нового приятеля-художника и беременную всадницу.
  - Да боже ты мой! – Аллейн крикнул и вернулся к письму. – А ведь хорошо пишет, – сказал он, закончив чтение. – Очень хорошо, дорогая. Я серьезно.
  - Трой положила палитру, обняла мужа и прижалась головой к его плечу.
  - Мы еще будем им гордиться, да? Но какое странное совпадение, не находишь? Я про краски «Джером и К°».
  - Да, пожалуй, странно, – согласился Аллейн.

V

Наутро Рики извинился перед миссис Феррант за шумное возвращение из города в столь поздний час, и хотя ему отчетливо помнился громкий храп мистера Ферранта, он все же выразил опасение, что шум мог потревожить сон хозяина дома.

– Да он от такого нипочем не проснется, – ответила миссис Феррант, которая никогда не называла мужа по имени. – Вот вас я слышала. Точнее, не вас, а его, Фарамонда-старшего. – Она как-то странно посмотрела на Рики. Как именно, он понять не мог: насмешливо? вызыва-

юще? хитро? Кухарке такие взгляды не свойственны. Словно перед Рики приподнялась некая завеса – и тут же опустилась, а что за ней, рассмотреть не удалось.

В течение недели он не виделся с Фарамондами, если не считать одного любопытного происшествия в четверг вечером. Чувствуя потребность изменить привычный маршрут, Рики по крутому подъему выехал на дорогу в Маунтджой и, немного не доезжая до Л'Эсперанс, оставил велосипед на обочине, а сам пошел к утесу.

Вечер был чудесный, на голубых водах пролива играли солнечные блики. Молодой человек прислонился спиной к теплему камню. С утеса открывался вид на овраг, по дну которого между кустов ракитника вилась тропинка к морю. В воздухе стоял пряный аромат, на губах чувствовался привкус соли. Пел жаворонок, и Рики представилась живописная картина, как по тропинке между кустов ракитника поднимается очаровательная девушка с беззаботным лицом, озаренным блеском солнца.

Однако вместо девушки на тропинке появился Луи Фарамонд. Он поднимался в гору, размахивая руками и глядя под ноги.

Не желая встречаться с ним, Рики юркнул за камень и припал к земле. Луи прошел с другой стороны утеса. Сам не понимая, почему он так себя ведет, Рики лежал и ждал, когда затихнут шаги.

Молодой человек уже собирался встать, как вдруг по тропе скатился кем-то потревоженный камень. Внизу показались голова и плечи. Несмотря на неудобный ракурс, Рики сразу же понял, чьи они. Он снова спрятался за камнем и стал ждать, когда мисс Харкнесс пройдет мимо. Потом сел на велосипед и поехал обратно в коттедж.

Постепенно Рики становился в пабе *персона грата*. Ему даже сказали «доброй вечер» и отнеслись особенно тепло, когда он в честь того, что сегодня удалось хорошо поработать, заказал всем выпить. Билл Прентис – водитель рыбного фургона, предложил подвезти его до Маунтджоя, когда он пожелает. Условились о поездке завтра же утром. И тут в паб вошла мисс Харкнесс.

Посетители заерзали на стульях и принялись обмениваться едва заметными ухмылками. Мисс Харкнесс заказала рюмку портвейна. Феррант, стоявший у стойки бара в своей излюбленной позе, оглядел ее, бросил какую-то фразу и гоготнул. Она слегка улыбнулась. Рики отметил про себя, что в «Треске и бутылке» не нашлось ни одного мужчины, который не обратил бы внимания на мисс Харкнесс. Очевидно, этого она и добивалась.

Рано утром Рики привязал велосипед к крыше фургона и взобрался на переднее сиденье. Он был несказанно удивлен, когда узнал, что вместе с ними поедет Сид Джонс. Художник уже был на месте: согорбленная фигура в болотного цвета дождевике, с плеча свисает этюдник, в руке полиэтиленовый пакет, у ног – неподъемного вида чемодан.

– Привет, – поздоровался с ним Рики. – О, какой чемодан! В гостиницу «Маунтджой» перебираешься?

– За каким чертом мне туда перебираться?

– Ладно, ладно. Извини.

– Что-то не веселит меня твой богатейский юмор.

– Ошибочка вышла, – извинился Рики. – По вечерам я шучу лучше.

– Не сказал бы.

– Возможно, ты и прав. А вот и Билл. Куда поставишь чемодан? На крышу рядом с моим богатейским велосипедом?

– Вперед. Ноги убирай. Осторожно. – Сид не без усилий взгромоздил чемодан в кабину, запахал его под ноги Рики и взобрался сам. Благоухающий рыбой Билл Прентис сел за руль, Сид с этюдником в руках устроился с краю, а Рики оказался зажатым между ними.

Фургон, дребезжа, взобрался на склон холма, залитый солнцем, и погрохотал по дороге в Маунтджой. Настроение у Рики было превосходным.

Они проехали ворота «Лезерс» с табличкой: «Конюшни. Катание на лошадях и пони. Квалифицированные инструкторы». Рики подумалось, что, наверное, мисс Харкнесс где-то рядом.

– Ты там не каждый день бываешь? – прокричал он Сиду.

– За каким чертом мне там бывать каждый день?! – прокричал тот в ответ.

Дорога огибала густую рошу и терялась за поворотом. Билл ехал по встречной, да еще и со скоростью сорок миль в час.

Неожиданно перед фургоном возникла мисс Харкнесс на гнедой лошади. Перед лобовым стеклом промелькнули лошадиные зубы, глаза, копыта, потом брюхо и подпруга. Взвизгнули тормоза, грузовик занесло, мир накренился, и пассажирская дверца распахнулась. Сид Джонс вместе с этюдником и чемоданом вылетел наружу. Фургон еще раз качнулся и выровнялся, подняв облако пыли. Лошадь лежала на земле, ее хозяйка стояла рядом, все еще держа поводья в руках. Мотор заглох, и воздух тут же наполнился ругательствами. В нестройном хоре различимы были три голоса: Билла, Сиды, но в основном – мисс Харкнесс.

Билл выключил зажигание, поставил фургон на ручной тормоз и направился к мисс Харкнесс, которая в самой грубой манере велела ему не приближаться. Не прекращая сыпать ругательствами, она помогла животному встать, проверила, может ли лошадь двигаться, и начала осторожно ее осматривать; ее большая мозолистая ладонь с необычайной нежностью скользила по дрожащим ногам и вздымающемуся брюху. Глаза у лошади были лиловые.

– Не вздумайте подходить, – процедила мисс Харкнесс. – А то не такое услышите. – Она провела лошадь по краю дороги, как можно дальше от фургона. Животное всхрапывало и норовило броситься вперед. Отойдя на значительное расстояние, мисс Харкнесс села на лошадь, и вскоре топот копыт стих вдали. Билл вновь разразился проклятиями.

Рики осторожно вылез из машины. Открытый этюдник валялся на земле – его содержимое разлетелось по траве. Защелки чемодана отстегнулись, крышка откинулась; внутри он был полон новехоньких тюбиков краски «Джером и К°». Сидя на корточках, Джонс собирал краски и складывал обратно в чемодан.

Рики наклонился ему помочь.

– Отойди! – рявкнул Сид.

– Ладно, ладно, приятель, – сказал Рики, хотя ему очень хотелось запустить одним из тюбиков Сиду в голову. Попытившись, он нечаянно наступил на большой тюбик красной киновари, отчего крышечку сорвало, и ботинок заляпало краской.

– О, черт, прости! Прости, пожалуйста! – Рики наклонился к тюбику, но его выхватили у него из-под носа.

Сид, сидя на коленях, тряс выпачканными в красной краске руками и ругался.

– Послушай, – сказал Рики. – Я же извинился. Я заплачу за краску, а если хочешь подраться, так давай, поведем себя как два придурка. Что скажешь?

Сид продолжил собирать краски, только пробормотал «Ладно, забудь». Чувствуя себя глупо, Рики побрел к фургону, который Билл Прентис осматривал с тем же тщанием, что и мисс Харкнесс свою лошадь. Запах бензина смешивался с запахом рыбы.

– Все в порядке, – наконец сказал Билл и забрался на свое место. – Вот дура чертова, – добавил он, имея в виду мисс Харкнесс, и завел мотор.

С другой стороны к фургону подошел Сид с этюдником, который он перевязал своим ремнем. Джинсы теперь висели на нем как на вешалке.

– погоди минутку! – крикнул художнику Билл. Он включил передачу, и фургон выкатился обратно на дорогу. Сид стоял и ждал. А когда Рики обошел машину и подошел к пассажирской дверце, он, к его несказанному удивлению, выдал что-то вроде примирительного: «Велосипед не сломался?»

Они уселись на свои места, и путешествие продолжилось. Слова, какими Билл все еще вспоминал мисс Харкнесс, выразительно описывали его недовольство, которое сводилось к тому, что дорога – для автомобилей, и лошадей на ней быть не должно.

- Чего она так раскричалась? С лошастью же нормально все.
- Это Мунго, – пояснил Сид. – Ее любимчик. Совершенно дикая зверюга.
- Это почему?
- Меня укусил, старика лягнул. Он хочет его пристрелить.
- А ее Мунго не трогает? – спросил Рики.
- Ее слушается. Только с другими так себя ведет.

Они доехали до единственной автозаправки между Коувом и Маунтджоем. Билл пошел заправлять фургон, попутно в исчерпывающих подробностях рассказывая заправщику об инциденте.

- Мне еще на чертов паром успеть надо, – протянул Джонс.

Рики, который до этого твердо вознамерился не заговаривать с Сидом, взглянул на наручные часы и сказал, что время еще есть.

Воцарилось неловкое молчание.

– Просто я никому не доверяю свои художественные принадлежности. Терпеть не могу, когда к ним прикасаются, понимаешь? Если кто-нибудь возьмет краску из тюбика, я ею пользоваться не смогу. Для меня она будет испорчена, понимаешь?

Рики счел его слова напыщенной чепухой, однако понимающе хмыкнул, и Сид продолжил разговор, пытаясь, очевидно, таким образом извиниться за свое поведение. Из его пространной речи Рики удалось уловить только то, что Сид – некто вроде коммивояжера в «Джером и К°». Он разносит бесплатные образцы красок по художественным магазинам и мастерским известных художников, а за это ему бесплатно присылают столько красок, сколько он попросит, и еще платят небольшой процент от продаж. Он даже продемонстрировал визитку, на которой было написано: «Мистер Сидни Джонс – представитель «Джером и К°», и список художников, который ему прислали из компании. Рики совсем не удивился тому, что первым в списке стоит имя матери.

Неуклюже пытаясь быть учтивым, Сид выразил надежду, что Рики «не будет сам спрашивать ее про краски», что можно было интерпретировать, как просьбу познакомить его с Трой.

- И когда ты хочешь обходить художников из списка? – поинтересовался Рики.

Оказалось, что уже завтра, и Сид как раз направлялся в Лондон, где собирался заночевать у друзей в Баттерси⁶. В компании «Джером и К°» выразили пожелание, чтобы Сид вначале привел в порядок свою внешность.

- Вся эта коммерческая чушь! – скривился он. – Блевать от нее тянет.

К пристани они подъехали в половине девятого. На паром погрузили ящики с рыбой, Джонс поднялся по сходням, и Рики подождал, пока паром отчалит. Сид сначала исчез, но перед самым отплытием показался на палубе все в том же ужасном дождевике и с этюдником через плечо.

Рики приятно провел день в Маунтджое и ближе к вечеру вернулся в Коув на велосипеде.

Удивительно, но у Феррантов оказался телефон, и Рики позвонил родителям и предупредил их о грядущем визите Сидни Джонса.

---

⁶ Район в южной части Лондона, на берегу Темзы.

Глава 3

Овраг

- Мне кажется, что он собирается свести нас с каким-то чудовищем, – сказал Аллейн.
- Наверное, считает, что будет забавно увидеть того, о ком мы столько всего слышали.
- Ладно, если только забавно.
- Всего на пару минут...
- И когда он явится?
- Думаю, с утра.
- А спорим, он останется на ланч?

Трой стояла перед Аллейном в позе, которая ему особенно нравилась – прямая спина, руки в карманах рабочей блузы, голова опущена, как у нашкодившего мальчишки, который ожидает выговора.

– И спорим, – продолжал Аллейн, – ты еще название краски выговорить не успеешь, а он уже будет показывать тебе «только одну свою работу?».

– Тогда совсем другое дело, – важно заметила Трой. – С такими я давно научилась разговаривать. Да и вообще, он заявил Рики, что я исписалась.

– Этот персонаж становится все привлекательнее.

– Странно он себя повел, когда Рики наступил на тюбик с краской.

– Да, весьма, – согласился Аллейн после некоторого молчания. – Учитывая, что они ему достаются бесплатно.

– По выражению Рики, его прямо трясло от ярости, даже борода дергалась.

– Прелесть какая!

– Ну ладно, – внезапно посерьезнела Трой. – Пока не увидишь – не узнаешь.

– Вот именно. Все, мне пора идти. – Аллейн поцеловал жену. – Не позволяй этому Джонсу тебе надоедать. Как обычно, терпеливая моя Пенелопа, неизвестно, когда я вернусь домой. Может к ланчу, а может, вообще отправлюсь в Париж. По тому делу с наркотиками. Если что, попрошу, чтобы тебе позвонили. Хорошего дня!

– Тебе тоже, – весело отозвалась Трой.

Она рисовала деревце, видное из окна мастерской. Центром композиции была тонкая белая березка, на которой только начали распускаться листья. Выписана она была тщательно и реалистично, но в то же время представляла собой некое стилизованное изображение, которое плавно переходило в абстракцию из двух соседних деревьев. Аллейн решил, что картина, похоже, символизирует трудное расследование, где все теряется в тумане, кроме самого факта преступления.

В работе Трой продвинуться не удалось – не замедлил явиться мистер Сидни Джонс.

В его внешности не было ничего примечательного. Коротко подстриженная борода, полные и, пожалуй, чувственные, но какие-то нечетко очерченные губы, волосы средней длины, чистые с виду. Одет он был в свитер и джинсы. О том Сиде Джонсе, которого описывал Рики, напоминали только гротескно-ужасающие темные очки. В руках он держал чемоданчик и газетный сверток.

– Здравствуйте. – Трой протянула гостю руку. – Полагаю, вы и есть Сидни Джонс? Рики звонил, предупредил, что вы приедете. Пожалуйста, садитесь.

– Это не обязательно, – пробормотал Джонс и громко шмыгнул.

Видно было, что он весь вспотел.

– Вы курите? – спросила Трой, присаживаясь на ручку кресла. – У меня сигарет нет, но если у вас есть, курите, я не возражаю.

Джонс поставил на пол чемодан, положил на него сверток и закурил сигарету. Затем снова взял сверток в руки.

– Вы хотели поговорить о красках «Джером и К°», так ведь? – спросила Трой. – Лучше сразу скажу, что переходить на них я не хочу, так что с рекламой, к сожалению, помочь не смогу. Да и вообще я таким не занимаюсь. Извините. – Она подождала ответа, однако Джонс молчал. – Рик говорил, вы рисуете...

Жестом, таким резким, что Трой подскочила, Джонс сунул ей сверток. Газета развернулась – внутри оказались три связанные вместе картины.

– Ваши?

Джонс кивнул.

– Хотите, чтобы я на них взглянула?

Он что-то буркнул под нос.

Сердитая из-за того, что ее напугали, Трой разозлилась:

– Бога ради, скажите что-нибудь, иначе меня не покинет ощущение, будто я разговариваю сама с собой. Поставьте их так, чтобы я могла их рассмотреть.

Дрожащими руками Джонс по очереди показал ей работы. Первой шла большая картина, которая показалась Рики абстрактным изображением Леды и Лебеда. Вторая представляла собой калейдоскопическое нагромождение фигур в темно-коричневых и ярко-голубых тонах. Третья – пейзаж, более презентабельный, чем остальные картины: дома с черными, зияющими пустотой окнами, над темной рекой. «Понимание фактуры есть, однако написано довольно небрежно», – подумала Трой.

– Знакомый пейзаж, – заметила она. – Это ведь Сен-Пьер-де-Рош в Нормандии?

– Угу, – подтвердил Джонс.

– Ближайший к вашему острову французский порт? Часто там бываете?

– А-а... да, – ответил Джонс, переминаясь с ноги на ногу. – Это место меня вдохновляет. Или вдохновляло. Мне надоело его писать.

– Неужели?

Возникла долгая пауза.

– А покажите еще раз первую, – попросила Трой. – «Леду».

Джонс показал.

– Что ж. – Трой помолчала. – Сказать вам, что я думаю? Или не надо?

– Ну, можно, – пробормотал Джонс и широко зевнул.

– Как скажете. Невозможно предугадать, станете вы хорошим художником или нет. Все три вещи не оригинальны. Пока вы молоды, это нормально; если приложите усилия и проявите настойчивость, то со временем выработаете собственную манеру. Пока что не вижу, чтобы вы особенно старались. В «Леде» что-то есть – похоже, у вас хорошее чувство ритма. А еще... – Трой строго на него посмотрела. – Вы наркотиками не балуетесь?

– Нет! – громко ответил Джонс после очень долгой паузы.

– Хорошо. Я спросила только потому, что у вас дрожат руки, и ведете вы себя суетливо... – Она осеклась. – Погодите-ка, вам нехорошо. Сядьте. Нет, правда, садитесь.

Джонс сел. Его трясло, шея вспотела, а лицо приобрело оттенок очищенного банана. Темные очки перекошились на переносице. С шумом втягивая воздух и облизывая губы, он поправил их дрожащей рукой, и они свалились у него с носа, открыв бесцветные невыразительные глаза. В мистере Джонсе не осталось ничего таинственного.

– Я в порядке, – выдавил он.

– Не похоже, – возразила Трой.

– Праздник. Вчера отмечал.

– Какой?

– Ну, веселый.

– Вижу.

– Со мной все нормально.

Трой сделала ему крепкий кофе, а сама вернулась к работе. Бесплотные деревья еще теснее окружили одинокую березу посередине.

Когда в четверть второго Аллейн вошел в мастерскую, то увидел такую картину: его жена работала, а в кресле полулежал молодой человек и жадно наблюдал за ее работой.

– О, привет дорогой! – воскликнула Трой, махнув Аллейну кистью, и пристально на него посмотрела. – Сид, это мой муж. Рори, это друг Рики, Сид Джонс. Он показал мне свои работы и останется на ланч.

– Хорошо! – сказал Аллейн, пожимая тому руку. – Какая приятная *неожиданность*!

II

Через три дня после вылазки Рики в Маунтджой, ближе к обеду, ему позвонила Джулия Фарамонд. От волнения Рики не сразу понял, что она говорит.

– Вы ведь катаетесь верхом?

– Совсем чуть-чуть.

– Хотя бы не падаете с лошади?

– Бывает, но нечасто, – пошутил Рики.

– Ну, вот и славно. Значит, договорились.

– О чем?

– У меня есть планы на завтра. Возьмем пару кляч у Харкнессов и прокатимся в Бон-Аккорд.

– У меня нет с собой нужной экипировки.

– Джаспер одолжит все, что пожелаете. Я решила позвонить вам, пока его нет дома, иначе скажет, что из-за меня вы отложили работу. Вы ведь не отложите?

– Отложу. Причем с радостью, – сказал Рики и услышал знакомый смех, похожий на лопающиеся пузырки.

– В общем, решено, – подытожила Джулия. – С утра пораньше садитесь на велосипед и приезжайте в Л'Эсперанс завтракать, а после все поедem в конюшни. Будет весело!

– А мисс Харкнесс поедет?

– Что вы, нет! Она может потерять ребенка!

– Тем не менее она не боится рисковать, – заметил Рики и рассказал о происшествии на дороге в Маунтджой.

Слушая его, Джулия то и дело увлеченно охала и ахала.

– Отчего вы сразу не позвонили нам?!

– Вы же сказали, что вам наскучили разговоры о ней.

– Нет, мне снова стало интересно. Значит, она вернулась в «Лезерс» и помирилась с мистером Харкнессом?

– Понятия не имею.

– Но вы же должны были это понять или *догадаться*.

– Как?

– По ее словам.

– Я слышал исключительно ругательства.

– Жду не дождусь, когда сама увижу ее в «Лезерс». А мистер Джонс будет выгребать навоз, как обычно?

– Он недавно уехал в Лондон.

– В Лондон? Зачем?

– В частности, чтобы встретиться с моими родителями.

– Нет, вы решительно невозможны. *Столько* всего интересного произошло, а вы молчите!

– Обещаю все рассказать. Я, кстати, совсем не уверен, что она и Сид Джонс влюблены друг в друга.

– О, предоставьте судить мне... Ну вот, Джаспер идет, сейчас признаюсь ему, что я сбила вас с пути истинного. Прощайте!

– И это чистая правда!

Он услышал, как она засмеялась, и повесил трубку.

Наступило утро, обещающее прекрасный день, и в половине десятого Рики, одетый в бриджи и ботинки Джаспера и джемпер, связанный миссис Феррант, предложил сфотографировать всех Фарамондов, включая специально позванных для этого малышей. Фарамондам явно нравилось позировать, особенно Луи, который выглядел чрезвычайно импозантно в бриджах, сапогах, жокейской куртке и перчатках.

– Луи, дорогой, – сказала Джулия, оглядывая его. – Ты шикарен до неприличия. Не хватает только клюшки для поло!

– Не понимаю, как это у него получается, – поддакнула ей Карлотта. – Всегда выглядит как с иголочки.

Рики подумалось, что, пожалуй, единственное, по поводу чего Луи нельзя сделать комплимент, – это его лицо. Легкий загар выглядел искусственно и призван был создавать впечатление цветущего здоровья, которое на самом деле было подорвано разгульным образом жизни.

– Я купил этот костюм в Акапулько восемь лет назад, – пояснил Луи.

– Помню. У свергнутого принца, который оставил все свои деньги на столах, покрытых зеленым сукном.

– А мне помнится, что у какого-то бывшего гангстера, хотя я могу и ошибаться, – сказала Карлотта.

Селина, которая исчерпала свой репертуар уловок, тщетно пытаясь обратить на себя внимание взрослых, неожиданно повисла на руке Луи, задрыгала ногами и радостно завизжала.

– Ты маленькое чудовище. Чуть пуговицу не оторвала, – нахмурился он, осматривая свой рукав.

Селина невозмутимо отошла.

– Ну, давайте, Рики наконец нас сфотографирует, и поедем, – предложил Бруно.

– Изобразим сливки общества! – объявила Джулия. Она уселась в кресло-качалку, изящно положив ногу на ногу, и картинно закинула руку над головой.

Джаспер тут же поднес ее руку к губам.

– Мадам, вы очаровательны, нет, просто неотразимы сегодня утром.

Селина высунула язык. Бруно с нетерпеливым видом замер.

– Спасибо, готово, – поблагодарил всех Рики.

После фотографирования они погрузились в автомобиль Луи и поехали в «Лезерс».

Длинная улица вела к уродливому викторианскому особняку, позади которого располагались сами конюшни, а за ними, на некотором расстоянии от остальных зданий – старый амбар.

– Тише! – театрально воскликнула Джулия. – Слушайте! Луи, остановись.

– Зачем? – удивился Луи, но машину остановил.

Где-то за домом мужской голос выкрикивал проклятия.

– Боже мой! Мистер Харкнесс снова не в духе.

– Ну и что нам делать? – спросила Карлотта. – Попробовать незаметно улизнуть?

– Да ладно вам, – поморщился Джаспер. – Может, лошадь ругает или того же мистера Джонса.

– Рики сказал, что мистер Джонс в Лондоне.

– Был, – поправил Рики.

– Нет уж, я не намерен отказываться от удовольствия прокатиться верхом, – заявил Бруно. – Поехали, Луи.

– Подожди, Бруно. Тише.

Луи открыл окно. Теперь отчетливо слышался и женский голос:

– И если я, черт побери, хочу прыгнуть через эту чертову изгородь, я, черт побери, прыгну и прыгну на Мунго, клянусь!

– Исчадие ада! Бог тебя накажет!

– И не смей поднимать на меня руку, я беременна! – вопила мисс Харкнесс.

– Потаскуха!

– Заткнись!

– Девка гуляющая!

– Да пошел ты!

– Давай же, поезжай, Луи, – сурово сказала Карлотта. – Увидят нас – сразу перестанут ругаться. До чего же все это неприятно...

– Все согласны?

Машина въехала во двор. Взорам всей компании предстали шесть денников, над дверцей каждого из которых висела лошадиная голова в уздечке, а по бокам от них располагались сбруйный сарай и каретник. В нем стоял маленький автомобильчик, а на полу были разбросаны мотки ржавой проволоки, старая экипировка, инструменты и пустые мешки. Среди всех этих вещей стоял крупный краснолицый мужчина с густыми бакенбардами. Он возвышался над стоящей перед ним мисс Харкнесс, которая глядела на него с выражением крайнего презрения.

– Только тронь меня, и я вызову полицию!

Мистер Харкнесс, поскольку это, разумеется, был он, стоял спиной к въехавшему во двор автомобилю. Заметив, что лицо племянницы вытянулось, он обернулся и остолбенел.

Его тон и манера поведения моментально изменились. Широко улыбаясь, он пошел навстречу гостям.

– Доброе утречко. Все уже готово. Шесть самых лучших лошадей! – прокричал мистер Харкнесс. Он открыл дверцу машины, протянул каждой из дам веснушчатую ручищу, поросшую светлыми волосами, и, весело смеясь, препроводил гостей на другой конец двора.

– Дульси их сюда вывела заранее, – сообщил он.

Джулия одарила мистера Харкнесса ослепительной улыбкой, к его очевидному изумлению, и весело попеняла мисс Харкнесс за то, что она тогда неожиданно уехала от них.

– Джонс! – крикнул мистер Харкнесс.

Из дверей сбруйного сарая выскользнул Сид Джонс и, бросив косой взгляд на Рики, подошел к денникам.

Джулия протянула ему руку, пояснив мистеру Харкнессу, что они с Сидом давние друзья. При этом было непонятно, кто из двух мужчин больше смутился.

Сид вывел первую лошадь – гнедого коня, ростом в шестнадцать ладоней⁷, и мисс Харкнесс выразила уверенность, что он прекрасно подойдет Джасперу. Тот забрался в седло и проехал круг по двору. Другие последовали его примеру. Джулия восседала на красивой серой кобыле. Теперь Рики стало окончательно ясно, что Фарамонды – прирожденные наездники. Ему же дали рыжего мерина, который, по выражению мисс Харкнесс, показывает себя с лучшей стороны, когда с ним обращаются ласково. Рики пустил мерина шагом, потом трусцой, надеясь, что это достаточно ласковое обращение.

Бруно досталась резвая медно-рыжая кобылка, которая, по словам хозяев, могла легко нести на спине восьмидесятикилограммового всадника в скачках с препятствиями.

---

⁷ Традиционная единица измерения роста лошадей, 16 ладоней – примерно 160 см.

– Вы хотели приятную прогулку, – сказал мистер Харкнесс Бруно. – Вы ее получите. Ну, управитесь с лошадкой?

Бруно важно ответил, что справится. Будучи явно не прочь покрасоваться, он поехал на небольшой выгон, где были установлены три барьера, направил лошадь на них, и та грациозно преодолела препятствия. Рики с неудовольствием почувствовал, что конь под ним загарцевал.

– Ну-ка перестань, – пробормотал он.

С ним поравнялась Джулия; судя по выражению ее лица, она явно наслаждалась происходящим.

– Рики! – она слегка наклонилась к нему. – Побаиваетесь?

– Побаиваюсь?! – воскликнул он. – Да я в ужасе! Ну вот, сейчас вы станете надо мной смеяться, – добавил молодой человек, слыша, как закипает пузырьками ее смех.

– Постараюсь не засмеяться, если вы упадете. Да вы же сидите в седле как влитой!

– Увы, нет.

– Ну, почти... Да что ж такое? Опять он за свое.

Мистер Харкнесс вновь грозно ругался, но на этот раз его гнев был обращен на Бруно. Выгон спускался по отлогому склону холма к полю, от которого его отделяла густая и довольно высокая изгородь из терна. Бруно направил лошадь к прогалу в изгороди; животное ретиво вскинулось, как обычно делают лошади перед прыжком.

– Нет, стой! Нельзя! Сюда! Вернись! – закричала мисс Харкнесс. – И потом обернулась к Джасперу: – Скажите ему, чтоб вернулся. Он шею себе сломает. И лошадь убьет. Остановите его!

Фарамонды закричали, однако Бруно ударил лошадь пятками в бока, кобыла оторвалась от земли – в воздухе мелькнули копыта – и исчезла между кустов. Спустя мгновение, показавшееся вечностью, послышался глухой удар и затихающий стук копыт.

Мистер Харкнесс бежал по выгону к изгороди. Джаспер проскакал мимо него, и тут на склоне холма по другую сторону изгороди возник Бруно, осаживающий гарцующую лошадь. Чуть поодаль на склоне резвился, то подбегая к изгороди, то удаляясь от нее, одинокий конь.

Бруно торжествующе помахал всем рукой.

– Ну, позер мелкий! – негодуя сказала Джулия, подъехавшая к Рики. – Доберусь я до него.

Мистер Харкнесс яростно голосил, приказывая Бруно вернуться к остальным через калитку. Фарамонды собрались вокруг Джулии и Рики.

– Мне стыдно за Бруно, – сказал Джаспер.

– А что там, на другой стороне? – спросила Карлотта.

– Глубокий и широкий овраг. Но Харкнессы дружно уверяли, что этой кобыле все нипочем.

– А Бруно все же молодец.

– Перепугал только всех и продемонстрировал замашки свои фиглярские.

– Да ладно тебе, – сказала Джулия и, склонившись в седле, погладила руку мужа.

Рики неожиданно почувствовал себя очень несчастным.

Фарамонды с сердитыми лицами ожидали нашкодившего Бруно, а мистер Харкнесс хвалил за смелость Рыжуху – такое было прозвище у этой выдающейся кобылки. Еще он позволил себе ряд угрожающих намеков на то, какие шаги он предпринял бы, если бы Рыжуха сломала ногу и ее пришлось бы усыпить.

Когда Бруно, неловко улыбаясь, вернулся на лошади во двор конюшни, мисс Харкнесс, про которую все уже позабыли, внезапно странно себя повела.

Сначала она злобно посмотрела куда-то поверх двери пустого денника. Потом шелкнула по ней хлыстом, с которым, похоже, вообще никогда не расставалась, и торжествующе вскричала:

– Так тебе, так тебе, старый хрыч! Она, черт подери, прыгнула, так что накося-выкуси!

Мистер Харкнесс молча кинул на племянницу гневный взгляд. Джаспер, Карлотта и Луи что-то неслышно выговаривали Бруно, который неохотно слез с лошади. Сидя Джонса нигде не было видно.

– Надо подружить Бруно с Дульси, у них, похоже, много общего, – сказала Джулия Рики. – Что вы ему там говорили? – обратилась она к подошедшему к ней мужу.

– Что ему дадут другую лошадь.

– Но дорогой!..

– Ему еще надо учиться ездить верхом, милая. Да Харкнесс и сам не даст ему больше эту кобылу после такой выходки.

– Надо признать, он прекрасно с ней управился.

– Ему не велено было прыгать.

Откуда-то вдруг появился Джонс, увел кобылу, а потом вернулся, ведя под уздцы лошадь, больше похожую на пожилого поло-пони. Бруно посмотрел на него с явным отвращением.

Инцидент был исчерпан. Проществовав мимо своего дяди, Дульси энергично пожала руку надувшемуся Бруно, удалилась в дом и захлопнула за собой дверь.

– Дульси склонна слишком остро на все реагировать, – сказал мистер Харкнесс.

– Отважная она девушка, – заметила Джулия. – Карлотта, дорогая, не пора ли нам выдвигаться? Все, мальчики, вперед.

Однако их ждал еще один сюрприз. Со странной, почти смущенной улыбкой мистер Харкнесс приблизился к Джулии и протянул ей какой-то конверт.

– Одно небольшое дельце, личное, – пояснил он. – До вечера. Хорошего дня.

– И что это может быть? – спросила Джулия, когда они выехали со двора.

– Уж не счет точно, – сказала Карлотта. – Иначе он так не сказал бы.

– Ну, не знаю. Может, и счет. – Джулия извлекла из конверта какую-то брошюрку и принялась ее изучать. – Не может быть! – воскликнула она, оторвавшись от чтения и обведя всех недоуменным взглядом. – Не может такого быть!

– Чего не может быть? – раздраженно спросила Карлотта. – Давай уже говори, Джулия.

Джулия отдала брошюрку Рики.

– Читайте вы, – попросила она. – Вслух.

– ЗНАЙТЕ ЖЕ, что вам грозит ГЕЕННА ОГНЕННАЯ! – прочел Рики. – СУДНЫЙ ДЕНЬ ГРЯДЕТ! ГОРЕ ВОЗВЕЩАЕТ ПРОРОК! Так СТОЙТЕ ЖЕ, СТОЙТЕ, ОСТАНОВИТЕСЬ!

– Похоже, сам это сочинил, – перебила его Джулия.

– Почему?

– Он как будто обращается к лошадям. Стойте, стойте!

– Дальше все в том же духе, – подытожил Рики, переворачивая страницу. – Про конец света и грехи наши тяжкие. А погодите-ка... Вот еще, слушайте.

– Что?

– Сим вы приглашаетесь на собрания «Избранных братьев», которые проходят в конюшне «Лезерс» по воскресеньям в семь тридцать вечера. Председательствует брат Касберт (Кас) Харкнесс. Лекция, обсуждение, легкий ужин. С джентльмена – пятьдесят пенсов, с дамы – корзинка с едой.

– Так, так, – сказал Джаспер, помолчав. – Это все объясняет, да?

– Похоже на то, – сказала Джулия неуверенно. – Мистер Харкнесс, к которому следует обращаться не иначе как «брат Кас»...

– То есть?

– Он явно религиозный фанатик, потому так и воспринял беременность мисс Харкнесс.

– Ну, разумеется. У таких ведь ужасно строгое к этому отношение, – согласился Джаспер.

– Интересно, что они делают на своих собраниях. Было бы забавно взглянуть.

– Ничего забавного, Джулия, – усмехнулся Луи. – Все строго, женщин без еды вон вообще не пускают.

– Поехали уже, – с нетерпением воскликнула Карлотта. – Мистера Харкнесса можно и потом обсудить. Там за углом тропа, вся утопает в зелени!

Фарамонды и Рики поехали вверх по склону. Какое-то время цепочка всадников тянулась по вершине холма, являя собой живописное зрелище на фоне величественных облаков. Потом тропа нырнула в долину, и всадники скрылись из виду.

III

Обедали они в маленьком пабе в Бон-Аккорде на северной оконечности острова. Паб, который назывался «Приют рыбака» действительно был полон посетителей в гернсийских свитерах⁸ и резиновых сапогах, и там пахло рыбой. Хозяин паба оказался кузеном Боба Мэйстра из «Трески и бутылки».

Джаспер угостил всех присутствующих выпивкой, а Джулия принялась расспрашивать мужчин о тонкостях рыбной ловли в открытом море. Далее она перевела разговор на мистера Харкнесса, тем самым вызвав поток откровений, которые Луи позже назвал «деревенскими сплетнями».

– Когда Кас Харкнесс только переехал сюда, довольно разумный был парень, – рассказал хозяин паба. – Тренер по выездке, что ли, в кавалерии служил. А потом на почве религии тронулся.

– Да, нормальный был, пока на святости не свихнулся, – добавил кто-то. – Все про геенну огненную твердит.

– Мисс Харкнесс тоже ходит на собрания? – спросил Луи, и Рики заметил, что упоминание ее имени вызвало ухмылки и косые взгляды.

– Дульси? – выпалил кто-то, будто одно это имя уже говорило о многом. – Вы про нее?

Кругом послышались приглушенные смешки.

– У нее поинтереснее занятия есть, – заключил хозяин паба, чем вызвал новый приступ всеобщего оживления.

– Та еще девица, да? – непринужденно спросил Луи, проводя бледной ладонью по своей жокейской шапочке из лаковой кожи. – Правда, я сам-то не знаю.

Когда Карлотта и Джулия вышли на улицу, Рики присоединился к ним.

– Да уж, надеюсь, не знает, – сказала Карлотта.

– Ты про кого, про Луи? – переспросила Джулия.

– Ну да. Про него. Про моего мужа. Нам не пора? – Она улыбнулась Рики. – Вот такое у нас веселое семейство. Так ведь, Джулия?

– Да уж, – отозвалась та. – По коням! Где Бруно?

– С ними, наверное. Все еще дуется.

Бруно перестал обижаться, когда все пустились наперегонки по полю. У Рики застучала кровь в висках и заболела поясница. Когда группа подтянулась к концу поля, Луи неожиданно издал короткий стон, потом вдруг спешился и запрыгал на левой ноге.

– Нога затекла? – спросил Джаспер.

– А ты думаешь, я в классики решил поиграть? Придется снять этот чертов сапог, – стонал Луи. – Эй, Бруно!

---

⁸ Гернсийский свитер – вид вязаной одежды, возникший на Гернси – острове в составе Нормандских островов. Первоначально гернсийские свитера носили в основном рыбаки и моряки.

Бруно быстро стянул с него сапог. Луи принялся массировать ногу, кривясь от боли. Потом встал и, прихрамывая, прошелся.

– Нет, плохо. Придется вернуться.

– Я поеду с тобой, – предложила его жена.

– Не надо. – С сапогом в руке Луи забрался в седло. Правую ногу он не поставил в стремя, а свободно свесил и стал ждать остальных, сдерживая лошадь, которой явно не терпелось рвануть с места.

– Доедешь? – спросил Джаспер.

– Да, если вы все наконец-то тронетесь. – Луи повернул лошадь и поехал обратно по полю.

– Оставь его, – сказала Карлотта. – Рассердится только. Сам знает, что делает.

Несмотря на усиливающуюся боль от сидения в седле, Рики прекрасно провел остальную часть прогулки. В Коув они возвращались по окружным тропам, и солнце стояло далеко на западе, когда с очередного холма неожиданно открылся вид на Л'Эсперанс – одинокий особняк очень романтично смотрелся на фоне закатного неба.

– Ах, посмотри на наш прекрасный дом! – воскликнула Джулия и запела испанскую песню, а остальные Фарамонды к ней присоединились. Они пели всю дорогу до «Лезерс».

– Интересно, Луи уехал или ждет нас? – спросил Бруно.

– Заждался бы, – заметил Джаспер.

– Пешком домой идет, наверное, – сказала Карлотта. – Если нога затекла, полезно пройтись.

Они завернули за дом и въехали во двор. Автомобиль стоял там же, где Луи его оставил. Внутри никого не было.

– Точно пешком пошел, – заключил Джаспер. – Мы его догоним.

Во дворе было пусто. Кругом стояла тишина.

– Сейчас найду кого-нибудь, – пообещал Джаспер. Он отвел лошадь в конюшню и отправился на поиски.

Уже забывшему про нагоняй Бруно теперь явно хотелось похвастаться своей недавней выходкой.

– Джулия, иди посмотри, как я прыгаю. Рики, пойдешь? И Карлотта тоже. Все идемте!

– Если мы и пойдем, это не означает, что мы одобряем такое поведение, – строго сказала Джулия. – Ну что, посмотрим? – обратилась она к Рики и Карлотте. – Я бы взглянула.

Они направили усталых лошадей к выгону, а потом спустились по склону холма. Около терновой изгороди их накрыло тенью, в воздухе почувствовался холодок.

Рики ощутил, как вздымаются бока мерина. Тот заржал, подняв голову, и встал на дыбы.

– Эй! – воскликнул Рики. – Да что с тобой?!

Мерин опустил на землю и загарцевал. Откуда-то из-за изгороди на дальнем склоне холма послышалось ответное ржание.

Джулии тоже пришлось утихомиривать свою лошадь. Она направила ее к прогалу в изгороди, через который недавно прыгнул Бруно. Едва завернув в прогал, лошадь вдруг фыркнула и встала как вкопанная, вся дрожа. Джулия наклонилась в седле и похлопала ее по шее. Потом заглянула за изгородь. Рука в перчатке сжала поводья. На мгновение Джулия замерла, а когда повернулась к Рики, он в жизни не видел такого бледного лица.

– Да что такое с лошадьми? – произнесла Карлотта у него за спиной. – Джулия, что там?

– Рики, – произнесла Джулия не своим голосом. – Отдай лошадь Бруно и подойди сюда. Бруно, отведи Карлотту и лошадей обратно во двор и оставайся там. Карлотта, делай так, как я сказала. Быстрее. И найди Джаспера, скажи ему, чтобы немедленно шел сюда.

Все последовали ее указаниям. Рики подошел к спешившейся Джулии.

– Посмотрите, – произнесла она. – Там, внизу. Там.

Рики заглянул в прогал. Внизу в темноте блестела грязная вода. Берег оврага был изрезан скользкими тропками. Кругом стояла мертвая тишина. А в грязной канаве лежал мертвый человек – руки и ноги вывернуты под неестественными углами, во рту грязь, остекленевший взгляд широко раскрытых глаз устремлен в никуда. По склону холма бродила, прихрамывая, оседланная лошадь и беспорядочно пощипывала траву. Иногда она поднимала голову и тихо ржала. Сверху ей вторил Мунго – конь с лиловыми глазами.

IV

– Говорил я ей, – всхлипывал мистер Харкнесс. – Сколько раз говорил не прыгать. Увещевал всячески. Даже руку на нее поднял ради ее же блага... И все равно ведь не послушалась! Гордыня ее обуревала, вот Господь и наказал за грехи. – Он принялся тереть глаза, как ребенок, потом сердито огляделся по сторонам и неожиданно взревел: – Где Джонс?!

– Похоже, здесь его нет, – решила ответить Джулия.

– Прячется где-то. Это все он. Он ее убил.

– Джонс?! – воскликнула Карлотта. – Убил?!

– Я же велел ему к кузнецу с ней пойти, переднюю правую переподковать. Если бы он сделал, как велено, Дульси бы тут вовсе не было. Я специально ему велел увести ее отсюда.

Джулия и Карлотта беспомощно что-то забормотали. Бруно пнул распахнутую дверь денника. Рики замутило. Из дома доносился голос Джаспера – он разговаривал с кем-то по телефону.

– Что он делает? – спросил мистер Харкнесс. – С кем это он? Что он им говорит?

– Врача вызывает, – пояснила Джулия. – И карету «Скорой помощи».

– А ветеринара? – требовательно спросил мистер Харкнесс. – Ветеринара вызвал? Боба Блэкера? Она ногу, наверное, сломала, усыпить придется. Об этом вы не подумали? Она лежит там в таком ужасном виде. Кому-нибудь глаза ей закрыть надо. Я сам не могу, но кто-то же должен.

Рики, к своему ужасу, ощутил, как в горле поднимается крик. Мистер Харкнесс все продолжал бормотать и всхлипывать. Почти невозможно было определить, когда он говорит о племяннице, а когда о лошади.

– А другие лошади что? – причитал он. – Их расседлать надо, помыть, накормить. Она согрешила. Перед Богом согрешила! За такое в ад попадают. Скорее всего. Так что с лошадьми?

– Бруно, – сказала Джулия. – Займешься?

Бруно с явным облегчением направился в ближайший денник. Оттуда почти сразу донеслись успокаивающе-обыденные звуки конюшни: фыркнула лошадь, переступая копытами, упало на землю переброшенное через дверцу седло, что-то железное ударилось о дерево.

Сам мистер Харкнесс нырнул в соседний денник так неожиданно, что там раздался топот копыт.

– Спокойно, девочка, – успокаивал он серую лошадку, прерывая свои слова всхлипами. – Стой спокойно.

– Как ужасно, – вздохнула Джулия. – Что же делать?

– Ничего, – ответила Карлотта.

– Может, принести ему выпить? – спросил Рики. – Бренди или еще что-нибудь?

– Он, должно быть, не пьет – страшится геенны огненной, – предположила Джулия. – А если выпьет, вдруг его совсем развезет?

– Наверное, стоит попытаться. – Зайдя в дом с черного хода, Рики пошел на голос Джаспера и обнаружил его у телефона в кабинете, где мистер Харкнесс, очевидно, вел бухгалтерию.

– Да, благодарю вас. Сразу, как только сможете, пожалуйста. – Джаспер положил трубку. – Что теперь делать? Как он?

– Бормочет, будто не в себе. Но сейчас в конюшне, занялся лошадьми. Дамы решили предложить ему глоток чего-нибудь крепкого.

– Вряд ли мы что-нибудь найдем.

– Поищем?

– Не знаю. А надо ли? Вдруг он совсем от этого голову потеряет?

– Да, мы тоже подумали, что такое может случиться, – кивнул Рики.

Джаспер оглядел комнату и направился к маленькому угловому буфету. Чуть поколебавшись, он открыл дверцу и тут же наткнулся на листок бумаги с нарисованным на нем красными чернилами черепом с костями. Рисунок сопровождала следующая надпись:

ОСТЕРЕГИСЬ! Не то попадешь пряником в ад!!!

Все это было прикреплено к бутылке виски.

– И что нам теперь делать?

– Понятия не имею. Но я знаю, что делать мне, – мрачно усмехнулся Джаспер. Он открыл крышечку и приложился к бутылке. – Как раз то, что нужно, – выдохнул он и предложил бутылку Рики.

– Нет, спасибо. И так мутит.

– Кто как реагирует, – ответил Джаспер, вытирая рот и ставя бутылку обратно в буфет. – Врач едет. Ветеринар тоже. – Он показал список номеров на листке над телефоном. – И карета «Скорой помощи». И каждый из них сказал, что ее нельзя трогать.

– Понятно.

– Ветеринар имел в виду лошадь, конечно.

– Разумеется.

– Боже мой. Как это ужасно!

– Ужасно.

– Пойдем к остальным?

– Да.

Они вернулись в конюшню. Бруно и мистер Харкнесс все еще были в денниках, откуда слышалось лошадиное чавканье и фыркание.

Джаспер обнял жену за плечи.

– Ты как?

– Ничего. Ты выпил.

– Хочешь?

– Нет.

– Где Бруно?

Джулия кивнула в сторону денников.

– Идите-ка сюда, – сказала она и подвела Джаспера и Рики к автомобилю.

На водительском месте сидела Карлотта и курила.

– Послушайте, – сказала Джулия. – Я насчет Бруно. Вы, конечно, понимаете, что он думает?

– Что?

– Что это его вина. Он прыгнул первым, и она решила, что тоже сможет.

– Даже если так, он не виноват.

– Я говорю то же самое, – вставила Карлотта.

– Постарайтесь его убедить! Ему не велели прыгать, а он не послушался, и вот что из этого вышло. Так думает Бруно.

– Вот дуралей.

– Да она еще до нас собиралась прыгнуть! – напомнил Рики. – И прыгнула бы.

– Вот именно, Рики, – с жаром поддержала его Джулия. – Именно так. Этой линии поведения мы и должны придерживаться с Бруно.

– Конечно, будет расследование, и этот факт всплывет, – заметил Джаспер.

– Черт, – выругалась Карлотта.

К дому подъехал автомобиль. Из него вышел мужчина в твидовом костюме и с чемоданчиком в руке.

– Доктор Кэри? – спросил Джаспер.

– Блэкер. Я ветеринар. Где Кас? И что вообще случилось?

– Я сейчас все объясню, – сказал Джаспер.

Пока он рассказывал о происшествии, прибыл второй автомобиль, откуда тоже вышел мужчина в твидовом костюме и с чемоданчиком в руке. Это был доктор Кэри. Джаспер повторил все, что случилось.

– Где она? – спросил доктор Кэри, когда Джаспер закончил, и сразу направился к выгону.

– Когда приедет «скорая», проводите их к месту, – бросил доктор через плечо. – Харкнессом я займусь позже.

– Наверное, мне надо поговорить с Касом, – сказал ветеринар. – Ужасная трагедия. Где он?

Будто отвечая на вопрос, над дверью денника неожиданно возник мистер Харкнесс.

– Боб... Боб, она совсем охромела. Рыжуха наша, Боб. Охромела и убила Дульси.

Наконец прибыла карета «Скорой помощи».

Рики стоял в углу двора, и все происходящее казалось ему нереальным. Ветеринар куда-то отошел, и мистер Харкнесс, что-то громко ему говоря, сначала порывался последовать за ним, затем вдруг остановился и вытер рот, растерянно глядя то на одну, то на другую удаляющуюся фигуру в твидовом костюме и с чемоданчиком, как будто они – часть какого-то сюрреалистического пейзажа. Потом мистер Харкнесс побежал к санитарам, которые вытаскивали из автомобиля носилки и брезентовый чехол, и попытался их остановить, отчаянно причитая. Санитары, похоже, как-то его успокоили и выслушали Джаспера, который показал им, куда идти. Мистер Харкнесс все время его перебивал и давал собственные указания.

– Там мимо не пройдешь. Сразу там прямо. Где прогал в изгороди. Я покажу. Мимо не пройдешь.

– Мы все поняли, сэр, спасибо, – ответили санитары. – Не беспокойтесь, мы найдем. – И зашагали прочь с носилками.

Мистер Харкнесс смотрел им вслед, оттягивая пальцами губу и что-то бормоча. К нему подошла Джулия, по-прежнему очень бледная.

– Мистер Харкнесс, пойдемте в дом, я сварю вам кофе покрепче, – заговорила она, как обычно, быстро и решительно. – Не ходите туда, теперь уже ничем помочь нельзя. Пойдемте. – Она взяла его под локоть, продолжая говорить, и он позволил увести себя в дом.

Карлотта осталась в машине. Джаспер пошел к ней. Бруно нигде не было видно.

Рики вдруг сообразил: что делать в такой ситуации прекрасно знает его отец. Он, как всегда, прибыл бы на полицейской машине и вновь имел бы дело со смертью, теперь настигшей мисс Харкнесс, и размышлял бы над зрелищем, от воспоминаний о котором Рики сразу становилось дурно. Аллейн не обсуждал работу с семьей, однако Рики, который очень любил отца, в душе часто удивлялся, как такой утонченный человек мог выбрать такую профессию. «Нет, я, наверное, спятил, – сказал он себе. – Думаю о произошедшем так, будто это не чертов несчастный случай, а преступление».

Джулия вышла из дома.

– Сидит в гостиной, – сообщила она. – Пьет растворимый кофе, в который я влила изрядное количество шотландского виски. Не знаю, учуял ли он спиртное и делает вид, что нет, или просто находится в таком состоянии, что ничего не замечает.

Послышался шорох шин по гравию, и из-за дома показался полицейский на велосипеде.

– Всем добрый вечер, – прокричал он, слезая с велосипеда. – Что тут у вас случилось?

Джулия поспешила к нему, протягивая руку.

– Вы это сказали! – вскричала она. – Вы правда это сказали! Это же просто чудесно!

– Простите, мадам? – переспросил полицейский, оглядывая ее с ног до головы.

– Я думала, это только в анекдоте полицейский приезжает и спрашивает: «Что тут у вас случилось» – и еще говорит: «Всем добрый вечер».

– А почему бы и не сказать? – удивился полицейский.

– Нет, можно, конечно, – кивнула Джулия.

– У моей жены сильный шок, – вмешался Джаспер. – Она нашла тело.

– Да, верно, – произнесла Джулия дрожащим голосом. – Меня зовут Джулия Фарамонд, я обнаружила труп и поэтому немного не в себе.

Полицейский расправил брюки и, достав из кармана блокнот, что-то быстро записал.

– Да, очень-очень прискорбно. Значит, вы миссис Джулия Фарамонд из Л'Эсперанс... Это вы звонили в участок, сэр? – обратился он к Джасперу.

– Нет, полагаю, вам звонил доктор Кэри. А я позвонил ему. Или, возможно, из «Скорой помощи» сообщили.

– Ясно, сэр. Я так понимаю, мы имеем дело с летальным исходом. Падение с лошади?

Все дружно кивнули.

– Прискорбно, – повторил сержант. – Мне следует приступить к осмотру места происшествия.

Джаспер снова показал, куда идти. Вслед за предшественниками сержант направился в сторону выгона и изгороди.

– Ты бы тоже выпила кофе с виски, дорогая, – сказал Джаспер.

– Я глотнула немножко между делом. Сама не пойму, почему я так с сержантом себя повела. Так неучтиво! Пожалуй, ты прав, это из-за того, что я видела. – Джулия разразилась то ли рыданиями, то ли смехом.

Джаспер обнял ее.

– Надо увести ее отсюда, – он посмотрел на Рики, потом на Карлотту.

– Почему бы нам всем просто не уйти? Какой от нас тут толк?

– Мы не можем оставить мистера Харкнесса, – всхлипывала Джулия мужу в куртку. – Кто знает, что взбредет ему в голову. Кроме того, сержант захочет, чтобы я дала показания, и Рики тоже, наверное. Это очень важно, так ведь, Рики? Взять показания на месте преступления.

– Какого преступления?! – воскликнула Карлотта. – Ты что, с ума сошла, Джулия?

– А где Бруно? – спросил Джаспер.

– Ушел в сторонку, его тошнит, – сказала Карлотта. – Сейчас вернется.

Джаспер усадил Джулию на заднее сиденье автомобиля и какое-то время стоял с ней рядом. Вернувшийся Бруно, на котором лица не было, не проронил ни слова. Безлюдный пейзаж перед ними наконец стал оживать. Сначала на дороге у дальней стороны изгороди показался ветеринар, ведущий под уздцы рыжую лошадь; ее голова и твидовая кепка ветеринара то появлялись, то исчезали за изгородью. Потом сквозь прогал, частично скрытый кустами терна, стало видно, что из оврага что-то подняли, вернее, вытянули на берег. Это были носилки с мисс Харкнесс.

Глава 4

Смена обстановки

Мисс Харкнесс в брезентовом чехле лежала в машине «Скорой помощи», ее дядя был у себя в конторе с врачом, а Карлотта повезла домой Джулию и Бруно. Рики с Джаспером все еще ждали во дворе конюшни, потому что им не хотелось уезжать. Рики рассеянно бродил по двору, почти не обращая внимания на происходящее и в мыслях постоянно возвращаясь к мертвой Дульси Харкнесс. Он забрел в старый сарай. Рядом с автомобилем, сломанной двуколкой, обрывками снаряжения и кучей мешков с гвоздями на стене свисал моток старой проволоки. Рики рассеянно потрогал ее и обнаружил на конце свежий срез.

В деннике стояла рыжая кобылка с перевязанной ногой. Время от времени, она отрывалась от еды и шумно вздыхала.

– Очень сильное растяжение передней ноги, – сообщил вышедший из ее денника ветеринар. – И порез глубокий, чуть не до малоберцовой кости. Не понимаю, откуда он. В овраге должно было быть что-то острое... Пойду посмотрю. Теперь, когда оттуда убрали, ну... э-э... туда можно идти.

– Там сейчас сержант, – сказал Рики. – Он вернулся после того, как мисс Харкнесс забрали.

– Старина Джоуи Планк? – спросил ветеринар. – Профессионал!.. Кстати, буду признателен, если вы пойдете со мной. Я бы хотел посмотреть, откуда именно юноша прыгнул. Не люблю загадки. Хотя, конечно, всякое случается. Дульси крупная девушка, и все же, не сомневаюсь, смогла бы перепрыгнуть через тот же овраг, что и тринадцатилетний паренек. Вряд ли она оплошала бы, если бы уж решилась прыгать. Пойдемте.

С одной стороны, идти с ветеринаром Рики хотелось меньше всего на свете, как, наверное, и Джасперу, но отказаться они не могли, да и так хотя бы будет предлог уйти со двора, где на передних сиденьях «Скорой помощи» сидят двое санитаров, а закрытые задние дверцы скрывают носилки с мисс Харкнесс. Джаспер пытался пояснить, что все стояли на другой стороне выгона, когда Бруно прыгнул, однако мистер Блэкер, не обращая внимания на его слова, пошагал вниз по склону.

Мягкая почва была испещрена следами копыт. На расстоянии нескольких футов от оврага ветеринар подал знак остановиться.

– Все, пришли. Здесь они оторвались от земли – вот следы задних копыт; первые – это прыгнул мальчик, а вторые поверх и поглубже – мисс Харкнесс. Лошадь очень сильно отталкивается задними ногами для прыжка. Видите разницу между следами от задних и передних копыт?

В прогале возник сержант Планк в рубашке с короткими рукавами; лицо его покраснело от усилий.

– Жуткое какое происшествие, Джоуи, – сказал ветеринар.

– А? Да. Очень. Еще и загадочное. Рад, что эти два джентльмена к нам спустились. Я заодно и показания у них по-быстрому возьму о том, как лежало тело. Раз уж таков порядок. Погодите чуток. – Вместо того чтобы подняться через прогал, он пошел с внутренней стороны изгороди – туда, где повесил пиджак на куст. Извлек из кармана пиджака блокнот с карандашом, вернулся и пристально посмотрел на Рики ярко-голубыми глазами.

– Я так понимаю, вы первым увидели погибшую, сэр...

По телу Рики прошла нервная дрожь.

– Миссис Фарамонд увидела первой труп, – сказал он. – Я – потом.

– Простите, понял. Назовите свое имя, пожалуйста, сэр.

– Родерик Аллейн.

За его словами последовала долгая пауза.

– А, да? – спросил сержант. – Продиктуйте по буквам, пожалуйста.

Рики продиктовал.

– Надо же! Вы точно не шутите, сэр? – голос сержанта стал строгим.

– Я? Зачем?.. О! – сказал Рики, краснея. – Нет, сержант. Я бы и не подумал. Я его сын.

– Я имел удовольствие, – помолчав, сказал сержант Планк, – работать под руководством старшего суперинтенданта во время расследования одного дела в западном графстве. Правда, я всего-навсего в карауле стоял. Он, конечно, меня не вспомнит.

– Я ему передам.

– Все равно не вспомнит. Но с ним действительно было здорово работать.

Еще одна долгая пауза была прервана мистером Блэкером.

– Вот так совпадение, – удивился он.

– Да уж, – покачал головой сержант Планк. Затем добавил, обращаясь к Рики: – Что ж, сэр, хоть и получилось весьма занятно, но, возможно, вы в состоянии как-то помочь расследованию.

– Конечно, мистер Планк, всем, чем только могу.

Рики рассказал, что он увидел, когда Джулия подозвала его к себе. Сержант аккуратно начинал каждую новую строчку около полей и дописывал строго до следующих. После он записал показания Джаспера, а потом предупредил, что порядок требует, чтобы он взял показания у Джулии и Бруно.

– Будет расследование, сэр, и как вы, конечно же, понимаете, вашу супругу обязательно вызовут в качестве свидетеля, поскольку тело обнаружила она. А вашего младшего брата попросят рассказать о его прыжке. Все это формальности, разумеется.

– Да, полагаю, что так, – кивнул Джаспер. – Хотя лучше бы, конечно, обойтись без этого. Мальчик очень расстроен. Похоже, вбил себе в голову, что мисс Харкнесс не прыгнула бы, если бы он не подал пример. Похоже, она была в восторге от его выходки.

– Правда? В восторге?

– Ну, конечно, – вмешался мистер Блэкер. – Насколько я понял из разговора с Касом Харкнессом, этот прыжок стал чем-то вроде яблока раздора. Он говорил ей, чтобы даже не пыталась прыгать, а она его не слушала. Это то, что я смог понять. Кас сейчас не в себе.

– У него шок, – сказал сержант, продолжая писать. – Не удивительно. Кто ему сообщил?

– Мы с женой, – ответил Джаспер.

– Он в полном смятении. Говорит то о кобыле, то о племяннице, причем, похоже, не всегда их различает, если вы понимаете, о чем я говорю.

– Да уж, понимаю.

Ветеринар отошел к изгороди, сквозь прогал окинул взглядом дно оврага и противоположный берег. Кое-где из-под кустов терна выступали остатки деревянной изгороди. Ветеринар наступил на нижнюю балку, проверяя, выдержит она его вес или нет.

– Я был бы признателен, мистер Блэкер, – сказал сержант Планк, поднимая ярко-голубые глаза от блокнота, – если бы вы этого не делали. Да, формальность, но ее надо соблюсти. Ничего личного.

– Что? О да, конечно, – опомнился Блэкер. – Простите.

– Ничего, сэр, – ответил сержант и вновь обратился к Рики: – А не могли бы вы показать, где именно вы и миссис Фарамонд стояли, когда заметили тело?

Рики никак не мог понять, почему это интересует сержанта, тем не менее рассказал, что Джулия подозвала его, он спешил, передал лошадь Бруно и подошел к Джулии. Она тоже спешила, и Рики заглянул в прогал.

– Вот так, – пояснил он, раздвинув несколько ветвей.

Левый столб изгороди держался в земле некрепко. С внешней его стороны, под колючими ветками, на мшистой земле виднелась свежая полоса, уходящая в кусты. Столб по правую сторону от прогала скрывал терн. Рики перешел туда и увидел сломанные ветки и царапину на столбе.

– Не заметили ли вы чего-нибудь странного в прогале, сэр? – прозвучал за спиной голос сержанта.

Подпрыгнув от неожиданности, Рики повернулся и встретил взгляд голубых глаз.

– Я был слишком потрясен, чтобы разглядывать.

– Да, это совершенно естественно, – сказал Планк, делая пометки в блокноте, потом, не поднимая головы, указал карандашом на ветеринара. – А у вас, мистер Блэкер, есть мнение относительно того, как именно произошел несчастный случай? Как, по-вашему, все случилось на этой стороне во время прыжка? Или лошадь перепрыгнула овраг, но сорвалась с берега?

– Если бы вы позволили мне пойти туда и посмотреть, – ответил Блэкер несколько кислым тоном, – тогда я бы смог сказать, что я думаю.

– Совершенно верно, – сконфуженно признал сержант. – Полностью согласен. Посмотрите на тот берег – а его отсюда хорошо видно – колышками я отметил контуры тела (необычные, надо сказать, учитывая положение конечностей и так далее). Хотя следы на земле и так достаточно красноречивы. Я больше скажу: есть и другие признаки, причем они просто бросаются в глаза, согласны? Человек с таким опытом, как у вас, мистер Блэкер, прочитает все как открытую книгу.

– Я бы не стал пока заходить в предположения так далеко, – примирительно произнес ветеринар. – Могу сказать, что лошадь приземлилась на том берегу – вон, виднеется след от стремян в грязи, – а затем, похоже, повалилась на Дульси. А вот перелетела ли Дульси через голову лошади или упала вместе с ней, не ясно.

– Вы прямо по полочкам все разложили. И с характером повреждений ваша версия совпадает. Вы ведь не видели тело, мистер Блэкер?

– Нет.

– Понятно. Голова разможжена копытом. Ужасное зрелище. Вы, несомненно, заметили, в каком виде было ее лицо, мистер Аллейн.

Рики кивнул. Во рту у него пересохло. Он не то что заметил, а рассмотрел.

– Что ж, я пойду переговорю с ее дядей, – сообщил мистер Планк.

– Это будет нелегко, – предупредил Джаспер.

Сержант Планк хмыкнул. Он не без труда облачился в пиджак, закрыл блокнот и направился к дому.

– Да уж, представляю, – бросил он через плечо. – Однако осталась еще одна маленькая формальность. Оpozнание. Нужен родственник.

– О, нет! – воскликнул Рики. – Вы же не заставите его проходить через такое?

– Постараемся смягчить насколько возможно.

– Смягчить?

– Сначала я с ним поговорю.

– Мы вам больше не нужны? – спросил Джаспер.

– Нет-нет, – ответил Планк. – Где вас искать в случае чего, мы знаем. Я заеду в Л'Эсперанс, если вы не возражаете, сэр, просто чтобы ваша супруга подписала показания, и, пожалуй, кратко побеседую с юным лихачом. Попозже вечером будет удобно?

– Это ведь риторический вопрос, сержант? Но честно признаюсь, – сказал Джаспер с очаровательной улыбкой, – я надеялся, что мои близкие будут избавлены от дальнейших потрясений хотя бы на сегодня.

– Понимаю, – сочувственно произнес сержант. – Да и вас бы от них не мешало избавить. Увы, таков порядок, сэр! А теперь извините, мне нужно сообщить обо всем суперинтенданту

Кюри в Маунтджой. Мое почтение, мистер Аллейн. Надо же какое совпадение. À ce soir⁹! – Улыбнувшись им, он направился к карете «Скорой помощи», переговорил с санитарями, после чего один из них вышел из машины, открыл задние дверцы и исчез внутри. Дверцы захлопнулись. Сержант Планк ободряюще кивнул Джасперу и Рики и пошел к дому.

– Как считаете, много таких сержантов Планков в нашей полиции? – спросил Джаспер у Рики.

– Есть, но не в таком изобилии, как раньше, пожалуй.

– Что ж, дорогой Рики, полагаю, можно теперь совершить освежающую прогулку в Л'Эс-перанс.

– А вам не кажется...

– Что?

– Что нам следует остаться, пока он... не посмотрит на нее.

– Врач ведь с ним?

– Да, с ним.

– Ну, тогда незачем...

И все же оба колебались, будто бы и «Скорая помощь», и ее пассажиры непостижимым образом влекли их к себе. Джаспер закурил сигарету. Рики достал трубку, но не стал ее разжигать.

– Тот еще денек выдался, – покачал головой Джаспер.

– Да уж.

Они пошли к воротам.

– Боюсь, вас все это ужасно расстроило. Как и бедняжку Джулию, и моего неутомонного братишку... его, правда, по другой причине.

– А вас разве нет?

Джаспер резко остановился.

– Расстроило? Ну, не так глубоко, как вас, наверное. Я ведь ее не видел. По моей теории, шок и ужас от смерти человека ощущаешь в полной мере, только если был ее свидетелем. Однако должен признаться, у меня возникло некое побуждение, за которое мне, пожалуй, стыдно. А может, и нет.

– Расскажите?

– Почему бы нет. Когда санитары внесли во двор закрытые носилки с мисс Харкнесс, я подумал: «Слава богу, что не я их нашел». Ну, останки, или как там правильно говорят. А затем санитары вдруг без предупреждения направились в мою сторону, и у меня вдруг возникло ужасное желание подойти и откинуть брезент. Думаю, что если бы все это можно было сделать мгновенно и одним движением, я бы так и поступил. Подобно тому, как Антоний явил Цезаря римлянам. Конечно, брезентовый чехол был застегнут, я бы провозился с застежкой, да никто и не позволил бы мне это сделать. Но почему вообще мне в голову пришла такая мысль? Плохо же мы знаем сами себя, согласны?

– Похоже, что так.

– Чистосердечное признание облегчает душу, – сказал Джаспер. – Но сам акт признания вызывает глубокое чувство стыда.

– Вон он идет.

Из дома вышел мистер Харкнесс с сопровождением, как и полагается родственнику жертвы несчастного случая. Его поддерживали под руки – с одной стороны доктор Кэри, с другой – сержант Планк. Водитель вышел из машины и открыл задние дверцы. Оттуда выглянул санитар.

– Это быстро, – пообещал доктор Кэри.

---

⁹ До вечера (*фр.*)

Повинуясь какому-то общему порыву, Джаспер и Рики отвернулись и зашагали прочь. В полном молчании они обогнули дом и вышли за ворота. Со стороны утеса с рокотом промчался мотоцикл и, почти не сбавляя скорости, повернул к воротам.

– Глядите-ка, кто едет, – удивился Джаспер.

Это был Сид Джонс. Сначала им показалось, что он их не заметил, но в последний момент Сид заглушил мотор и резко остановился.

– Здравствуйте, – произнес он мрачно, обращаясь только к Джасперу. – Как дела?

Рики и Джаспер переглянулись.

– Дульси не видели? – поинтересовался Сид.

II

У Рики в голове пронеслась целая вереница возможных ответов. На какое-то мгновение ему показалось, что Сид спрашивает, не видел ли он, Рики, погибшую Дульси с переломанными конечностями. Следующая его мысль была: «Надо ему сказать», а затем он подумал, что, возможно, ребенок покойной Дульси был от Сиды, да и вообще впервые по-настоящему осознал, почему про Дульси говорили «в ее положении». Он не знал, как долго проносились в его голове все эти сбивчивые мысли, но, наверное, молчание или поведение его и Джаспера, показались Сиду странными.

– Что не так? – спросил художник, снова обращаясь к Джасперу и даже не глядя на Рики.

– Произошел несчастный случай, – ответил Джаспер. – Боюсь, новости плохие.

– Очень плохие, Сид, – подтвердил Рики.

Он чувствовал, что надо что-то сказать, и его вдруг захлестнуло сострадание к Сиду, поэтому он положил руку ему на плечо, но Сид ее стряхнул, даже не повернув головы.

– Несчастный случай с Дульси Харкнесс, – пояснил Джаспер.

– А что с ней? Что за несчастный случай? Ну-ка говорите! Что вы скрываете? Она что, умерла?

– Боюсь, что да, Сид, – вмешался Рики.

– Бедная старушка Дульси, – произнес после долгой паузы Сид. – И как это случилось? – обратился он снова к Джасперу.

Джаспер все ему рассказал. Рики знал, что Сид весьма неэмоциональный человек и что на это следует сделать скидку. Он выглядел мрачным, ошеломленным, даже возмущенным, однако совершенно не потрясенным. И по-прежнему не смотрел на Рики.

– Что-то не верится...

Какое-то время он, по всей видимости, обдумывал новость, потом спросил:

– А вы знали, что она была беременна?

– Да, – ответил Джаспер. – Знали.

– Это ведь обнаружится, да?

– Полагаю, что так.

– Очень плохо.

Джаспер покосился на Рики.

– А кто отец? – спросил он.

– Не знаю, – ответил Сид чуть ли не радостно. – Да она и сама, наверное, не была в курсе. Та еще была девица.

Кто-то уже о ней недавно так говорил. Рики вспомнил – Луи. Луи Фарамонд в «Приюте рыбака» в Бон-Аккорде.

– А старик где? – спросил Сид Джаспера.

– В доме. С врачами. И сержантом полиции.

– А *ему-то* что там понадобилось? – требовательно спросил Сид.

– Полиция обязана приезжать, если несчастный случай заканчивается летальным исходом, – пояснил Рики, но его снова проигнорировали.

– Он очень огорчен, – сказал Джаспер.

– Кто?

– Мистер Харкнесс.

– Он ее предупреждал, так ведь? Вы ведь тоже слышали?

– Конечно, предупреждал.

– Тогда у него совесть чиста. Ему не о чем волноваться.

– Боже мой! – не выдержал Джаспер, однако взял себя в руки. – Дорогой Джонс, – сказал он уже спокойно. – У него ужаснейший шок. Племянница погибла. Ему предстоит опознать тело. Он...

– А-а... Вы про это... ну да, – протянул Сид и внезапно побледнел. – Да, другое дело. Это противно, наверное. – Он постоял немного, уставившись на свои ботинки, затем пожал плечом, уселся на мотоцикл и завел мотор.

– Куда вы? – прокричал ему Джаспер.

– Обратно. Чего мне там делать? Я к ней ехал. – Сид оттолкнулся ногой от земли, повернул мотоцикл и с грохотом помчался туда, откуда приехал.

– Чудовище бесчувственное, а не человек, – пробормотал Джаспер.

– Может, и чудовище, – кивнул Рики. – Но хотя бы в одном можно быть уверенным.

– В чем? А ну да, понял. Полагаю, да.

Звук мотора затих вдали.

– Ужасно дорогой мотоцикл, – заметил Рики.

– Да?

– Новый.

– Правда? – спросил Джаспер равнодушно. – Ну что, пойдем?

Вечер переливался красками, будто бы на невыразительный пейзаж сквозь небесное сито просеяли золотую пыль. Даже игра света и тени изменилась; знакомые детали пейзажа теперь были подернуты золотистой дымкой. Л'Эсперанс словно вознесся над землей – у подножия особняка проплывали облака. Преображение пейзажа было бы необычайно прекрасным, если бы не его недолговечность. Все сияло в золотом свете, однако вскоре он померк, и наступил холодный вечер.

– Рики, пойдемте к нам, – предложил Джаспер. – Поужинаем и выпьем. Все будут рады, если вы зайдете.

Однако Рики предпочел отказаться, и у ворот они с Джаспером расстались. Усевшись на велосипед, Рики тотчас почувствовал, как болят мышцы после седла.

Новость о несчастном случае уже достигла Коува. Миссис Феррант ждала Рики в коридоре.

– Как ужасно, – объявила она без предисловий и впиалась в лицо молодого человека пронизательным взглядом черносливых глаз.

Ему не хотелось обсуждать с ней произошедшее. Помня, как миссис Феррант всегда реагировала на упоминание о Дульси, Рики предчувствовал, что на него сейчас обрушится поток вопросов.

– Говорят, она с лошади упала, – продолжила миссис Феррант. – А еще говорят, что ссорилась с дядей, потому что прыгала уж очень рискованно. Вы правда видели, как все произошло? Это ведь вы ее нашли? Да, как бы она себя ни вела, а все же кара слишком суровая...

Рики пытался вежливо пресечь тему, но миссис Феррант подавала ему ужин – превосходно приготовленный омлет, – и каждое ее появление сопровождалось новой порцией вопросов. Рики явно проигрывал словесную битву. В конце концов ему пришлось рассказать, как все было.

Вдруг в коридоре послышался какой-то шум и шарканье.

– Это *он*, – пояснила миссис Феррант. – Как обычно, поедет утренним паромом в Сен-Пьер-де-Рош на выходные.

– Не знал, что есть такой паром.

– «Островная красавица» называется. Заходит сюда раз в неделю по пути из Маунтджоя.

– Неужели? – Рики обрадовался возможности направить мысли миссис Феррант в другое русло. – Надо будет прокатиться туда в один из дней.

– Очень рано отходит. В пять утра.

Откуда-то из коридора раздался требовательный голос:

– Эй, Мари!

– Иду, – тут же отозвалась миссис Феррант и вышла, закрыв за собой дверь.

Рики покончил с ужином и поднялся к себе, неожиданно почувствовав усталость. Да и мышцы болели так, что он не смог бы дойти до «Трески и бутылки», куда сначала собирался. К тому же там на него уж точно накинута с расспросами. Писать тоже не было сил. Рики принял горячую ванну – он едва не охнул, когда в нее опустился, – не без труда наклеил пластырь на мозоли, лег в кровать и забылся тяжелым сном.

Проснулся он от бледного утреннего света, струившегося в окно. Внизу в коридоре слышались приглушенные голоса. На дорожке у черного хода раздался шаг.

Рики вылез из постели и подошел к окну.

Держа в каждой руке по чемодану, мистер Феррант направлялся к пристани, куда уже подходила «Островная красавица». В том, как она скользила по водной глади в рассветный час, было нечто удивительное, даже нереальное. Издалека доносились тихие голоса, шлепанье каната по мокрой пристани. На фоне тишины и умиротворения отчетливо выделялась одинокая фигура мистера Ферранта, решительно шагавшего с багажом к парому. Чемоданы у него были поистине великолепные! Не пластмассовые, а из мягкой кожи, наверняка купленные в очень дорогом магазине. самого мистера Ферранта едва можно было узнать – пальто из верблюжьей шерсти, мягкая шляпа с загнутыми кверху полями, замшевые туфли, красивые перчатки. Он повернулся, и Рики увидел, что он в темных очках.

Мистер Феррант – единственный садящийся на паром пассажир, поднялся по сходням и исчез на борту. На берег сгрузили несколько посылок и почтовую сумку, а затем «Островная красавица» почти бесшумно отошла от пристани, поблескивая тусклыми огнями в занимающемся утреннем свете.

Рики вернулся в постель и снова уснул. Когда в девять утра он проснулся, то отъезд мистера Ферранта показался ему сном.

Через три дня в мэрии Коува провели коронерское дознание¹⁰. Коронер приехал из Маунтджоя. В присяжные позвали местных жителей – в некоторых из них Рики узнал постоянных посетителей «Трески и бутылки».

Джулию и Рики вызвали дать показания о том, как они обнаружили тело, а мистера Харкнесса – чтобы подтвердить личность погибшей. Харкнесс находился в подавленном состоянии, говорил тихим слабым голосом и дрожал; вид у него был крайне скорбный. Он пытался сказать, как предупреждал племянницу об опасности прыжка и как это привело к ссоре между ними.

– Я поддался гневу. – Харкнесс устало оглядел присутствующих. – Слишком далеко зашел и слишком много наговорил. Довел ее, наверное. – Потом он замолчал, и ему позволили покинуть помещение.

---

¹⁰ Коронерское дознание – процесс расследования фактических обстоятельств смерти; проводится, когда есть разумные основания подозревать, что покойный умер насильственной или неестественной смертью.

Доктор Кэри дал показания относительно характера телесных повреждений – многочисленных и обширных. Среди них были видимые – нанесенные, по всей вероятности, копытами лошади, и переломы. Внутренние же повреждения, скорее всего, были вызваны тем, что лошадь упала на наездницу. Установить точнее не представлялось возможным. Доктор Керри также добавил, что срок беременности составлял восемь-девять недель. Эти слова вызвали заметное оживление в зале. Суперинтендант Кюри из Маунтджоя, который номинально возглавлял расследование, находился на лечении в больнице, но, к удивлению присяжных, ходатайствовал через сержанта Планка об отсрочке дела, и его просьбу удовлетворили.

Выйдя на озаренную солнцем улицу, Рики решил поговорить с Джулией и Джаспером. Это была их первая встреча после несчастного случая, все это время они общались только по телефону. Джулия была одета просто, но вместе с тем элегантно и смотрелась очень экзотично в деревенской обстановке.

– Я вообще ничего не поняла. Зачем нужна отсрочка? Рики, объясните.

– Почему вы думаете, что я понимаю это?

– Потому что ваш отец – выдающийся полицейский. Тоже, наверное, все время просит отсрочку, хотя все ждут не дождутся, когда это... – Она осеклась и посмотрела Рики в глаза, затем быстро проговорила: – Будет забыто и похоронено.

– Честно говоря, я ничего не знаю о том, каков обычный порядок в таких случаях. Отец не рассказывает о делах, которые расследует. У нас много других тем для разговоров, – просто ответил Рики. – Наверное, полиции нужно крайне тщательно и досконально изучить все обстоятельства дела.

– Не понимаю, зачем кому-то, даже скорбящему мистеру Харкнессу, знать вперед: упала бедная Дульси, на бок или назад. Боже мой, Джаспер, дорогой, ну почему все, что я говорю, всегда звучит так бессердечно и жестоко!

– Потому что ты реалистка, милая, да это все и правда не имеет значения, – ответил тот. – Было бы до чрезвычайности лицемерно притворяться, что ты убиваешься по малознакомой девушке со скандальной репутацией. У тебя был сильный шок, потому что это ты ее нашла. Если бы ты просто *услышала*, что она погибла, то сказала бы: «Как жаль бедного Каса» и послала цветы на похороны. Кстати, мы, наверное, должны так сделать. Как думаешь?

– Рики, – сказала Джулия, не обратив внимания на слова Джаспера, – может ли быть такое, что полиция, как обычно пишут в газетах, не исключает возможность насильственной смерти? Может? А, Рики?

– Не знаю. Правда, не знаю, – ответил Рики и под пристальным взглядом Фарамондов неожиданно выпалил: – Мне приходила в голову такая мысль.

III

«Это просто мысль, – читал вслух Аллейн. – Наверное, ты сочтешь ее очень глупой. Но если нет, как думаешь, стоит мне поговорить с сержантом или я выставлю себя совершенным идиотом и дилетантом? Велика ли вероятность, что такая мысль придет в голову и Планку? А она должна прийти, если он не зря носит погоны».

– По-моему, было бы лучше, если бы Рики не лез во все это, а занимался своей книгой, – вздохнула Трой.

– Согласен. Зачем ему вообще ввязываться, черт подери? – Аллейн потер кончик носа и покосился на жену. – Хотя, конечно, примечательно, что он обратил внимание на такую, казалось бы, незначительную, деталь. «Срез, по всей видимости, свежий».

– Может, предложить ему вернуться домой? – поинтересовалась Трой и тут же сама себя дернула: – Нет, глупости говорю.

– Его могут вызвать на повторное дознание, и тогда какой смысл кататься туда-сюда. Беспокоиться не о чем. Вряд ли эта находка что-то значит, так что он сам прекрасно со всем справится. – Аллейн снова взялся за письмо. – Пишет, что Джулия была безмерно огорчена, но превосходно держалась и очень складно дала показания. Так, снова она.

– Надеюсь, она не находит его скучным.

– Когда это женщине не нравилось внимание симпатичного молодого человека?

– Да уж.

– И все же он наткнулся на нечто странное, – сказал Аллейн, продолжая читать. – Что стоит один только хозяин дома – непонятно где работающий водопроводчик, который вырядился как франт и на рассвете отчалил в Сен-Пьер-де-Рош.

– Это довольно живописное местечко. Я рисовала там пейзажи, когда училась. Так называемый художник Сид превратил такой потрясающий вид в жалкую мазню. Но туда не ездят в пальто из верблюжьей шерсти и модных костюмах.

– Может, для Ферранта это отправная точка для поездки на какой-нибудь фешенебельный южный курорт?

– А еще Луи Фарамонд, – продолжала вслух размышлять Трой. – Что у него за дела были с бедной мисс Харкнесс? Странно как-то. Или нет?

– Прибавь сюда твоего недавнего гостя с бесплатными красками и приступом головокружения. И вот, послушай дальше, – сказал Аллейн. – «Миссис Феррант как-то уж слишком язвительно реагирует на любое упоминание о Дульси Харкнесс, помимо обычного осуждения за скандальное поведение. И мне все думается, а не проявлял ли мистер Феррант непозволительный интерес к мисс Харкнесс?» Нет, серьезно! – воскликнул Аллейн. – Довольно свободные нравы у них там царят. А мисс Харкнесс, похоже, была на редкость сговорчива.

– Уже надоело про нее слышать! – покачала головой Трой.

– Понимаю. А еще, зачем этому ужасному Джонсу было так возмущаться, когда Рики наступил на краску? Разве бы ему не прислали еще кучу таких? К тому же бесплатно. Да и если уж на то пошло, с чего бы ему игнорировать Рики? Он ведь намеренно не смотрит на него и не разговаривает с ним. И ни слова не сказал про ланч у нас.

– Обычный хам. Не слишком ли много значения мы придаем не связанным между собой мелким происшествиям?

– Может, и многовато. – Аллейн закончил читать письмо, сложил его пополам и убрал. – Рики явно старался, когда писал это письмо. Очень длинное и очень подробное. Даже содержимое старого сарая описал.

– Просто все это не выходит у него из головы, и он подумал, что если напишет об этом, то избавится от навязчивых мыслей.

– Пытается «провести линию». Как в детских книжках, когда рисуешь по точкам: соединяешь их в заданной последовательности и получаешь, например, фигурку кошки. Только у Рика эти точки не пронумерованы, и он не знает, куда вести линию.

– Если она вообще есть.

– Может, никакой «кошки» и нет.

– Ты ведь и сам все время тем же занимаешься, разве нет?

– В каком-то смысле да, сокровище мое. В каком-то смысле.

– О! – воскликнула Трой. – Очень *надеюсь*, что линии и вправду нет и что мисс Харкнесс не была...

– Что не была?

– Убита, – закончила фразу Трой. – На самом деле письмо ведь об этом.

– Ну да, – согласился Аллейн. – Об этом.

Зазвонил телефон, Аллейн взял трубку и услышал голос помощника комиссара. Будучи человеком вежливым, он, как обычно, начал разговор издалека.

– Рори, прости, что беспокою тебя дома, – сказал он. – Если я правильно помню, ты как-то говорил, что твой мальчик сейчас на том острове, где «Саннидэй энтерпрайзез», ну, или как они там называются, устроили что-то вроде курорта?

По какой-то неведомой причине помощнику комиссара нравилось в начале разговора притворяться, что он не может вспомнить нужное имя, название места или событие.

– Да, сэр, он сейчас там, – ответил Аллейн, почему-то совершенно не удивившись.

Хотя эта мысль казалась совершенно абсурдной, он как будто подсознательно желал именно такого развития событий.

– Он ведь остановился в отеле под названием... Как его? Маунт чего-то там?

– «Маунтджой»? Нет, конечно. У тамошнего водопроводчика комнату снял, в непопулярной у туристов части острова.

– Это в Бэй или Дип-Бэй?

– В Дип-Коуве, – поправил его Аллейн, настораживаясь.

– Да, точно. Теперь припоминаю, что ты говорил что-то насчет водопроводчика и Дип-Коува, – вкрадчиво произнес помощник комиссара.

«К чему ты клонишь, хитрый старый черт?» – думал Аллейн, ожидая продолжения.

– В общем... – Помощник комиссара помолчал. – Вдруг он сможет нам помочь? Помнишь то дело о наркотиках, которое ты раскрыл в Риме? Группировку Зигфельдта?

– А, вы про *это*, – с облегчением выдохнул Аллейн. – Помню.

– Ну так вот, как нам всем, к сожалению, известно, Зигфельдт свои махинации не прекратил.

– Да уж. Перестроил замок свой бутафорский в Ливане. Туалеты на каждом этаже.

– Противно все это, – отозвался помощник комиссара. – Ну так вот, Рори, дружище, по последним сведениям из Интерпола и от наших людей в соответствующем подразделении, путь поставки товара изменился. Сырье по-прежнему ввозят из Измира в Марсель через разные итальянские порты и в лабораториях где-то под Марселем синтезируют из морфина героин. А дальше каналы сбыта варьируются. Частично героин отправляют через французские порты, иногда очень маленькие. Ну, ты уже, наверное, догадался, к чему я клоню.

– Не через Сен-Пьер-де-Рош ли случайно?

– А оттуда на этот твой остров.

– Он не мой, – заметил Аллейн.

– ...а далее – в Англию. Наверняка мы ничего не знаем, но определенные предположения есть. И есть один тип, на которого у нас кое-что имеется. В последнее время он демонстрирует признаки невесты откуда взявшегося благосостояния – можно так выразиться.

– Позвольте ли спросить, сэр, как зовут этого типа? – спросил Аллейн.

– Это водопроводчик без определенного места работы. Живет в Дип-Коуве. Фамилия его Феррант.

– Надо же, – произнес Аллейн тоном, не выражающим никаких эмоций.

– Занятное совпадение, да?

– Жизнь полна совпадений.

– Вот я и подумал, может быть, твой мальчик заметил что-нибудь странное?

– Заметил, что хозяин дома по фамилии Феррант, водопроводчик, на рассвете сел на паром в Сен-Пьер-де-Рош и при этом был разодет в пух и прах и нес два кожаных чемодана.

– Ага! – вскричал помощник комиссара. – Молодец ваш сынок! Очень хорошо! Здорово! – В состоянии воодушевления он начинал выражаться как вожатый в лагере скаутов.

– А нет ли у наших людей сведений о некоем типе по фамилии Джонс? Занимается красками, – поинтересовался Аллейн.

– Красками? То есть маляр?

– Вы недалеко от истины. Хотя сам он называет себя художником.

- Джонс. Джонс. Нет. Ни про каких Джонсов не слышал. А что?
- Он распространяет художественные принадлежности фирмы под названием «Джером и К°», у которой фабрика в Сен-Пьер-де-Рош. Часто навещается в Лондон.
- Художественные принадлежности?
- Полуфунтовые тюбики с масляной краской.
- На том конце провода повисло молчание.
- Вот как?! – произнес наконец помощник комиссара изменившимся голосом.
- Очевидно, время витиеватых вступлений прошло, и теперь разговор велся исключительно по делу.
- Имя его назовите? – деловито запросил помощник комиссара.
- Сидни.
- Где проживает?
- В Дип-Коуве. Фирма пытается всучить бесплатные образцы красок известным художникам, в том числе Трой. Он заходил к нам сюда по рекомендации Рики. И у него были странные симптомы...
- Обычно они не так действуют. Главы группировок. Чтобы явно пытаться подослать наркоторлера...
- Нет, конечно. Но вряд ли он типичный наркоторлер. Сказал, что погулял на вечеринке накануне. Симптомы были как при ломке, но, судя по тому, как Рики его описывал, он вроде не похож на наркомана.
- А что еще можете про него сказать?
- Аллейн рассказал об инциденте на дороге, когда Рики наступил на тюбик киновари.
- Пятно осталось?
- Вероятно.
- Надо бы взглянуть.
- Да, я и сам об этом думал.
- Пока из наших на острове никого нет. В Сен-Пьер еще только направили соответствующую директиву. А что твой мальчик там делает, Рори?
- Пишет книгу, сэр, – очень твердо ответил Аллейн. – Поехал туда в поисках уединения и поставил себе временные рамки.
- Пишет книгу! – с досадой воскликнул помощник комиссара. – Книгу?! – и добавил: – Чего только молодежь не придумает нынче! Мои вон по дискотекам бегают.
- Аллейн молчал.
- Все это, разумеется, неофициально, но не можешь ли попросить его сообщать обо всем, что покажется ему интересным? – попросил помощник комиссара.
- Все интересное он изложит в своей книге, надеюсь.
- Ладно, ладно. Кстати, тут интересные сведения пришли, буквально час назад. Еще одно совпадение, пожалуй. И опять с твоего острова.
- Да?
- Сержант из Маунтджоя звонил. Сержант Планк. Там произошел несчастный случай с летальным исходом. Две недели назад. Похоже на несчастный случай, но полиция этим выводом не удовлетворилась. Назначили дознание. Проблема в том, что у суперинтенданта совершенно некстати аппендицит осложнился перитонитом, поэтому начальство хочет, чтобы за это дело взялись мы. Ты что-то сказал?
- Нет.
- А то шум какой-то.
- Это я зубами скриплю, наверное.
- Помощник комиссара визгливо хохотнул.

– Можешь взять с собой Фокса, конечно. И пока этим занимаешься, поищи-ка... – Все тем же резким голосом он продолжил давать указания.

IV

Отправив обстоятельное письмо родителям, Рики подумал, что теперь, пожалуй, получится хотя бы на время забыть о Дульси Харкнесс и вернуться к работе. Дня три он искал ответ на мучивший его вопрос, а когда тот нашелся, то породил с десяток предположений, почему на столбах изгороди были свежие царапины, как будто от проволоки, почему куска проволоки нигде не нашли, откуда у кобылы на ноге рана, происхождение которой ветеринар не смог объяснить, и почему на мотке старой проволоки был свежий срез. Отец в ответном письме, возможно, посоветует ему не учить ученого, то есть сержанта Планка.

Завтра «Островная красавица» снова должна была на рассвете зайти в Коув. В Сен-Пьер-де-Рош три раза в неделю летал небольшой аэроплан, но Рики больше нравилась идея прокатиться на корабле. Если погода будет хорошая, он съездит в Сен-Пьер-де-Рош и вечером вернется в Маунтджой, либо пройдя пешком примерно восемь миль, либо на такси. Вдруг небольшая перемена обстановки поможет ему взглянуть на вещи шире? Или же он изобретает причудливый предлог, чтобы не работать?

«Я могу случайно наткнуться на мистера Ферранта в какой-нибудь гостинице, – размышлял Рики. – Или даже увижу фабрику «Джером и К^о». Все, решено, еду».

Он сообщил миссис Феррант о своем намерении, и эта странная женщина сначала одарила его одним из своих фирменных долгих взглядов, а потом сказала, что приготовит ему что-нибудь перекусить в полпятого утра. Рики попросил ее не беспокоиться – просто налить ему в термос с вечера кофе, а он сам отрежет на кухне кусочек хлеба.

– Не понимаю, зачем вам туда ехать, – недоумевала миссис Феррант. – Там ничего примечательного нет.

– Но мистеру Ферранту же нравится?

– А, ему-то.

– Если вы хотите ему что-то передать со мной, миссис Феррант, я с удовольствием помогу.

– У него есть все, что *ему* нужно. – Она странно хмыкнула и отвернулась.

Уже спускаясь по лестнице, миссис Феррант пробормотала, что вероятность встретить там ее супруга ничтожно мала.

Рики проснулся в четыре утра; небо было ясное, светила ущербная луна. За окном, точно шелковое полотно, расстилалась гавань с узором из перевернутой деревни. Несколько чаек неподвижно восседали на своих отражениях, на пристани не было ни души.

Одевшись и побрившись, Рики тихонько спустился на кухню. Это была самая большая комната в доме, служившая Феррантам гостиной. Там стояли телевизор, радиоприемник, кресла и громоздкий буфет с изрядным количеством фарфоровой посуды и олеографий на религиозные темы. Плита и холодильник выглядели новехонькими, как и всевозможные сковородки и кастрюльки. У Рики возникло ощущение, будто он потревожил мирный сон кухни.

Было тепло и пахло свежеприготовленной пищей. Посередине стола, рядом с термосом, лежал перевернутый конверт, на котором было написано: «Мистер Аллейн, еда в духовке».

В духовке обнаружилось блюдо гренок с беконом. Должно быть, миссис Феррант приготовила завтрак, пока Рики умывался. Гренки были вкусные. Покончив с ними и выпив кофе, он аккуратно вымыл за собой посуду. На часах двадцать минут пятого. Рики вдруг почувствовал, что ему хочется приключений. Может, стоит задержаться в Сен-Пьер-де-Рош на несколько дней? Повинуясь импульсу, он вернулся в свою комнату и запихал в рюкзак пижаму, еще одну рубашку и джинсы.

Затем Рики вновь спустился на кухню и написал на том же конверте: «Спасибо. Очень вкусно. Возможно, задержусь на день-два, но, скорее всего, вернусь вечером».

Он вышел из дома и зашагал по пустой улице к причалу. Спящие дома казались невзрачными и незнакомыми.

«Островная красавица» уже пришвартовалась. Двое местных жителей, которых Рики встречал в пабе, загружали на борт деревянные ящики. Он обменялся с ними приветствием и поднялся по сходням. Матрос, который принимал ящики на борту, поздоровался с Рики.

«Красавица» была суденышком водоизмещением не более пятисот тонн. В основном она перевозила товары на острова и в ближайшие французские порты, а регулярных рейсов в Девон и Корнуэлл не совершала.

Пожилой бородатый капитан отсалютовал Рики. Ударила рында. Сходни подняли, а один из местных мужичков отвязал канаты. «Красавица» отчалила от берега. Деревня осталась позади и постепенно уменьшилась в размерах. Рики спустился в салон, где в будке с окошком сидел стюард в форменной фуражке, и купил обратный билет. В пустом салоне стояли три стола, скамьи у стен и маленькая обшарпанная стойка бара. Вернувшись на палубу, Рики не без опасения обнаружил, что они уже в открытом море, и паром ощутимо качает. В лицо ударил порыв холодного утреннего ветра. На палубе громоздился груз, в том числе ящики с рыбой, накрытые просмоленной парусиной. За ящиками, спиной к Рики, неподвижно стоял человек в натянутой на уши вязаной шапочке цвета фуксии и пальто с поднятым воротником. «Наверное, матрос», – подумал Рики. Ощущая какую-то неприятную тяжесть в желудке, он попытался обойти груз, и в это самое мгновение мужчина в шапочке обернулся. Это был Сидни Джонс.

В последний раз Рики видел его на дороге в «Лезерс» в тот день, когда произошел несчастный случай. Тогда необъяснимое нежелание Сиды смотреть на Рики и говорить с ним, казалось, положило конец их общению. Мать Рики кратко описала в письме визит Джонса к ним. «Стоило твоему бедному отцу обмолвиться, что он полицейский – ему нужно было с обеда вернуться в Скотленд-Ярд, – писала она, – как Джонс поспешил ретироваться. Мы абсолютно ничем его не обидели. Папа считает, что он пришел с похмелья. А работы у него посредственные. Прости, милый».

И вот теперь они очутились лицом к лицу, правда, ненадолго. Сид с кислой физиономией отвернулся, и Рики вновь пришлось смотреть ему в спину поверх ящиков с рыбой.

«Ну, нет, на этот раз ты не отмолчишься», – подумал Рики и, обойдя груз, подошел к Сиду.

– Послушай, – сказал он. – Что случилось?

Сделав обманное движение в одну сторону, Сид попытался проскользнуть мимо Рики в другую, но тут «Красавица» подскочила на волнах, так что, совершив вынужденную перебежку по палубе, оба оказались лицом к лицу, разделенные грудой ящиков, будто бы качка застала их в разгар мирной беседы. Темные очки съехали Сиду на нос, приоткрыв бесцветные глаза.

Несмотря на усиливающуюся тошноту, Рики расхохотался. Рот Сиды, обрамленный отрастающей бородой, дернулся – он выругался.

– Ну, давай же, – сказал Рик. – Выскажи мне все, что думаешь. Оскорбить меня все равно не получится! Скажи, в чем дело. – Его начало знобить, очевидно, из-за нарастающего недомогания.

Сид посмотрел на него с нескрываемым презрением.

– Ну, так что?

Наклонившись к ящику с рыбой и всем своим видом источая ядовитую злобу, Сид завопил:

– Да в том, что я такой, какой есть и хочу таким быть, черт подери. Понял? И хватит ко мне липнуть. Я не по этой части... Мне такого не нужно, ясно? Так что сделай одолжение...

Судно снова накренилось, помешав Сиду договорить.

– Ты неслыханный грубиян! – прокричал в ответ Рики, одновременно пытаясь удержать равновесие. – Я ошибся. У тебя получилось меня оскорбить, причем сильно. И если бы ты сказал то, о чем я думаю, я бы тебе башку оторвал. Липнуть к тебе?! – повторил Рики, с трудом сдерживая рвотный позыв. – Слизняк и то привлекательнее, если уж на то пошло. – Он попытался презрительно махнуть рукой, однако палуба снова накренилась, и Рики, не удержавшись, пробежал несколько шагов прямо к поручням, где, злясь на себя, дал волю рвотным позывам. Когда он оглянулся, то увидел, что Сид предается тому же занятию.

Рики отодвинулся от него как можно дальше и всю оставшуюся часть недолгого пути расхаживал между скамьей и поручнями.

Городок Сен-Пьер-де-Рош лежал в тенистой бухте между двумя непримечательными мысами. Стоящие рядами белые дома таращились на бухту ничего не выражающими глазами-окнами. Над домами торчал церковный шпиль, позади, на склоне холма, вырисовывались административные здания.

По мере приближения парома к берегу стало видно с полдюжины гостиниц на берегу. Обозначились маленькие улочки и витрины магазинов с вывесками на французском: «Братья Дюпон», «Товары на все случаи жизни», «Черная кошка», а над длинной крышей здания на склоне холма еще одна: «Джером и К°», при виде которой Рики, еще бледного, но почти оправившегося от приступа морской болезни, охватило волнение.

Твердо вознамерившись избежать новой встречи с Сидом Джонсом, Рики убедился, что тот сошел на берег, выждал для надежности еще пять минут и спустился по сходням. Миновав здания с надписями «Таможня» и «Обмен валюты», он зашагал по мощеной улочке городка Сен-Пьер-де-Рош.

До него донесся самый прекрасный аромат в мире: аромат свежесваренного кофе и только что испеченных бриошей и круассанов. Морская болезнь бесследно прошла. Поблизости находилась забегаловка «Черная кошка», из раскрытой двери которой вместе с порывами теплого ветра и доносились аппетитные ароматы. Кафе было заполнено завтракающими рабочими, возможно зашедшими туда после ночной смены. Рики вдруг почувствовал зверский аппетит.

В маленьком бистро было довольно темно. Лампы не горели, а утреннего света еще не хватало. В воздухе висела голубоватая пелена табачного дыма. Несмотря на полный зал посетителей, разговоров почти не было слышно.

Рики подошел к стойке и тщательно изъясняясь на французском, обратился к хозяйке – грузной женщине с бюстом устрашающих размеров. За Рики в очереди уже стоял следующий посетитель.

Рики сел за единственный свободный столик, обращенный к двери, и ему подали завтрак. Обычно аромат кофе бывает вкуснее, чем сам напиток, но здесь его вкус почти не разочаровал. Масло и джем в маленьких баночках были отменными, и Рики щедро намазал ими теплые бриоши. Приключение начиналось.

Он почти закончил завтракать, когда из бистро вдруг стали выходить люди – слышался скрип ножек стульев, покашливание, обмен шутками с хозяйкой кафе. Рики остался в компании еще трех посетителей.

Или двух? Может быть, ему почудилось, что кто-то сидит в углу у него за спиной? Нет, все же там кто-то был.

Решив, что лучше не оглядываться и не проверять, Рики поднял глаза на стену впереди и увидел прямо перед собой лицо Сидни Джонса.

Испытав сильный шок, Рики не сразу сообразил, что темные очки и все остальное – отражение в замызганном зеркале и что именно Сид все это время сидел в углу и наблюдал за ним.

Есть нечто странное и неприятное в том, чтобы встретиться взглядами с кем-то в зеркале: будто бы два наблюдателя неожиданно застали друг друга за каким-то тайным занятием. В

этом же случае такое ощущение было еще сильнее. Какое-то мгновение Рики и Сид смотрели на отражения друг друга почти с ужасом, затем Рики вскочил, оплатил счет и поспешно вышел на улицу.

Идя по улице с рюкзаком на спине, он задавался вопросом, уж не вознамерился ли Сид испортить ему поездку в Сен-Пьер-де-Рош, прикинувшись кем-то вроде зловещего персонажа из сказок Андерсена. Со времени гибели Дульси Харкнесс Рики мало задумывался о странном поведении Сиды, его больше занимали другие загадки: свежие бороздки на деревянных столбах и рана на ноге лошади. «Ну почему этот Джонс так себя ведет? Были бы мы в приятельских отношениях, можно было бы у него спросить про проволоку», – подумал Рики и тут же с пугающей ясностью осознал, что кого-кого, а Сиды спрашивать об этом не стоит.

Миновав несколько магазинов и маленький кабачок, он вышел к площади, где находились ратуша, центральный парк, статуя какого-то напыщенного господина с бакенбардами и в сюртуке, общественный туалет, тумба для афиш и газетный киоск. Еще там были несколько рядов каких-то контор, одно или два административных здания и «Отель-де-Рош», вид которого сразу же понравился Рики.

Утро было в разгаре, солнце весело заливало светом центральную площадь, и Рики отметил, что его тянет переночевать в этом городке, и, возможно, не слишком большим роскошеством будет остановиться в «Отель-де-Рош». Внутри это был добротный, провинциального вида отель, в котором пахло воском. В зале, открывавшемся сразу после холла, типичная до карикатурности семья буржуа читала утренние газеты. Туговато соображающий администратор подтвердил, что для месье найдется номер, и портье сопроводил Рики на стареньком лифте в номер с двуспальной кроватью, умывальником, креслом и огромным платяным шкафом. Оставшись один, Рики вымыл руки, которые еще пахли рыбой, а затем выглянул на улицу из окна с ромбовидными стеклами. Перед ним разворачивалась сцена, достойная кисти какой-нибудь французской «бабушки Мозес»¹¹. По центральной площади сновали фигурки людей преимущественно в черном. Джентльмены снимали шляпы в знак приветствия, дамы слегка кивали, дети в платьицах, галстучках и беретах бегали по аллеям парка, хозяйки в платках торопились на рынок. Позади виднелся порт с «Островной красавицей» у причала.

Рики подумалось, что этот антураж совсем не подходит Сиду Джонсу, не говоря уже о мистере Ферранте в его пальто из верблюжьей шерсти и мягкой фетровой шляпе. Молодой человек переоделся в джинсы и футболку, оставил рюкзак в номере и пошел осматривать окрестности. Сначала он решил взобраться на холм. Вскоре городок остался внизу. Сады на склоне, ступеньки и дорога на кладбище привели его к церкви, ожидаемо названной в честь святого покровителя города. Церковь была примечательна разве что установленной на краю скалы скульптурой святого в светлых одеждах и со связкой ключей. «Ты – Петр, – гласила надпись. – И на сем камне Я создам Церковь Мою...»¹²

За небольшую плату можно было подняться на башню. Рики так и сделал и в награду получил вид на город, окрестности, поблескивающую гладь моря и далекие очертания своего острова где-то там в Ла-Манше.

Совсем рядом находилась штаб-квартира «Джером и К°» с подсвеченной лампочками вывеской, на которой был изображен гигантский тубик с выползающей из него «колбаской» краски. Рики вспомнил утро, когда он наступил на краску Джонса. Может, тот приехал в Сен-Пьер, чтобы пополнить запас бесплатных образцов, а посему обязательно навещается в «Джером и К°»? Положив руки на перила, Рики смотрел на идущих внизу по улице людей. По дороге, ведущей на холм, растянулась похоронная процессия. Катафалк украшал венки из

¹¹ Бабушка Мозес (1860–1961) – американская художница, крупнейший представитель американского живописного примитивизма.

¹² Евангелие от Матфея, 16:18.

лилий. Головная часть процессии повернула к кладбищу – теперь Рики было видно только священника, паренька, размахивающего кадилом и несколько людей в черном. Почудилось, что он чувствует запах ладана. Процессия тем временем скрылась за большим памятником. Рики полностью увлекло праздное созерцание, ему не хотелось уходить со смотровой площадки. Он все стоял, опершись о перила и смотрел на пейзаж. Тем временем в группу прохожих влился какой-то человек, только что вышедший из церкви; на нем была вязаная шапочка цвета фуксии и пальто с поясом, а с плеча свисал какой-то квадратный предмет.

Неожиданно громкий трезвон отдался эхом в грудной клетке Рики – часы на церкви внизу пробили десять.

Глава 5

Буря

В воздухе еще звенел последний удар часов, когда фигурка внизу двинулась вверх по улице, а затем, вполне предсказуемо, повернула к воротам фабрики «Джером и К°». Правда ли, что Сид вышел из церкви? Или он уже прятался в темном углу, когда туда вошел Рики? Или вообще давно шел за ним? Зачем он отправился в церковь? Помолиться? Поискать вдохновения? Дать отдых ногам? Заполненный тубиками с краской этюдник, наверное, ужасно тяжелый. Хотя, судя по той легкости, с которой Сид перекидывал его с одного плеча на другое, вряд ли он много весил. Возможно, сейчас этюдник пуст, и Сид как раз собирался наполнить его бесплатными образцами красок.

В голове Рики одна за другой проносились тревожные мысли. Неужели Сидни Джонс действительно подумал, что он, Рики преследует его, шпионит или – что уж совсем неслышанно! – гоняется за ним из похотливых побуждений? Или же дело обстоит с точностью до наоборот, и это Сид шпионит за Рики? Что если он по какой-то необъяснимой причине последовал за ним на борт «Островной красавицы»? И в бистро тоже? И в церковь на холме? А будучи загнанным в угол тогда, на пароме, наговорил гадостей в жалкой попытке сбить его с толку? Кто из них охотник, а кто – добыча?

Сид стал вести себя враждебно после возвращения из Лондона и смерти Дульси. Почему? Что такого могло случиться за ланчем у родителей? Может, все из-за того, что Трой оказалась невысокого мнения о его картинах? Или потому, что спросила его, не балуется ли он наркотиками?

И тут Рики неожиданно вспомнил, как оказался лицом к лицу с Сидом у ящиков с рыбой и как у Сиды соскользнули на нос темные очки. У него же зрачки были сужены! И он все время шмыгал носом и потел! А тогда ночью в логове он спросил Рики, не пробовал ли тот курнуть, и вел себя так, будто сам только что курнул. Может, дело в наркотиках? Это все объясняет: и истерику, которую Сид закатил из-за того, что на его краску наступили, и беспричинную обиду, и махание кулаками.

Однако это простое, связанное с пагубным пристрастием объяснение не вполне устроило Рики. Было что-то еще. Ему вдруг подумалось, что было бы хорошо разобраться во всем этом вместе с отцом.

Рики спустился с башни и вышел на улицу. Куда теперь? На холм к фабрике «Джером и К°»? Или обратно в город? Так ничего и не решив, он безотчетно повернул направо и почти подошел к воротам фабрики.

Напротив было кафе, где под навесом стояли столики и стулья. День становился жарким, а Рики довольно много ходил, да к тому же поднимался на башню. Он выбрал столик рядом с фикусом в кадке. Листья закрывали Рики, ему же со своего места было хорошо видно вход на фабрику. Он заказал пиво с булочкой и почувствовал себя героем детективного романа. Наверное, отцу часто приходится таким заниматься. Рики тут же представил, как тот с непринужденной элегантностью час за часом ведет наблюдение за объектом, и перед ним растет стопочка из тарелок. «В одном маленьком кафе в предместье городка Сен-Пьер-де-Рош...» Так обычно начинались романы в эпоху зарождения детективного жанра.

Пиво оказалось холодным и вкусным. Интересно было сидеть и наблюдать, пусть даже и бесцельно, за тем, что происходит вокруг.

На столе лежала забытая кем-то газета «Ле Монд». Рики принялся усердно ее изучать, время от времени поглядывая на ворота фабрики сквозь листья фикуса. Под удивленными (как ему показалось) взглядами официантов и всех посетителей кафе, Рики продырявил газету на случай, если Сиду взбредет в голову освежиться после посещения фабрики. Время тяну-

лось очень медленно. Стало ужасно жарко. Газета почти выпала из рук. Рики резко дернулся, открыл глаза и сквозь фикус увидел, что Сид Джонс переходит дорогу к кафе.

Рики расправил газету и закрылся ею. Дырка оказалась бесполезной. Он окинул кафе взглядом поверх газеты, Сид как раз садился за дальний столик спиной к Рики. Этюдник – теперь совершенно точно тяжелый – он опустил на соседний стул.

Рики спросил себя, какого черта он тут делает и почему ему так важно выяснить, отчего Сид Джонс вдруг стал испытывать к нему неприязнь. И зачем ему знать, употребляет ли Сид наркотики? Может, потому, что отдельные детали не желали складываться в цельную картину? Или, может, хотя такое, конечно, даже глупо предполагать, они имеют какое-то отношение к смерти Дульси Харкнесс?

Официант принял заказ у Сиды и спустя некоторое время принес ему черный кофе и стакан воды.

Теперь Рики мог наблюдать за Сидом только через газету, так как тот почему-то стал оглядываться по сторонам. Кроме Рики, в кафе было только три посетителя, но Сид выбрал столик подальше от всех. Неожиданно (насколько Рики удалось разглядеть сквозь дыру в газете) Сид взял стакан с водой со стола и поставил его на стул себе между ног. Потом достал что-то из нагрудного кармана рубашки. Он сидел с низко опущенной головой, положив левый локоть на колено и будто бы сосредоточившись на каком-то не видном Рики предмете. Какое-то время Сид не шевелился. Через несколько секунд его правая рука слегка дернулась, он как будто бы что-то убрал, а затем поднял голову и весь расслабился, будто нежась на солнышке.

«Вот и ответ на вопрос о наркотиках», – подумал Рик.

На остальные вопросы, увы, ответов по-прежнему не было.

Сид начал постукивать ботинком по земле, словно в такт какой-то неслышной мелодии, а пальцами правой руки отбивать ритм на крышке этюдника. Потом он удовлетворенно рассмеялся. К столику приблизился официант и посмотрел на Сиды. Тот сунул руку в карман и бросил на столик пригоршню монет. Официант забрал столько, сколько причиталось за заказ, и теперь стоял в ожидании чаевых. Сид щедро махнул рукой в сторону монет и сказал на ломаном французском:

– Не стесняйтесь, берите. Все забирайте.

Официант кивком поблагодарил его, сгреб монеты со стола и, повернувшись к своему напарнику, пожал плечами. К кофе Сид не притронулся.

– Доброе утро, мистер Аллейн.

Рики показалось, что в его теле дернулся каждый нерв. Он издал нечленораздельное восклицание, выронил газету и обернулся. Позади него стоял улыбающийся мистер Феррант.

II

Первоначальный шок сменился ужасным смущением. Как долго мистер Феррант стоял сзади и наблюдал, как Рики, щурясь, с довольной миной пялится сквозь дырку в газете на Сиды Джонса?.. Мистер Феррант в расклешенных по моде белых брюках, розовой полосатой футболке, белых замшевых сандалиях и с медальоном на серебряной цепочке. Мистер Феррант с густыми кудрями и наглой ухмылкой. Мистер Феррант, якобы водопроводчик, живущий на случайные заработки.

– Вы меня напугали, – сказал Рики. – Здравствуйте. Миссис Феррант сказала, что я вас здесь встречаю.

Мистер Феррант жестом подозвал официанта.

– Не против, если я к вам подсяду? – спросил он.

– Конечно-конечно, пожалуйста, – сказал Рики неестественным голосом. – Что будете пить?

Феррант выбрал пиво. Рики заказал два бокала, хотя пиво уже в него не лезло. Феррант, в каждом жесте которого (так казалось Рики) сквозило высокомерие, сел за столик и вытянулся на стуле.

– А вы-то когда приехали? – поинтересовался он.

– Сегодня утром.

– Правда? – небрежно переспросил Феррант и кивнул в сторону Сиды: – Он тоже.

Сид теперь ерзал на стуле и поглядывал на часы. Казалось, он вот-вот обернется и увидит их – и что тогда будет?

Официант принес им пива. Феррант зажег сигарету, закурил и отогнал дым мозолистой рукой.

– И что же вас привело сюда?

– Любопытство, – ответил Рики и поспешно добавил: – Хотел отдохнуть от работы.

– От работы? Это от писательства, что ли? – спросил Феррант таким тоном, будто слово «писательство» казалось ему подозрительным. – А остановились где?

Рики ответил.

– Неплохой старый отельчик, тесноватый только, – заметил Феррант. – Я предпочитаю гостиницу «Прекрасный берег». – Он взял «Ле Мوند» у Рики и просунул указательный палец в дырку. – Ох и увлекательная статья, наверное, не оторваться, да, мистер Аллейн?

– Послушайте... – Рики приложил руку к лицу и почувствовал, как оно горит. – Вы, наверное, думаете, странно, что я смотрел, смотрел на... Просто так. На самом деле я это делал просто так. Объяснить не могу, но...

– Я-то думаю?! Да вот еще, ничего я не думаю. – Феррант осушил бокал и со стуком поставил его на стол. – У каждого свои причуды. Так почему бы нет? Пиво тут хорошее. – Он встал из-за стола. – Я тут с Сидом словечком перемолвлюсь. Надо же какое совпадение! Он тоже утренним паромом прибыл. А погода какая хорошая! Только грозу может надуть к вечеру. – Сказав это, Феррант направился по проходу между пустых столов, специально повилявая бедрами. Рики хотелось его пнуть, но себя хотелось пнуть еще сильнее.

Казалось, прошла вечность, пока Феррант дошел до Сиды, который вроде как задремал. Будучи не в силах двигаться, как в кошмарном сне, Рики не мог оторвать от них взгляда. Феррант потерял Сиду за волосы, причем не так чтобы нежно.

Сид открыл глаза. Феррант покосился на Рики и что-то сказал художнику. Тот моргнул и прищурился, будто у него не получалось сфокусировать взгляд, потом слегка дернул головой, пытаясь убрать руку Ферранта. Тот еще раз, шутя, встряхнул его и отпустил. Лицо Сиды приобрело осмысленное и злобное выражение.

Феррант переставил этюдник на пол и сел на стул, потом положил ладонь Сиде на колено и склонился к нему, наверное, чтобы дать тому какой-то важный совет. К столику Рики подошел официант. Рики заплатил за заказ и оставил чаевые.

– Какой забавный тип, – мимоходом заметил официант, имея в виду Ферранта.

Когда Рики вышел из кафе, Феррант помахал ему рукой.

Рики отправился обратно в город, чувствуя себя пристыженным. Больше всего он мучился от сознания того, что к этому времени Феррант рассказал Сиде про дыру в газете.

Жара превратилась в пекло, накалившиеся булыжники мостовой обжигали ступни. Рики дошел до набережной и спрятался от жары в деревянной беседке. Там он сбросил сандалии, закурил трубку, и ему стало легче.

«Островная красавица» все еще стояла у причала. После ссоры с Сидом Рики забыл узнать, когда паром отплывает обратно в Маунтджой. Может быть, на этом стоит поставить точку, вернуться и заняться наконец книгой?

Отдыхающие из Франции приезжали и уезжали, к полудню жара еще усилилась, беседка почти не спасала от зноя. Рики поковылял к группе из трех гостиниц, у каждой из которых был

частный пляж. Он зашел в первую из них под названием «Прекрасный берег», взял напрокат плавки и полотенце и пошел купаться среди чинных буржуа, надеясь, что море освежит его и поднимет настроение.

Вскоре он проголодался. Не в силах даже подумать о том, чтобы куда-то снова тащиться по раскаленным улицам, он вернулся в отель на такси, пообедал в маленькой темной столовой, удалился в номер и крепко заснул.

Проснулся Рики в три часа дня, чувствуя себя прескверно, и выглянул на улицу. Слышались раскаты грома, с севера на город напоздали свинцовые тучи. Море посерело и покрылось рябью, «Красавица» качалась на волнах у причала. Редкие прохожие шли очень быстро, явно ища, куда бы спрятаться.

Рики принадлежал к числу людей, плохо переносящих грозы. От них у него шли мурашки по телу, и появлялось ощущение надвигающейся катастрофы. В детстве его вообще лихорадило от волнения: ему то хотелось спрятаться куда-нибудь подальше, то встать у окна или даже выйти на улицу и посмотреть в глаза страху. Со временем он научился контролировать свои эмоции и почти никак не проявлял их внешне, однако даже сейчас гроза вызывала в нем почти невыносимое чувство тревоги.

Комнату озарила молния. Рики непроизвольно считал секунды. Одна, две... На седьмой прогремел гром. Это означало (по крайней мере, Рики всегда так думал), что сама гроза бушует на расстоянии семи миль от города и неизвестно, дойдет ли вообще до него.

Небо окончательно нахмурилось и стало темным, как на гравюрах Гюстава Доре¹³. Сквозь узкий прогал в тучах пробился столп света, будто сам бог стремился покарать непокорное море. Стены номера вдруг сдвинулись. Накатило желание реабилитироваться в собственных глазах. «Пусть я провалил слежку, но я не буду сидеть в номере и дрожать от страха из-за пары несчастных тучек. К черту их!» Он вытащил из рюкзака дождевик и, на ходу его накидывая, сбежал по лестнице. Пожилой администратор спал за столом.

Город словно затаил дыхание. Любые звуки: приглушенные шаги, бессвязные обрывки разговоров, шуршание автомобильных шин казались слишком громкими. Окончательно стемнело.

Небесный свод прорезала молния, и почти сразу же над головой ударили в огромный жестяной поднос. Женщина на улице перекрестилась и прибавила шаг. Рики подумалось, что если сейчас расчесаться гребнем, то пойдут искры от разрядов.

Крупные капли дождя ударили в дорожную пыль, а затем на землю обрушился ливень.

Буря разбушевалась. По улицам неслись потоки воды, небо то и дело прошивала молния, гром смешивался с оглушительным шумом дождя, поливающего крыши, море, булыжные мостовые... Рики чудилось, что он идет босиком, а не в сандалиях. Но он продолжал спускаться к морю, внутренне торжествуя, несмотря на царившее вокруг светопреставление. Вот быстро, в котором он завтракал, вот прибрежные магазинчики. На набережной ни души, ее щедро поливает дождь, вода поднимается все выше и выше. Гостиница «Прекрасный берег» как раз выходила фасадом на набережную – за стеклянными дверями стояли люди и смотрели на то, что творится на улице; возможно, среди них и был Феррант.

Волны раскачивали «Островную красавицу», сходни гремели о причал. Здание пристани было закрыто, только под навесом грузового склада стояли три автомобиля. Там Рики и укрылся. Вокруг царил тьма. Дождь безжалостно барабанил по крыше. В какой-то момент Рики показалось, что кроме него на складе кто-то есть. Ощущение было настолько сильным, что он даже крикнул:

– Эй, есть тут кто-нибудь?

---

¹³ Гюстав Доре (1832–1883) – французский живописец, гравер, иллюстратор, автор иллюстраций к Библии, «Божественной комедии» Данте и т. д. Образы природы в его работах зачастую проникнуты мрачностью и драматизмом.

Никто не ответил. Рики стряхнул воду с дождевика и с капюшона и носовым платком вытер лицо, потом задумался над тем, какой же все-таки странный выдался день и как бы его получше завершить.

Очевидно, «Красавица» пока отплывать не собирается. Еще не загружены на борт автомобили и рыба. Рики вспомнилось, что он видел табличку на сходнях со временем отправления. Перспектива вернуться в Коув и, вообще, на свой остров становилась все привлекательнее. Надо узнать, когда отплывает «Красавица», вернуться в отель за рюкзаком, оплатить счет и сесть на паром.

Надвинув капюшон пониже, Рики шагнул навстречу буре.

До парома идти было всего ничего. Он вздымался и опускался на волнах, и сквозь шум бури доносился скрежет борта о причал. Рики шагал вперед почти вслепую. Подойдя к парому, он остановился на краю причала и попытался разглядеть, нет ли кого на борту.

Сначала ему показалось, что в спину ударили дождь и ветер. Пристань ушла из-под ног, паром полетел вверх. «Что это еще за такое?» – успел подумать Рики, и получил удар по лицу. Со всех сторон его окружала холодная зеленоватая вода, во рту тоже была вода. Тогда он понял, что происходит.

Падая с пристани, он обо что-то ударился, погрузился в воду и вынырнул. От соленой воды жгло в носу и саднило в горле. Он барахтался между опорами пристани и выпуклым бортом парома.

«Сам упал или столкнули?» – думал Рики, пытаясь выбраться из ловушки и понимая, что его столкнули.

III

Он не знал, насколько далеко паром может откатиться на волне и не раздавит ли его бортом об опоры пристани – единственные неподвижные предметы в этой качающейся вселенной.

В голове прояснилось. Сначала он держался на плаву инстинктивно, но теперь взял себя в руки. Мелькнула мысль: «Надо позвать на помощь». Ответом ему был далекий раскат грома. Рики перевернулся на спину; паром накренился в другую сторону, открыв взгляду узкий серп дневного света в прогале туч. С огромным трудом молодой человек поплыл, временами задевая деревянные сваи пристани и наросты на борту парома и обдирая руки и ноги. Наконец качающийся над ним борт, а затем и весь паром остался позади. Впереди были Сен-Пьер-де-Рош с гостиницей «Прекрасный берег», холмом и церковным шпилем.

Снова позвать на помощь? А вдруг где-то рядом прячется тот, кто хотел, чтобы Рики утонул, чтобы его раздавило паромом – в общем, чтобы он был мертв? Рики поднял голову над водой и огляделся.

Буквально в трех футах от него обнаружилась железная лестница. Уже хватаясь за нее, он подумал, что тот, кто на него напал, может подстергать рядом. Но Рики совсем околел от холода и понимал: придется рискнуть, оставаться в воде больше нельзя. Он стал медленно карабкаться по лестнице. Сандалии потерялись, наступать босыми ногами на железные перекладины было больно. Где-то вдалеке раздался голос. Наверное, почудилось. На середине лестницы Рики замер. Кругом было тихо. Дождь кончился.

– Эй! Эй, там! Вы не ранены?

Сначала он никого не увидел – голос будто шел с неба. Затем увидел на носу парома человека в штормовке и зюйдвестке. Перегнувшись через ограждения, тот махал ему рукой и кричал:

– Эй, приятель! Ты как?

Рики попытался ответить, но получилось какое-то хриплое карканье.

– Держись! Я сейчас! Держись!

Рики с трудом преодолел еще три перекладыны, поднявшись головой над пристанью. Он продел левую руку между перекладами и прижался к лестнице, придерживаясь за нее правой рукой. Кто-то бежал в тяжелых ботинках по сходням, потом по пристани – к нему на помощь.

– Все будет хорошо, – заверил голос где-то над ухом.

Рики поднял голову. Красное лицо под зюйдвесткой выглядело обеспокоенным и казалось очень большим на фоне неба. К нему потянулась рука с загорелой ладонью.

– Ну же, давай. Еще две ступеньки.

– Я... больше не могу, – прошептал Рики.

– Можешь. Все хорошо. Постарайся.

Он постарался, его поймали за руки и спасли.

Оказавшись на пристани, Рики шептал:

– Извините, извините.

Его вырвало.

Человек с парома снял с себя плащ и накрыл им Рики, зубы которого отбивали барабанную дробь. Он лежал на спине и смотрел, как облака проплывают по небу и исчезают вдаль. Солнце согревало лицо.

– Все хорошо, приятель, – сказал его спаситель. – Давай-ка поднимемся на борт и выпьем чего-нибудь для сугреву. Ты же с нами плыл утром, да?

– Да, утром.

– Скоро с якоря снимаемся. Так, осторожно. Вот и славно.

Рики поднялся на ноги. Они медленно пошли по пристани.

– Тут есть еще кто-нибудь? – спросил Рики.

– Кто?

– На нас кто-то смотрит.

– Вы пока не в себе малость. Ничего, ничего, все пройдет. Так, идем, аккуратно.

Рики с трудом поднялся по сходням. Матрос отвел его в маленькую каюту, помог снять мокрую одежду, принес фуфайку и теплые кальсоны. Рики уложили на скамью, накрыли одеялом и несколькими пальто и влили в него полстакана неразбавленного виски, от которого дыхание перехватило, по телу разлилось тепло.

– Отлично, – пробормотал Рики. – Просто отлично.

– Чего случилось-то, приятель? Поскользнулся, что ли?

– Меня толкнули. Нет, я не брежу, и я в своем уме. Пока что. Меня изо всех сил толкнули в спину. Я клянусь. Слушайте...

Матрос слушал, чесал подбородок, пристально смотрел на Рики и время от времени качал головой.

– Я пытался рассмотреть, нет ли кого на палубе. Хотел узнать, когда отплывает паром. Стоял почти на краю. До сих пор чувствую – меня двумя руками толкнули в спину. Я упал в воду и обо что-то ударился. Фингал, наверное, есть.

– Да уж, расцветает синячище, – подтвердил матрос, заглядывая ему в лицо. – Точно.

– Вы никого не заметили?

– Я? Да я в каюте дрых, внизу. Потом проснулся – от грома, наверное. Выхожу на палубу, а тут ты, в воде барахтаешься и за лестницу хватаешься. Я кричу-кричу, а ты не слышишь. Ну, не сразу услышал.

– Он, наверное, прятался на складе. И шел за мной до пристани.

– Похоже, ты догадываешься, кто это мог сделать, да? Зуб, что ли, кто на тебя имеет? – матрос внимательно посмотрел на Рики. – Досадил кому? Да по тебе не скажешь, что ты на такое способен, ни по виду твоему, ни по разговору.

– Там все запутано, – вздохнул Рики.

Его начало клонить в сон.

– Послушай, – сказал матрос, – мы отплываем в шесть. Ты с нами хотел? Я просто заранее спрашиваю, торопиться-то некуда.

– Да, хотел бы. Очень, – ответил Рики.

– А вещи у тебя где?

Усилив воли прогнав сонливость, Рики ответил. Матрос подозвал своего напарника, которого он должен был сменить на вахте в четыре тридцать. Тот предложил забрать вещи Рики из отеля и оплатить счет. Рики выудил водонепроницаемый бумажник из внутреннего кармана дождевика. Банкноты почти не промокли.

– Я вам очень обязан, – сказал Рики. – Возьмите такси. И купите себе бутылку виски от меня, ладно?

Матрос согласился. Еще он сказал, что его зовут Джим Леконт, и Рики нужно нормально одеться к приходу капитана.

К шести часам Рики сидел в салоне. На коленях у него лежал плед. В этот раз море было спокойнее, и, к своему удивлению, Рики не мучился от морской болезни, а почти всю дорогу проспал. В Маунтджое он попрощался с новым другом.

– Джим, я так вам обязан, – сказал он. – Сделаете еще кое-что для меня?

– Ну?

– Забудьте о том, что я говорил. Я просто поскользнулся и упал. Мне ничего не угрожает. Честное слово. Пожалуйста, пусть все это останется между нами.

Какое-то мгновение Леконт смотрел на него, склонив голову набок.

– Ну ладно, – наконец сказал он. – Как скажешь. Поскользнулся и упал, значит.

– Хороший вы человек, – сказал Рики.

Он сошел на берег с рюкзаком, полным мокрой одежды, и взял такси до Коува. Подъехал к дому и сразу поднялся к себе, миновав миссис Феррант, которая разговаривала по телефону.

Когда он вошел в комнату, ему навстречу из кресла поднялся очень высокий человек.

Это был его отец.

IV

– Я здесь по работе, – сказал Аллейн. – Нам с Фоксом выделили по фешенебельному номеру в «Нео-Риц», или как там этот отель называется, предоставили полицейскую машину и завалили скучной работой. Я бы не стал обсуждать с тобой дела, Рик, но, по досадному стечению обстоятельств, ты можешь сообщить нам кое-какую полезную информацию.

– Про мисс Харкнесс? – взволнованно воскликнул Рики.

– Это почему? – резко спросил Аллейн.

– Просто подумал.

– Вообще, я не стал бы посвящать тебя в детали, но в целях расследования, полагаю, придется. Только мне нужно быть совершенно уверенным в том, что ты никому об этом не расскажешь. Никому-никому. Ни единого слова. Как если бы я тебе ничего не говорил, ладно?

– Ладно, – ответил Рики с оттенком разочарования в голосе.

– Никому, – повторил Аллейн. – И уж, конечно, ни в коем случае Джулии Фарамонд.

Рики покраснел.

– Если спросят, мы с Фоксом приехали обсудить меры по улучшению взаимодействия между полицией острова и центральным управлением. И все время будем пропадать на нескончаемых и ужасно скучных совещаниях. Придерживаемся этой версии, понял?

– Да, шеф.

– Разумеется, никто этому не поверит, когда мы начнем рыскать в конюшне. Тогда скажем просто, что раз уж мы здесь, местная полиция захотела узнать наше мнение. Кстати, о местной полиции. Суперинтендант Маунтджоя не очень-то помог расследованию тем, что уго-

дил с аппендицитом в больницу. Сержант из Коува, Планк – ах, да, ты ведь его знаешь, – в курсе истинной цели нашего визита. Теперь что касается тебя... Нам нельзя проявлять никакого интереса к уикендам мистера Ферранта, а еще мы знать не знаем никакого Сида Джонса.

– Но я уже сказал Фарамондам, что он приходил к вам, – возразил Рики.

– Черт. Ну да ладно. Ничего там такого особенного не произошло, и последствий никаких не было.

– Как скажешь.

– Именно так.

– Хорошо, шеф.

– Вот и славно. Ты, кстати, голоден?

– Теперь да.

– А нельзя ли уговорить ту строгую леди внизу дать нам что-нибудь поесть?

– Конечно, можно. Сейчас спрошу.

– Скажи ей, что поскользнулся на мокрой пристани, упал и ударился о столб.

– Она подумает, что я был пьян.

– Вот и хорошо. От тебя и так разит виски. Ты точно в порядке, а, сынок? Уверен?

– Да, в полном. Ладно, пойду поговорю с миссис Феррант.

Рики ушел, а Аллейн смотрел из окна на вечерний Коув и размышлял над рассказом сына о поездке в Сен-Пьер-де-Рош и предшествующих ей событиях. Он думал о том, что люди любят сравнивать криминальные расследования со складыванием пазлов, и по большей части это верно. Сейчас же нет никакой уверенности, что имеющиеся детали – от одной картины. «Надо только соединить...»¹⁴ – с изумлением декларировал в своем романе Форстер. Эта фраза могла бы с успехом заменить учебник по криминалистике.

Аллейн никогда не хотел, чтобы Рики пошел по его стопам. Когда сын только начал учиться в школе, Аллейн изо всех сил старался сделать так, чтобы его работа никоим образом не касалась мальчика. Успехи Рики на академическом поприще были более чем удовлетворительными, и казалось, что его путь лежит далеко в стороне от лишений, рутины, ужасов и цинизма, с которыми сопряжена работа полицейского.

И что теперь? Они оба участвуют в расследовании дела, которое на поверку может оказаться сочетанием всего вышеперечисленного. Более того, Рики едва избежал того, что с полной уверенностью можно назвать покушением на жизнь. От одной мысли об этом отцовское сердце сжималось. Нет, надо как можно аккуратнее вытащить парня из этой передраги, пока он не увяз еще глубже. Однако Аллейн вынужден был признаться самому себе, что это вряд ли возможно, так как степень участия Рики в деле уже слишком велика. Придется воспринимать его как ценного свидетеля, который может сообщить полиции полезную информацию.

Так почему, кроме крайнего недовольства таким развитием событий, Аллейн испытывал странное теплое чувство, похожее на потаенную радость? Не потому ли, что от этого сгладились – или ему так показалось – чувство вечного одиночества?

Рики вернулся с уверениями, что миссис Феррант стряпает блюдо, от одного аромата которого текут слюнки.

– Ее прямо-таки гложет любопытство, – сказал Рики. – Зачем ты приехал? Чем занимаешься? Что будешь делать? Ругал ли ты меня? Прямо все хочет знать. Она и монаха-трапписта¹⁵ заставит говорить. Жду не дожусь.

– Чего?

– Когда она за тебя примется.

---

¹⁴ Известная фраза о взаимоотношениях людей, которую английский писатель Эдвард Морган Форстер (1879–1970) вынес эпитафией к своему знаменитому роману «Говардс-Энд».

¹⁵ Католический монашеский орден, известный своим обетом молчания.

– Рик, – сказал Аллейн, – это миссис Феррант, а мистер Феррант, как ты сам говорил, обладает загадочным богатством, ночью рыбачит в одиночестве, отлично одетый навевается в Сен-Пьер-де-Рош и, похоже, водит тесную дружбу с Джонсом. С Джонсом, который тоже ездит в Сент-Пьер-де-Рош, а еще возит свои краски в Лондон, с Джонсом, который, узнав, что твой отец – полицейский, начал питать к тебе отвращение. Ты подозреваешь, что Джонс употребляет наркотики. Я тоже так думаю. Феррант, похоже, имеет какую-то власть над Джонсом. Один из них, по-видимому, пытался тебя убить. Разве из этого не следует, что с миссис Феррант надо быть настороже?

– Конечно. Я всегда был с ней настороже. Еще и потому, что она любопытна до чертиков. Особенно ее интересуют Фарамонды. В частности Луи.

– Луи?

– Да. И знаешь, по-моему, когда она работала кухаркой или кем-то там еще в Л'Эсперанс, у нее была интрижка с Луи.

– Почему ты так думаешь?

– Из-за того, как он о ней говорит. В очень фривольной манере. И еще из-за ребенка.

– Сына Феррантов?

– Да. Такое явное сходство! Смуглый, шустрый. И плутоватый, похоже.

– А зовут как?

– Ты удивишься.

– Луи?

Рики кивнул.

– Ну, это распространенное французское имя, – пожал плечами Аллейн.

– Конечно, – согласился Рики. – Но когда столько всего сходится, невольно задумаешься. Да еще и назвать его так, если Луи действительно... – Рики махнул рукой. – Может, это все мой извращенный ум, конечно. И... ну...

– Тебе не нравится Луи Фарамонд?

– Не особо. Заметно?

– Немного.

– Он был в том путешествии, когда ты с ними познакомился, да? – спросил Рики.

Аллейн кивнул.

– А тебе он понравился?

– Не очень-то.

– Вот видишь...

– Что означает: совсем не понравился.

– У него что-то было с мисс Харкнесс.

– У него тоже? – поднял брови Аллейн. – И у скольких еще? С чего ты взял?

Рики поведал о случае на утесе.

– Наверняка встречались тайком, – многозначительно сказал он. – По виду было понятно.

– Не знаю, как ты углядел, если лежал за камнем.

Рики сдержал ухмылку.

– Тем не менее. Уверен, что я прав. Подозрительный тип.

– Рик, – сказал Аллейн, помолчав. – Вообще-то, у меня тут два задания – у помощника комиссара такой макиавеллиевский план: сэкономить. Я здесь, потому что, во-первых, местная полиция обеспокоена смертью Дульси Харкнесс и попросила нас подключиться к расследованию, а еще мне поручено, не привлекая внимания, исследовать вероятность того, что этот остров – предпоследний перевалочный пункт в одной из цепей поставок героина в Великобританию.

– Ничего себе!

– Да. Конечно, ты читал о том, как ведется наркоторговля. Задействуются всевозможные способы переправки товара из страны в страну: в светильниках провозят, в деталях для слуховых аппаратов, в протезах, в пупках тучных людей, да в любой полости. Если здесь на самом деле что-то происходит, то должен быть какой-то способ переправки товара из Марселя, где из сырья получают героин, в Сен-Пьер, а оттуда – на остров и в Великобританию. Мысли какие-нибудь есть?

– Например, почему Джонс так взъерился, когда я наступил на краску?

– Продолжай.

– Он, похоже, часто ездит... О! – перебил Рики сам себя. – Значит, в деле замешаны «Джером и К°»?

– Может, и замешаны, пока это только догадки.

– А Феррант? Он о чем-то шушукался с Сидом в Сен-Пьере. Может, они в сговоре? А на Ферранта что-нибудь есть?

– Человек из отдела по борьбе с наркотиками говорит, что они за ним приглядывают. Он как-то слишком часто отпрашивается отдохнуть в Сен-Пьер, а еще периодически летает в Марсель и на Лазурный берег – там его видели в компании известных наркодельцов.

– Но что *именно* он делает?

– На него нет ничего конкретного. Возможно, он проворачивает свои делишки, когда едет на так называемую рыбалку в безветренные ночи. Возьмем самое дикое предположение: некий джентльмен выезжает из Сен-Пьера с партией масляных красок. До поездки их вскрывают со стороны доньшка и начиняют капсулами с героином, а затем заполняют доверху краской. Затем из тюбика выдавливается некоторое количество краски, и он выглядит так, будто его уже использовали. Потом эти тюбики попадают в этюдник Джонса с художественными принадлежностями, и он направляется в Лондон. Нет, конечно, товар, который он развозит по магазинам и мастерским художников абсолютно чист – краска как краска. На таможне привыкают к нему и к его этюднику. Возможно, раньше они его проверяли, когда он еще этим не занимался. Даже сейчас, если кто-то заинтересуется, вероятность того, что попадется не тот тюбик, ничтожно мала. Скорее всего, Джонс перевозит очень малое количество поддельного товара среди обычных тюбиков с краской. И тот тюбик киновари, на который ты наступил, был как раз таким товаром.

Аллейн посмотрел на сына и увидел на его открытом лице знакомое выражение, в котором сочетались неверие и интерес.

– Возможно, это просто мои измышления и совесть мистера Джонса чиста как свежеевыпавший снег. Но подумай, Рик, какая у него еще может быть причина тебя ненавидеть? Ты идешь к нему домой и проявляешь интерес к краске «Джером и К°». Через несколько дней ты наступаешь на тюбик с киноварью и пытаешься его поднять. Отправляешь Джонса к нам, и там мать спрашивает его, не употребляет ли он наркотики. Ну и в довершение всего он узнает, что твой отец – полицейский. Он едет на фабрику, и кто же ошивается возле груза на пароме? Ты, дружище. От страха он бросает тебе первое попавшееся обвинение. И в довершение всего ты идешь по его следу практически до ворот фабрики... Хотя все это, повторяю, может оказаться полной чепухой.

– А как же Феррант? Они вместе проворачивают темные делишки?

– Похоже на то. Итак, Феррант тебя нашел. Что именно ты *делал*? Покажи мне.

– Лучше не надо.

– Давай, давай. – Аллейн взял в руки вчерашний номер «Таймс». – Покажи.

Рики развернул газету и проделал дырочку в центральном сгибе. Потом приставил газету к лицу, и, прищурившись, посмотрел в отверстие.

– Бу! – сказал Аллейн, заглянув поверх газеты.

В комнату вошла миссис Феррант.

– С скромный ужин готов, – объявила она, удивленно глядя на Аллейна и Рики. – Я накрыла в гостиной.

Отец и сын смущенно последовали за ней вниз.

В гостиной витал тонкий, всепроникающий и в то же время ненавязчивый аромат. Стол был изящно сервирован: в центре стояло главное блюдо, а также разложены были все необходимые столовые принадлежности. Миссис Феррант, держа в руке соусницу, ложкой поливала соусом из морепродуктов горячее рыбное филе.

– Боже мой! – воскликнул Аллейн. – Это же морской язык по-дьеппски¹⁶!

Расположение, которым хозяйка дома прониклась к гостю, было сопоставимо только с кулинарным шедевром, который она ради него сотворила. Мало что понимая из разговора на французском, Рики с возрастающим изумлением наблюдал за тем, как между его отцом и миссис Феррант мгновенно установилось взаимопонимание. Он расспрашивал ее о морском языке, о креветках и устрицах. Через каких-то несколько минут он выяснил, что у мадам (как он вежливо ее называл) маман была родом из Дьеппа¹⁷, от нее-то мадам и унаследовала свой кулинарный талант. Отец уже собирался попросить Рики сбегать в магазин за бутылочкой белого бургундского, но миссис Феррант, торжествуя усмехнувшись, принесла вино из своих запасов. Аллейн поцеловал ей руку и принялся упрашивать ее разделить с ними трапезу. Она согласилась. Глаза Рики становились все шире и шире от удивления. Странное маленькое празднество продолжалось, и Рики начал хотя бы частично что-то понимать. Отец умело завел разговор о Фарамондах и тех днях, когда миссис Феррант работала в Л'Эсперанс. В разговоре раз или два всплывало имя Луи.

– У него изысканные манеры и светскую жизнь он, похоже, любит?

– Можно и так сказать, – миссис Феррант пожала плечами.

Настала ее очередь спрашивать, например, хорошо ли месье Аллейн знаком с семейством Фарамондов. Не сказать, чтобы хорошо, но как-то раз они путешествовали вместе. Сын ведь не ожидал, что месье придет? Нет, конечно, получился сюрприз. До чего же смешное у Рики было выражение лица, когда Аллейн вошел в комнату. Рот раззявлен, глаза круглые. Аллейн очень живо изобразил эту сцену и весело похлопал сына по плечу. Ах, мадам спрашивала про фингал!.. Аллейн переключился с французского на английский и попросил Рики рассказать, что он с собой сотворил в Сен-Пьере. Может, с дурной компанией связался? Рики рассказал басню про железный столб. Проницательные глаза цвета чернослива хитро заблестели, миссис Феррант сказала по-французски что-то вроде «не надо нам тут сказок».

– Не иначе вы в какой-то переделке побывали, – заметила она. – Вон в рюкзаке вся одежда мокрая, хоть выжимай.

– Я под дождь попал.

– Из водорослей? – спросила миссис Феррант, впервые за все время их знакомства хихикнув, и, к раздражению Рики, отец поддержал ее веселость.

– Да, мадам! – воскликнул Аллейн, заговорщицки глядя на миссис Феррант. – Ох уж эта молодежь!

Она закивала.

«Интересно, – подумал Рики, – чем я, по ее мнению, занимался?»

За морским языком по-дьеппски последовали нежнейший сорбет, сырная тарелка, кофе с коньяком.

– Последний раз я так изысканно ужинал, когда был в Париже, – воскликнул Аллейн. – Вы непревзойденный кулинар, мадам!

---

¹⁶ Одно из классических блюд нормандской кухни.

¹⁷ Дьепп – населенный пункт и коммуна на северо-западе Франции, в регионе Нормандия.

Разговор шел на двух языках и теперь вращался вокруг мисс Харкнесс и того, что Аллейн с двусмысленной сдержанностью назвал неосторожной верховой ездой.

Лицо миссис Феррант приняло скорбно-торжественное выражение.

– Это привело к ужасным последствиям, – признала она.

Рики тут же вспомнилось искаженное страшной гримасой лицо со стеклянным взглядом.

Аллейн намекнул, что, возможно, мисс Харкнесс в целом была склонна к безрассудствам. Миссис Феррант подчеркнула, что «к разного рода безрассудствам», и тихонько хмыкнула.

– Кстати, Рик, – обратился Аллейн к сыну. – Я не говорил, что твой мистер Джонс навещал нас в Лондоне?

– Правда? – изобразил удивление Рики. – Зачем ему было вас навещать? Хотел маме краски продать?

– Ну, не продать, а прорекламировать. И некоторые свои работы показать.

– И что она сказала?

– Да особо и нечего было сказать.

Тут наступила очередь миссис Феррант поинтересоваться: разве миссис Аллейн художница, а может быть, даже известная, и не рисует ли сам мистер Аллейн, сюда же он наверняка приехал в отпуск?

– Нет-нет, – ответил Аллейн. – По делу.

Он пояснил, что собирается провести несколько дней в Маунтджое, а сюда заехал, пользуясь возможностью навестить сына. Вот уж совпадение, что Рики сейчас в Коуве.

– Повезло ему! – заключил Аллейн, потом снова похлопал Рики по плечу и склонился над пустой тарелкой.

Миссис Феррант пока еще прямо не спрашивала, кем работает Аллейн, но явно собиралась. Рики подумал, что, наверное, отец попытается обойти эту скользкую тему, однако же тот добродушно ответил, что он полицейский. Миссис Феррант заохала. Надо же, никогда бы не подумала! Полицейский! По-английски она пожурила его за то, что он, наверное, ее разыгрывает, а по-французски сказала, что он совсем не похож на полицейского.

Все это было сказано чересчур оживленно, и Рики не поверил ни единому ее слову. Его мнение о миссис Феррант успело за это время несколько раз поменяться, частично из-за того, что она говорила по-французски. Он мало что понимал, но в целом французская речь придавала некий налет утонченности ее манерам. В его глазах она перешла в разряд солидных людей. Что касается отца, Рики казалось, что он видит перед собой незнакомца, который смеялся, льстил хозяйке и чуть ли не флиртовал с ней. Вот какова профессиональная сторона его натуры? О чем они только что говорили? О мистере Ферранте и его поездках в Сен-Пьер и о том, что за границей так вкусно не накормят, как дома. У него деловые связи во Франции? Нет. Там родственники живут, и любит навещать тетюшек...

Рики пережил долгий и тяжелый день, полный загадок. Невозможно было поверить, что еще этим утром они с Сидни Джонсом стояли нос к носу у ящиков с рыбой на качающейся палубе. Как странно выглядели люди внизу, когда он наблюдал за ними со смотровой площадки, – просто насекомые, которые спешат куда-то. Ужасно было бы туда упасть. И все же он падал: все ниже и ниже в это отвратительное море.

– А-а-а! – попытался он закричать, а потом увидел перед собой лицо отца и почувствовал на плечах его руки.

Миссис Феррант в комнате не было.

– Пойдем, дружище, – ласково произнес Аллейн. – Пора отдыхать.

V

Инспектор Фокс как раз заказывал пинту эля, когда Аллейн вошел в паб «Треска и бутылка». Инспектор вел степенный разговор с хозяином заведения, тремя местными завсегдатаями и сержантом Планком и, как всегда, имел успех. Окружающие ловили каждое его слово. Фокс стоял спиной к двери, так что Аллейн подошел к нему незамеченным.

– И тут он ставит жирную точку, сержант, – говорил инспектор. – Спокойно и невозмутимо. Вы ведь работали с ним?

– Ну... – сержант Планк прокашлялся. – Только косвенно, мистер Фокс. Но я заметил то, о чем вы говорили.

– Ага, заметили. Вот и я тоже, продолжаю замечать. И уже столько лет, мистер, – обратился Фокс к хозяину бара, пытаясь вовлечь его в разговор. – И что это были за годы! *Quoi qu'il en soit*¹⁸... – Фокс осекся, заметив Аллейна.

Местные жители говорили на двух языках, поэтому Фокс никогда не упускал возможности попрактиковаться во французском или в спокойной и степенной манере похвалить достоинства своего начальника. Аллейн редко заставлял его за этим занятием, но когда такое случалось, после выговаривал ему за это. Фокс не обращал внимания, говорил только, что этот метод помогает подобраться к тем, от кого надо получить информацию.

– Людям нравится узнавать больше о полицейских, если сами они вне подозрений, – говорил Фокс. – Им любопытно с вами пообщаться, мистер Аллейн, а когда они слышат о ваших маленьких слабостях, то и на вопросы отвечают охотнее. Говоря театральным языком, это подготавливает публику к появлению на сцене главного героя.

– А говоря простым языком, – мягко возразил Аллейн, – это выставляет меня полным дураком.

Фокс еле заметно улыбнулся.

Стало ясно, что и в этом случае был применен фирменный метод Фокса, а также, что сержант Планк явно ему подыграл. Аллейн стал объектом пристального внимания всех присутствующих в «Треске и бутылке» и заодно предметом их размышлений.

Фокс, у которого была железная память на имена, представил всех друг другу, и Аллейн пожал руки по очереди всем присутствующим. Слышалось смущенное покашливание и шарканье. У Боба Мэйстра тоже был свой метод – по праву хозяина заведения он за всех спросил у Аллейна, как там молодой человек, и правда ли, что бедняга попал в неприятности в Сен-Пьер-де-Рош? Аллейн бодро отчитался, что сын потерял равновесие на мокрой пристани, ударился челюстью о железный столб и упал между пристанью и паромом «Островная красавица».

– Все могло быть гораздо хуже, насколько я могу судить, – подытожил он, – если бы не тот парень с парома, Джим Леконт, так ведь его зовут?

Оказалось, что Джим Леконт из Коува, и его имя повлекло за собой пересказ местных сплетен, под умелым руководством Планка перешедший в обсуждение мистера Ферранта, сопровождающееся кивками и понимающими ухмылками, которые означали, что Гил Феррант тот еще удалец и гуляка.

– Хорошо ему, – небрежно заметил Аллейн. – Может во Францию просто так развезаться съездить, я так вот не могу.

Тут же были высказаны разнообразные предположения относительно источника средств Гиля Ферранта: богатые тетушки в Бретани, феноменальные выигрыши во французских лотереях, и в целом было отмечено, что посетитель он довольно щедрый.

---

¹⁸ Как бы то ни было (*фр.*).

Разговор о мистере Ферранте, к скрытому негодованию Аллейна, прервал сержант Планк, предположивший, что суперинтенданту приходилось бывать и по другую сторону Ла-Манша. Как от него и ожидалось, в ответ на это Аллейн рассказал пару баек, в том числе и о сенсационном деле, когда с помощью французской полиции в Марселе в ходе погони был арестован маньяк, убивавший детей. Как позже заметил Фокс, рассказ хорошо пошел, но имел нежелательный эффект: местные сплетни больше не обсуждались.

– Вы хотели, как лучше, сержант, – признал Фокс, – однако нить разговора была потеряна. Поток информации прервался.

– Да я сам – источник местных сплетен, мистер Фокс, – возразил сержант Планк. – И расскажу вам все, что вы хотите знать.

– В каком-то смысле да, сержант, но вы недооцениваете один очевидный факт. Как неоднократно подчеркивал старший суперинтендант, наша профессия делает из нас одиночек. Вот живете вы, к примеру, в деревне, дружите с кем-то. Нарушение границ земельных участков, порча имущества, проблемы с соседями – все эти случаи – ваша епархия. Однако стоит произойти чему-то посерьезнее, и вы попадаете в изоляцию. Все сбиваются в стадо как овцы, а вас к себе не принимают. Сначала неприятно, потом привыкаешь.

Фокс чуть-чуть помолчал, давая собеседнику время поразмыслить над услышанным, затем кашлянул и продолжил:

– Именно это и произошло, когда вы сменили тему. Поток сплетен прервался. Чего всем сразу захотелось? Побольше узнать о старшем суперинтенданте. Зачем пожаловал? Связан ли его приезд с гибелью мисс Харкнесс, а если нет, то с чем? А если да, то почему? Вот так на месте расследования и создается неблагоприятная обстановка.

То ли в подтверждение этих высказываний, то ли просто так, но обстановка в «Лезерс» на следующее утро была далека от благоприятной, хоть и создавал ее один только мистер Харкнесс. Прибыв на место в восемь тридцать, Аллейн, Фокс и Планк обнаружили закрытые ставнями окна и припиленную к двери записку: «Конюшня закрыта на неопределенное время». Они стучали и звонили, но им никто не открыл.

– Он где-нибудь в задних помещениях, – сказал Планк и повел всех в конюшню.

Сначала им показалось, что там никого нет. Пахло сеном и навозом, вокруг жужжали мухи. По каретному сараю важно расхаживали два голубя, что-то поклевывая, потом птицы взлетели на балки под потолком, откуда бесцеремонно испражнились на крышу поломанной машины. Из дальнего денника высунулась рыжая лошадь. Она закатила глаза, наострила уши и, раздувая ноздри, довольно громко заржала.

– Пойти разбудить мистера Харкнесса, сэр? – предложил Планк.

– Погодите, Планк. Не спешите.

Аллейн подошел к деннику.

– Привет, старушка. Как дела? – Он встал, опершись руками о дверцу, и оглядел кобылу. На ее ноге все еще белела повязка. Лошадь пожевала его ухо бархатными губами.

– Скучно, да? – посочувствовал ей Аллейн и вернулся в каретный сарай мимо пустых денников.

Моток проволоки висел там же, где его в последний раз видел Рики, – на гвозде над кипой пустых мешков. Эта проволока была толще той, которую обычно используют для картин, и, похоже, висела тут давно. На конце мотка виднелся свежий срез, который заметил Рики. Аллейн подозвал Фокса и сержанта. Форменные ботинки Планка громко стучали по двору, он пошел на цыпочках, и стук сменился жутковатым скрипом.

– Смотрите, – пробормотал Аллейн.

– Ага, вижу, – сказал Планк.

Он осматривал проволоку так сосредоточенно, что даже пыхтел от натуги.

– Кажется, подходит.

– Похоже на то, – отозвался Аллейн.

В углу стоял ящик с инструментами, наполненный всякой всячиной. Аллейн взял оттуда кусачки и с необычайным проворством отрезал дюйма три от другого конца мотка.

– Такое вот, сержант Планк, – сказал он, кладя кусачки на место, – мы никогда не должны делать.

– Постараюсь запомнить, сэр, – кротко ответил Планк.

– Похоже, мистер Харкнесс проснулся, – сказал Фокс.

И действительно из дома донесся ужасающий кашель. Аллейн в мгновение ока подскочил к двери, остальные встали за ним. Аллейн постучал в дверь.

В коридоре слышались шаги и неразборчивое ворчанье. В замке повернули ключ, и дверь чуть-чуть приоткрылась. Из щели на них смотрел, моргая, небритый мистер Харкнесс, от которого разлило виски.

– Конюшня закрыта, – пробасил он, собираясь захлопнуть дверь, но Аллейн уже поставил ногу на порог.

– Мистер Харкнесс, – сказал он, – прошу прощения за беспокойство. Мы из полиции. Не могли бы вы уделить нам минутку?

Несколько мгновений оба стояли и молчали. Потом мистер Харкнесс распахнул дверь.

– Полиция? А насчет чего? Снова насчет моей несчастной племянницы-грешницы? Господи прости ее, хотя это и было бы неслыханной щедростью с его стороны. Входите. – Он провел посетителей в контору, подал им стулья и, кажется, впервые за все это время заметил сержанта Планка.

– Джоуи Планк, опять ты! Что ж ты не отступишься никак? Что толку? Ее не вернешь. «Мне отмщение. Я воздам, – говорит Господь»¹⁹. Так что теперь ей воздается там, куда она попала. Кто эти джентльмены?

– Старший суперинтендант, приехал к нам решить кое-какие административные вопросы, мистер Харкнесс, – представил Аллейна Планк. – И любезно предложил помочь с нашим небольшим затруднением.

– Почему вы так по-дурацки выражаетесь?! – раздраженно воскликнул мистер Харкнесс. – Это не небольшое затруднение, это тяжелое преступление и муки вечные, и она навлекла их на себя, а я поспособствовал. Простите, – сказал он Аллейну, внезапно переходя на нормальный тон. – Я, наверное, кажусь вам ужасно грубым, но вы же понимаете, какое это для меня потрясение.

– Конечно, понимаем, – ответил Аллейн. – И просим прощения за то, что нагрянули без предупреждения. Нас попросил суперинтендант Кюри из Маунтджоя.

– Ну, наверное, он знает, что делает, – проворчал мистер Харкнесс. Теперь в его тоне слышались одновременно беспомощность и раздражение. Глаза покраснели, руки дрожали, а от него самого ужасно пахло. – Про какую это вероятность умышленных действий тогда говорили? Кем они меня считают, а? Если бы были какие-то умышленные действия, разве я бы не потребовал наказать виновных? Не стал бы бдеть день и ночь, как ангел правосудия, пока не вскрыется страшная правда? – Он поглядел на Аллейна увлажнившимися глазами и вскричал: – Ну! Скажите же! *Разве не поступил бы я так?!*

– Уверен, что поступили бы, – поспешно согласился Аллейн.

– Это было бы совершенно естественно и правильно, – добавил Фокс.

– А вы молчите, – рассеянно и беззлобно произнес Харкнесс.

– Мистер Харкнесс, – начал Аллейн и осекся. – Должен ли я обращаться к вам по званию? Дрожащая рука мистера Харкнесса потянулась к его усам щеточкой.

---

¹⁹ Псалом к Римлянам, 12:19. (Синодальный перевод).

– Я не настаиваю, – пробормотал он хрипло. – Как хотите. И так сойдет. – На смену хозяину конюшен снова пришел рассеянный святоша: – Гордыня – самый тяжкий грех. Так что вы говорили? – Он наклонился к Аллейну, изображая заинтересованного слушателя.

Тщательно подбирая слова, тот объяснил, что если происшествие повлекло за собой чью-то гибель, полиция обязана исключить все прочие варианты, кроме несчастного случая.

– Порой всплывают обстоятельства, которые не позволяют сразу же прийти к этому заключению. Чаще всего эти обстоятельства в результате оказываются незначительными, однако нам следует в этом убедиться.

– Ну, конечно. Неплохой спектакль разыграли, – усмехнулся мистер Харкнесс.

Не без труда Аллейн заставил его припомнить промежуток времени между отбытием и возвращением компании в тот день. Выяснилось, что мистер Харкнесс большую часть дня провел в конторе, сочиняя речь для религиозного собрания. Затруднившись припомнить подробности, он сказал, что запер племянницу в ее комнате, откуда она позже сбежала, и рассеянно добавил, что еще днем, во сколько точно – не помнит, ходил в амбар помолиться, но не видел ничего необычного и никого не встретил. К концу разговора он совсем сник.

– А где вы обедали? – спросил Аллейн.

– Извините, – бросил мистер Харкнесс и вышел из комнаты.

– Куда это он?! – воскликнул Фокс.

– По зову природы? – предположил сержант Планк.

– Или по зову бутылки. – Аллейн оглядел контуры: взгляд его упал на выцветшие фотографии со скачек и стройного, едва узнаваемого мистера Харкнесса в форме кавалериста. На более позднем снимке была запечатлена сердитая молодая женщина на рыжей лошади.

– Это Дульси, – пояснил сержант Планк.

Письменный стол был завален счетами, квитанциями, брошюрами с описанием пород лошадей и памфлетами, провозглашающими неотвратимое и ужасное приближение Страшного суда и вечных мук. В центре стола лежал исписанный листок бумаги – аккуратный поначалу почерк к концу превращался в неразборчивые каракули. Похоже, это был черновик речи о плотских искушениях. Слева от стола, в углу, возвышался буфет, который заметили Рики и Джаспер Фарамонд. Аллейн приоткрыл незапертую дверцу. Внутри стояла бутылка виски, а за ней, подальше, но все равно на виду, лежала записка с нарисованным на ней красными чернилами черепом с костями и грозной надписью: «ОСТЕРЕГИСЬ! Не то попадешь прямиком в ад!» Бутылка была пуста.

Аллейн двумя пальцами приподнял записку, и за ней обнаружилась маленькая коробочка, наполовину заполненная таблетками.

– Взгляни-ка, Фокс, – сказал он.

– Так, так, – произнес Фокс, нацепив очки и внимательно посмотрев на коробочку. – «Братья Симон». Что нам про них известно?

– Амфетамины. Препарат запрещен в Великобритании. – Аллейн положил одну таблетку себе на ладонь. Едва он успел убрать коробочку на место, а таблетку положить в карман, как Фокс бросил:

– Идет.

Только Аллейн успел закрыть дверцу буфета и уселся обратно на стул, как звук неровных шагов возвестил о приходе мистера Харкнесса в облаке свежего перегара.

– Прошу прощения, – сказал Харкнесс. – Желудок вдрызг расстроился. Последствия шока. Так что вы говорили?

– Да я уже закончил, – ответил Аллейн. – Хотел только спросить, не будете ли вы возражать, если мы осмотрим ваши владения: место происшествия и так далее.

– Да смотрите где хотите, – ответил Харкнесс. – Только ради бога, умоляю вас, не заставляйте меня туда идти.

– Нет-нет, конечно, можете не ходить, если не хотите.

– Мне этот овраг снится, – прошептал Харкнесс, потом после долгого молчания добавил: – Меня заставили на нее смотреть. Оpozнание. Ужасное зрелище. Ладно, не смею вас задерживать. Удачной охоты. – Он издал лающий звук, похожий на смех, не без труда встал на ноги и всхлипнул.

Когда Аллейн, Фокс и Планк уже были у выхода, Харкнесс, шатаясь, проковылял по коридору к Аллейну и всучил ему розовую брошюрку.

«ВИНО – ГЛУМЛИВО, – гласил яркий заголовок. – СИКЕРА²⁰ – БУЙНА²¹».

– Прочитайте, – проговорил, запинаясь, мистер Харкнесс. – Изучите, запомните и хорошенько усвойте²². До встречи в воскресенье. – Он резко повернулся и удалился, на ходу помахав рукой. Звук его неровных шагов затих в коридоре.

– Такими темпами он долго не протянет, – покачал головой Фокс.

– Бедняга не в себе, мистер Фокс, – сказал Планк, будто чувствуя необходимость оправдать поведение земляка. – Совершенно не в себе. Это все выпивка.

– Да уж, понятно.

– Он не привык к алкоголю.

– Как я погляжу, успешно привыкает, – констатировал Фокс.

– А раньше он пил? – спросил Аллейн.

– Ни капли в рот не брал. Говорил, что пьяниц ждет геенна огненная. А его душа, мол, спасена, – добавил Планк.

– От чего? – удивился Фокс. – А, ну да, вечные муки в аду и все такое... А про воскресенье он что сказал? Кто-то собирался встретиться с ним в воскресенье?

– Я встречаться с ним не собирался, – ответил Аллейн. – Погодите-ка. – Он пригляделся к брошюрке. За описанием ужасных последствий неводержанности следовал призыв приходить на воскресное собрание в старый амбар в «Лезерс», где будет служба и ужин; вход: с джентльменов пятьдесят пенсов, с дам – корзинка с едой.

Поверх печатного текста было размашисто написано: «Особый день! День гнева! 13 мая!!! Помните!!!»

– А что такого особенного в дате 13 мая? – спросил Планк и тут же сообразил: – Ах, ну да, конечно. Дульси.

– Поминальная служба? – предположил Фокс.

– Так или иначе, мы там будем, – сказал Аллейн. – Пойдемте. – И вышел первым.

Утро было солнечное и безветренное. На выгоне две лошади пощипывали друг другу бока. На склоне холма за терновой изгородью паслись еще три, помахивая хвостами и время от времени вскидывая головы.

– Умиротворяющая картинка, да? – спросил сержант Планк.

– Действительно. Вон там, что ли, старый амбар? – Аллейн указал на здание поодаль от конюшни.

– Да, сэр. Там он и проводит свои собрания. Как ни странно, многим в округе они пришлись по вкусу. Судя по всему, у него немало последователей.

– Были на собрании, Планк?

– Не, я на такие мероприятия не хожу. Мы с хозяйшкой моей к англиканской церкви принадлежим, а собрания эти, говорят, больше на устрашающие представления похожи.

– Ладно, на амбар позже глянем.

---

²⁰ Сикера (от *греч.* «сикера», от *арам.* «шикра») – обозначение любого алкогольного напитка, помимо виноградного вина (Библи.).

²¹ Притчи Соломона, 20:1.

²² Цитата из «Книги общей молитвы» (*англ.* Book of Common Prayer) – официального сборника молитв и других литургических предписаний англиканства.

Они направились к прогалу в изгороди. Место, откуда дважды прыгнула рыжая кобыла, было обнесено импровизированным заборчиком, наспех сколоченным, но прочным. Следы копыт кто-то огородил досками.

– А это по чьему распоряжению поставили? – спросил Аллейн. – Суперинтенданта?

– Э-э... нет, сэр, – ответил Планк, после некоторого колебания.

– Сами сделали?

– Да, сэр.

– Правильно, хорошая работа.

– Спасибо, сэр, – отозвался пунцовый от похвалы Планк, убирая доски. – Человеческих следов не так много было, да еще дождь сильный лил. А вот следы копыт были повсюду.

– И вы их сохранили.

– Даже слепки сделал, – пробормотал Планк.

– Да вам за это памятник ставить надо, – восхитился Аллейн.

Они подошли к прогалу. Ветки терна были пригнуты к земле. Аллейн окинул взглядом дно оврага и противоположную сторону, где стояло нечто вроде палатки. Над этим строением и вокруг него была прокопана канавка.

– Черт, ничего себе прыжок, – сказал Аллейн.

На той стороне, где они стояли, земля значительно оползла, а на противоположной стороне виднелось множество смазанных следов копыт.

– Судя по следам, – начал Планк, – лошадь сорвалась вниз и придавила хозяйку.

– Кажется, вы недалеки от истины, – поддержал его Аллейн. Он осмотрел столбы по бокам от прогала. Ветки скрывали их наполовину, но под ними виднелись борозды, которые заметил Рики: на одном столбе они были тонкими, шли вкруговую и, по всей видимости, появились недавно, на другом – тянулись снизу вверх. Оба столба держались в земле непрочнo.

Аллейн с трудом продрался сквозь кусты к левому столбу.

– Землю вокруг как будто взрыхлили, – кряхтя, сообщил он, потом порылся в кармане и достал трехдюймовый кусок проволоки из каретного сарая.

– Начинается рутинная работа, – заметил Фокс.

Обернув руки носовыми платками, они с Планком раздвинули колючие ветки. Аллейн обхватил основание столба поцарапанной рукой и обернул его проволокой – она легла точно по борозде.

– Тютелька в тютельку, – прокомментировал Фокс.

– Теперь второй.

Они приложили проволоку к другому столбу – результат тот же.

– Ну, Планк, – сказал Аллейн, высасывая кровь из ранки на руке. – Как вы интерпретируете улики?

– Так же, как и раньше, сэр, хоть я и не связал бороздки с проволокой из сарая. Надо было, конечно, но я упустил это из виду.

– И?

– Похоже, она-то и была натянута между столбов, причем когда-то давно, потому что моток ржавый. – Планк осекся. – Нет, постойте, – сказал он. – Глупость я сморозил.

– Не торопитесь.

– Ага. Забудьте, что я сказал. Сэр, она была здесь давно, потому что борозды заросли терном.

Фокс прокашлялся.

– А вы что скажете, Фокс? – спросил Аллейн.

– Нет, не вполне сходится. Надо посмотреть поближе, – ответил Фокс. – Могли и с той стороны кустов натягивать.

– Да, я тоже так думаю. А вы, Планк?

- Сэр, – сконфуженно ответил тот.
- Нет-нет, продолжайте. Когда проволоку взяли из сарая?
- Недавно. Срез-то свежий.
- И что все это означает?
- Я бы предположил, – осторожно заметил Планк, – что она ее убрала перед тем, как прыгнуть. Проволока – это ведь очень опасно, сэр. Незаметная особенно.
- Очень.
- А молодой человек заметил бы ее, если бы она там была? – спросил Фокс.
- Аллейн вернулся к следам копыт там, где лошадь начала прыжок и заглянул в овраг.
- Проволока старая и не блестела бы на солнце, верно? Придется спросить юношу.
- Планк кашлянул.
- Простите, сэр. Я еще вдоль изгороди посмотрел, там нигде проволоки нет. И не было.
- Верно, – сказал Аллейн неуверенно. – Планк, я не могу переговорить с вашим суперинтендантом, пока он в больнице, так что я задам вам вопросы, которые в другой ситуации обсуждал бы с ним.
- Сэр, – сказал Планк, изо всех сил стараясь не выказывать радости.
- Почему решили не закрывать дело?
- Из-за проволоки, сэр. Я сообщил о своих выводах касательно бороздок на столбах, и суперинтендант сам их осмотрел. Это было в тот день, когда он слег с болью в животе. Ну, в тот вечер, когда у него лопнул аппендикс и ему сделали операцию. Его последние указания мне были такими: «Ходатайствуйте о дополнительном расследовании и держите рот на замке. Дальше делом займется Скотленд-Ярд».
- Ясно. Мистеру Харкнессу говорили про проволоку?
- Да, но толку-то, насколько я понял из его слов, она тут была так давно, что он и забыл про нее. Еще даже до того, как он купил конюшню. Он помнит, что Дульси отрезала ее перед прыжком, и я подумал, что это логично, если к его показаниям вообще можно применить слово «логично». – Планк снял свой полицейский шлем и заглянул внутрь, будто там скрывался ответ на вопрос. – Он был в таком состоянии, что спорить с ним было невозможно. На ту сторону не желаете взглянуть, сэр? Где она лежала?
- Они исследовали противоположную сторону оврага, а пришедшие с поля лошади смотрели на них, пренебрежительно раздувая ноздри. Планк убрал пленку с колышков, которыми он обозначил место, где лежала мертвая Дульси Харкнесс.
- Фотографии сделали? – спросил Аллейн.
- Фотография у меня вроде хобби, – ответил Планк и извлек из кармана фотокарточки
- Я везде ношу с собой фотоаппарат – вдруг да какой-нибудь хороший снимок получится.
- Надев очки, Фокс, глянул на фотографии и прищелкнул языком.
- Просто ужасно! Неприглядное зрелище. Бедная девушка.
- Планк придирчиво смотрел на свою работу, склонив голову набок.
- Если бы не рубашка, ее и узнать-то нельзя было бы, – небрежно заметил он.
- Аллейну вспомнилась фотография, которую он видел в конторе: крупная, неряшливого вида девушка в клетчатой рубашке, восседающая на рыжей лошади. Он сложил снимки обратно в конверт и убрал его в карман. Планк снова накрыл колышки пленкой.
- Кто находился в конюшне в промежутке между тем, как компания уехала кататься, и тем, как обнаружили мисс Харкнесс? – спросил Аллейн.
- С этим тоже загвоздка! – с досадой воскликнул Планк. – Только Кас Харкнесс. Вот, слушайте! – Он извлек из кармана блокнот, послуныявил палец и перевернул несколько страниц. – Харкнесс, Касберт. Я спросил мистера Харкнесса, где находились и чем занимались мисс Харкнесс, мистер Сидни Джонс и он сам после отъезда компании. Мистер Харкнесс ответил, что он отправил Джонса в Маунтджой за овсом, и тот отправился туда чуть позже. Дальше мистер

Харкнесс не смог совладать с эмоциями и принялся путано объяснять что-то про Джонса, мол, тот не сводил лошадь к кузнецу, как ему было велено. Вообще рассказ Харкнесса часто прерывался слезами. Мистер Джонс показал, что мистер Харкнесс ссорился с покойной, которая тогда была в своей комнате и отвечала ему из окна, а сам он был во дворе конюшни. Я спросил мистера Харкнесса, была ли его племянница заперта в своей комнате. Он ответил, мол, она разошлась до такой степени, что он поднялся тихонько наверх и повернул ключ в замке. Я осмотрел дверь: ключ торчал в замке с внутренней стороны, и дверь была не заперта. Я заметил зазор в три четверти дюйма между дверью и полом. Под дверью лежал тонкий половик. Мистер Харкнесс на это ответил, что он оставлял ключ снаружи. Я осмотрел половик и то место, где он лежал, и пришел к выводу, что его втащили в комнату – пыль на полу была смазана. Мистер Харкнесс косвенно подтвердил мою догадку, сказав, что когда покойная еще училась в школе, она нередко так сбегала из дома.

Планк поднял голову от блокнота.

– Ключ у меня, сэр, – пояснил он.

– Хорошо. То есть вы предполагаете, что она подождала, пока дядя уйдет, а потом сбросила ключ на половик. Но чем?

– У нее был такой старинный перочинный нож с крюком, чтобы выковыривать камешки из конских копыт. Она носила его в кармане бриджей.

– *Как раскрыть дело в два счета – пособие для начинающего детектива*, – пробормотал Аллейн.

– Сэр?

– Да-да, конечно. Вполне возможно. Итак, вы полагаете, что после ссоры она открыла дверь, спустилась, отрезала проволоку и выбросила ее куда-то. А кусачки положила в сарай...

– А, да, я и забыл, – сказал Фокс.

– ...потом оседлала рыжую кобылу и поехала навстречу смерти. Как-то не вяжется одно с другим. – Аллейн задумчиво потерел кончик носа. – Не очень правдоподобно. Хотя кто знает, что было на уме у этого бедного создания. Какой она была, Планк?

– Крупной, – ответил Планк после долгого раздумья.

– Это понятно. Я имею в виду характер.

– Ну, если бы она была кобылой, то можно было б сказать, что у нее все время случной сезон, – ответил Планк.

– Как-то вы странно выражаетесь, сержант, – строго заметил Фокс.

– Мой сын сказал нечто похожее по смыслу, – подтвердил Аллейн.

Они вернулись во двор. На полпути к выгону Аллейн остановился и поднял что-то с земли.

– Кто-то обронил пуговицу. Довольно красивую. С рукава, похоже.

– А я и не заметил, – удивился Планк.

– Ее лошади втоптали в грязь.

– Как зовут ветеринара, Планк? – спросил Аллейн.

– Блэкер, сэр. Боб Блэкер.

– Вы видели рану на ноге у лошади?

– Нет, сэр. Он почти сразу наложил повязку.

– Придется снять. Позвоните ему, Планк.

Мистера Блэкера, похоже, взволновала новость, что в конюшне полиция, и он даже не пытался скрыть любопытство.

– Что-то обнаружили?

Аллейн спросил, можно ли ему взглянуть на ногу лошади. Блэкер начал было возражать, но больше для проформы, нежели из опасений, что это может навредить лошади. Он отпра-

вился в денник к Рыжухе, и там был принят с полной благосклонностью и с доброжелательным равнодушием, с каким животные относятся к ветеринарам.

– Ну, как поживает наша девочка? – спросил Блэкер.

На лошади был недоуздок. Блэкер провел ее по двору и вернулся с ней в конюшню.

– Сейчас уже ничего серьезного? – осторожно предположил Планк.

Раздувая ноздри, кобыла потянулась к Аллейну.

– Подержите? – попросил ветеринар.

Аллейн взялся за недоуздок. Кобыла неуклюже ткнулась в него головой, пустила слюну и не обратила никакого внимания на то, что с ее ноги сняли повязку.

– Вот, – сказал мистер Блэкер. – Благополучно заживает.

Вокруг глубокого горизонтального пореза, дюйма на три выше копыта, уже начала отсрывать бритая шерсть.

– Чем нанесена рана? – спросил Аллейн.

– Не совсем ясно. Были царапины от терна – там ветки примяты, ну, вы сами видели, синяки еще и одна или две царапины, приземлилась-то она на мягкую землю. Я не смог найти ничего, чем мог быть нанесен такой порез. Глубокий, почти до кости. В изгороди не было ничего такого...

– Что на это скажете? – Аллейн вынул из кармана кусок проволоки, который он отрезал от мотка в каретнике, и приложил его к шраму. – Совпадает?

– Боже мой! – удивился ветеринар. – Полностью!

– Спасибо вам большое за помощь, – сказал Аллейн.

– Рад помочь. Э-э... сэр, – запнулся мистер Блэкер. – Я полагаю... э-э... то есть хочу сказать... э-э...

– Хотите спросить, почему мы здесь? Ваш суперинтендант попал в больницу и попросил, чтобы мы взглянули на место происшествия.

Они вышли во двор конюшни. Лошади из «Лезерс» паслись у бровки холма.

– Который здесь Мунго с лиловыми глазами? – поинтересовался Аллейн.

– Жеребец тот? – сказал Блэкер. – Усыпили мы его неделю назад. Кас давно хотел это сделать, обозлился после того, как Мунго его лягнул. Вообще-то, да, тот еще был злодей. Но Дульси его любила. Хотела тренироваться прыгать на нем, в соревнованиях участвовать. Вот уж удумала! Ну ладно, я пойду. Хорошего утречка вам.

– Взглянем теперь на амбар? – спросил Аллейн, когда ветеринар ушел. – Если он открыт, конечно.

Каменный амбар позади конюшен, по словам Планка, когда-то был частью фермы, существовавшей еще до «Лезерс». Со временем соломенную крышу заменили железной. Над дверью висел ключ, а на двери было нацарапано: «Добро пожаловать».

– Вот и разрешение, – сухо констатировал Фокс.

Незакрытые ставнями окна давали много света. Потолок под железной крышей отсутствовал, слышно было, как снаружи по ней ходят птицы. От помещения исходило ощущение напряженного ожидания, какое обычно воцаряется в полном людей зале при появлении постороннего. Перед небольшим возвышением со ступеньками располагалась примерно сотня стульев, разномастные скамьи и фисгармония. На возвышении стояли стол, большой стул и шесть стульев поменьше. Стол украшала подставка для книг и какая-то железная штука с изображением костра с крестом и мечом по бокам.

– Криса Била работа, кузнеца, – пояснил Планк. – Сюда на собрания ходит.

В глубине возвышения белела стена с дверью. Она вела в комнатку, где виднелись газовый котел, раковина и несколько шкафов с посудой.

– С дамы – корзинка, – пробормотал Аллейн и вернулся к возвышению.

Над дверью висел огромный, почти наполовину стены, алый плакат с грозной надписью белыми буквами: «ВОЗМЕЗДИЕ ЗА ГРЕХ – СМЕРТЬ»²³.

Сбоку стены тоже были украшены плакатами с религиозными догмами, включая цитаты из двадцать седьмой главы Второзакония²⁴. Одна из цитат привлекла внимание мистера Фокса. Она гласила: «Итак бодрствуйте, ибо не знаете, когда придет хозяин дома»²⁵.

– А они думают, что знают? – спросил Фокс Планка.

– Знают что, мистер Фокс?

– Ну, когда он придет.

Словно в ответ на его вопрос дверь открылась, и на пороге возник мистер Харкнесс. Он стоял против света, слегка покачиваясь и что-то нечленораздельно мыча.

Аллейн направился к нему.

– Надеюсь, – начал он, – вы не против, что мы вошли. На двери написано...

– Придет один – придут все! – возвестил голос из недр мистера Харкнесса. – «Много званых, а мало избранных»²⁶. Увидимся в воскресенье. – Он неожиданно рванулся к возвышению и, шатаясь, поднялся по ступенькам к двери в комнатку. Там обернулся и прорычал в своей привычной манере: – Вы ничего подобного в жизни не видели. Благодарю.

С этими словами Харкнесс отдал честь и скрылся за дверью.

– Да уж, не сомневаюсь, – сказал Аллейн.

---

²³ Послание к Римлянам, 6:23.

²⁴ Второзаконие – пятая книга Ветхого Завета и всей Библии.

²⁵ Евангелие от Марка, 13:35.

²⁶ Евангелие от Матфея, 20:16.

Глава 6

Утро в Коуве

В полдесятого утра Рики швырнул ручку на рукопись, взъерошил волосы и погрузился в пучину сомнений и тягостных раздумий, которые с неизменной периодичностью посещают всякого, кто занимается литературным трудом.

«Плохой из меня писатель. Пишу одно, а получается другое – претенциозная неумелая писанина. Или вообще ничего не получается. Пора с этим завязывать». – Его мысли нестройно, как куча плавника, устремились к событиям прошедших недель. Рики то снова барахтался между паромом и пристанью в Сен-Пьер-де-Рош, то видел насмешливую улыбку Джулии Фарамонд, которая вдруг сменялась страшным, похожим на маску лицом мертвой Дульси. В сотый раз возник вопрос, кто его пытался утопить: Феррант или Сид Джонс? И в сотый раз пришло чувство удивления, что кто-то вообще пытался его утопить. И все же он очень хорошо знал, что это правда и что отец ему верит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.